

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

**ГЮСТАВ
ЭМАР**

**Сокровище Картахены
Береговое братство
Морские титаны**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Густав Эмар

**Сокровище Картахены.
Береговое братство.
Морские титаны (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1869, 1873, 1877

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Эмар Г.

Сокровище Картахены. Береговое братство. Морские титаны (сборник) / Г. Эмар — «Азбука-Аттикус», 1869, 1873, 1877 — (Мир приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-14142-1

Бурная, полная авантур и приключений молодость известного французского писателя Гюстава Эмара (1818–1883) стала неиссякаемым источником вдохновения для его творчества. Он исходил полмира, плавал по морям-океанам, воевал. Двадцать лет странствий позволили будущему писателю впрок запастись захватывающими сюжетами. Он написал семьдесят романов, которые выходили гигантскими тиражами. В настоящий том вошли три романа из цикла «Короли океана»: «Сокровище Картахены», «Береговое братство», «Морские титаны». Герои этих книг – знаменитые флибустьеры Красавец Лоран и пират по прозвищу Медвежонок Железная Голова, чьи имена наводили ужас на капитанов испанских галеонов. Разумеется, здесь есть и коварные враги, и верные друзья, и хитроумные интриги, и головокружительные приключения, и, конечно, любовь. В книге воспроизводятся иллюстрации, сделанные французскими художниками к первым изданиям этих романов.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-14142-1

© Эмар Г., 1869, 1873, 1877

© Азбука-Аттикус, 1869, 1873, 1877

Содержание

Сокровище Картахены	8
Вступление,	9
Глава I	24
Глава II	32
Глава III	39
Глава IV	44
Глава V	51
Глава VI	58
Глава VII	70
Глава VIII	81
Глава IX	86
Глава X	91
Глава XI	98
Глава XII	105
Глава XIII	109
Глава XIV	113
Глава XV	119
Глава XVI	125
Глава XVII	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

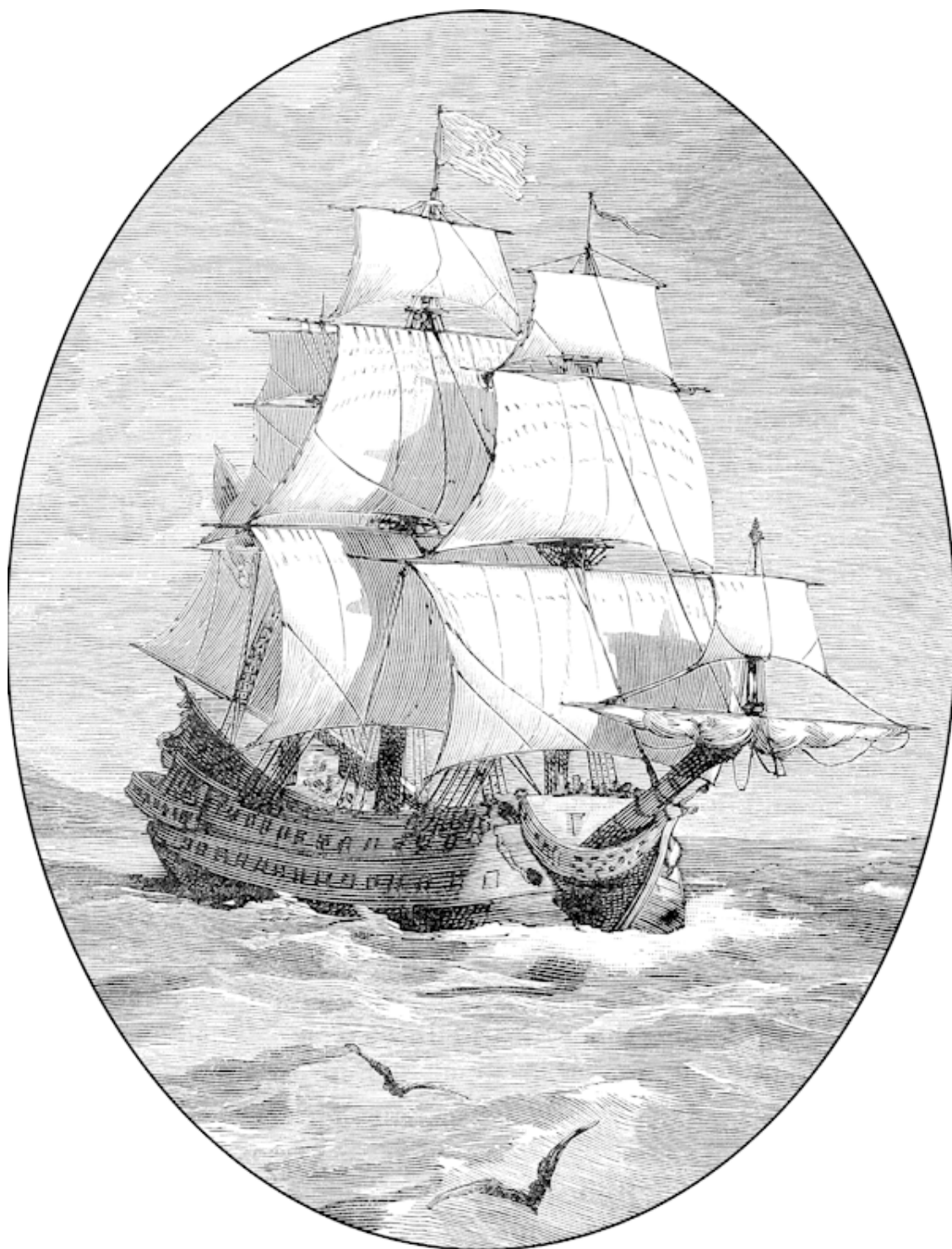
Гюстав Эмар
Сокровище Картахены
Береговое братство
Морские титаны

Серия «Мир приключений»

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Сокровище Картахены

Вступление, в котором автор сообщает читателю, как нежданно-негаданно оказался рассказчиком

Во время моего последнего путешествия в Америку, которое, скажу, не указывая даты, относится не к такому уж давнему прошлому, как полагают – или делают вид, что полагают, – многие из моих добрых друзей литераторов, судно, на котором я отплыл из Гавра, попало в бушевавшую у Малых Антильских островов непогоду. Пользуясь попутным ветром, капитан направил его к острову Сент-Кристофер, чтобы укрыться в гавани и заделать серьезную течь, грозившую потоплением, несмотря на все усилия команды откачать воду.

В одном из моих романов, посвященных истории Береговых братьев, я уже рассказывал об острове Сент-Кристофер – колыбели флибустьерства, из которой вышли великие отверженные XVII века, чтобы, подобно стае хищников, напасть на острова Санто-Доминго и Тортугу, иначе называемый Черепашьим островом.

Остров Сент-Кристофер, на языке карибов зовущийся Лиамнига, ныне входит в состав группы Малых Антильских, или Подветренных, островов, ныне принадлежащих Англии. Сент-Кристофер расположен в двадцати милях к северо-востоку от острова Антигуа и двадцати восьми милях от Гваделупы, совсем рядом с островом Невис, на 18° северной широты и 63° восточной долготы. Этот небольшой, около шести миль в длину, остров, подобно большей части Антильских островов, имеет вулканическое происхождение. Большую его часть составляют горы, а самая высокая точка пересекающего остров горного кряжа – гора Мизери – не что иное, как потухший вулкан высотой в три тысячи пятьсот футов.

Ныне этот густонаселенный остров процветает. Жители его ведут обширную торговлю ромом, сахаром, кофе, хлопком и прочими колониальными товарами.

В XVIII веке остров Сент-Кристофер называли еще и Кротким островом, памятуя об учтивости первых французов, поселившихся здесь. Поговорка, некогда очень распространенная на Антильских островах, гласила: «На Сент-Кристофере живут дворяне, на Гваделупе – мещане, на Мартинике – солдаты, на Гренаде – чернь».

Бедствия и невзгоды преследовали жителей Сент-Кристофера в течение целого столетия. Когда по Версальскому договору остров окончательно перешел под власть англичан, несколько французских семейств продолжали жить на нем, пользуясь заслуженной славой благодаря своему благородству и высокому складу ума. Люди эти были коренными сенткристоферцами, поскольку вели свое происхождение от первых колонистов, обосновавшихся на острове. Однако в душе они остались верны своему отечеству, считая себя здесь чужеземцами и в качестве власти признавая только французского консула в Бастере, главном городе Сент-Кристофера.

Наше судно бросило якорь у Песчаного мыса. Капитан предупредил меня, что мы стоим тут довольно долго – по крайней мере недели три.

Поначалу я был раздосадован этим известием. Но частые путешествия приучили меня, благодарение Богу, философски относиться к неприятным неожиданностям: я быстро примирился с новыми обстоятельствами и стал раздумывать, как провести предстоящие три недели с наибольшей для себя пользой.

Признаться, задача оказалась не из легких. У себя на родине англичане живут довольно замкнуто и не славятся особой вежливостью по отношению к чужестранцам. В колониях же своих они и вовсе отгорожены стеной высокомерия. По правде говоря, я никогда не испытывал особой симпатии к этим себялюбивым островитянам, чопорно-холодным и надменным. Они прямо-таки излучают презрение к приезжим, а французов, как ни крути, просто ненавидят.

Хотя надо признать, что и те в долгу не остаются, в особенности в Азии, Африке и Америке – там, где англичане, эти карфагеняне новейших времен, открывают свои торговые конторы.

Собственно, мне и в голову не пришло заявиться к местным властям или представиться какому-нибудь английскому семейству. Чай расслабляет мои нервы, а от британского высокомерия меня коробит.

Перерыв свои бумаги, я наконец отыскал рекомендательное письмо, данное мне на всякий случай накануне отъезда из Парижа приятелем, креолом с Гваделупы, на то время редактором одной из влиятельных политических газет.

– Как знать... – сказал он, вручая мне письмо. – Случаются обстоятельства, предвидеть которые невозможно. Не исключено, что скитания по белу свету занесут вас на остров Сент-Кристофер. Ваша англофобия мне известна, и я черкнул пару строк своему родственнику, живущему, кажется, в окрестностях Бастера, но где именно – не знаю. Нам ни разу не пришлось встретиться лично, так как я не бывал на Сент-Кристофере, а он во Франции. Но вас не должно смущать это обстоятельство. Вы можете смело явиться с моим письмом, и будьте уверены, вам окажут самый радушный прием.

Письмо моего приятеля-креола я положил вместе с другими на дно чемодана и забыл о нем. Известие о трехнедельной стоянке заставило меня вспомнить о позабытом было рекомендательном письме, и я почувствовал искреннюю радость, наконец отыскав его под кипой бумаг. Послание было адресовано графу Анри де Шатограну, сент-кростоферскому землевладельцу. Сей драгоценный талисман я положил в бумажник, отправляясь на берег.

Первое, что я сделал по высадке, – нанял проводника с лошадью, что обошлось мне в два ливра: довольно высокая цена за едва ли двухчасовое путешествие. Мы направились к Бастеру, куда и прибыли в три часа пополудни.

За время пути я не перекинулся ни одним словом со своим проводником, чем, видимо, внушил ему высокое мнение о своей особе. Я довольствовался созерцанием природы. Гористая местность, по которой мы ехали, была необычайно живописна.

Надо отдать должное англичанам: где бы они ни поселились, местность тотчас обретает отпечаток, свойственный всем их владениям. Они приносят с собой жизнь, движение и ту лихорадочную деятельность, которая составляют тайну их коммерческого преуспевания. Даже в Европе мне редко доводилось видеть поля, возделанные лучше, дороги, поддерживаемые тщательнее, и дома – прелестнее английских.

Картина, представшая моим глазам, приводила меня в восторг. Крошечный островок, затерявшийся в бескрайнем Атлантическом океане, дышал довольством и благоденствием. Я почти стыдился в душе за нас, французов, неучей в деле колонизации. Бездарная палочная система, так глубоко и вместе с тем так порочно укоренившаяся в колониях, способствовала тому, что любой, даже самый плодородный и густонаселенный, край после нескольких лет нашего владения превращался в широко раскинувшуюся бесплодную пустыню.

При въезде в Бастер проводник почтительно поинтересовался, не желаю ли я остановиться в гостинице «Виктория». Во всех английских колониях есть гостиницы с названиями «Виктория» и «Альбион». Я попросил проводить меня прямо к дому французского консула. Это был уютный особняк, расположенный между двором и садом, на самой набережной.

Радостно дрогнуло мое сердце при виде широко развеваемого порывистым морским ветром милого нам трехцветного флага. За границей я – шовен¹ и, сознаюсь со всем смирением, вполне разделяю мнение храброго генерала Лаллемана, который говорил, что каждый француз на чужеземной почве должен быть достойным представителем Франции и заставлять уважать ее одним своим видом.

¹ Николя Шовен – полумифический персонаж, пафосно выражавший любовь к Франции. Отсюда: шовинизм.

Звание вице-консула на Сент-Кристофере – приятнейшая на свете должность, не хлопотная и с приличным окладом. В гавань не заходит и трех французских кораблей в год. При таком положении дел вице-консулу Франции пришлось бы, подобно генеральному консулу короля Сиамского в Париже, сидеть с утра до вечера сложа руки. Но он, человек в высшей степени образованный, фанатик-естествоиспытатель, – сумел придумать себе занятия, не оставляющие и минуты свободного времени.

Господину Дюкрею – под этим псевдонимом я скрою настоящее имя чудесного человека, которому обязан тем, что не умер от сплина на Сент-Кристофере, – было около сорока пяти лет. Высокого роста, изящно сложенный, он отличался изысканным обращением. Его открытое умное лицо излучало невыразимую симпатию к окружающим. Господин Дюкрей принадлежал к одному из тех французских семейств, о которых я уже сказал выше, и пользовался большим уважением даже у английских властей.

Вице-консул принял меня радушно, тотчас велел отослать проводника с лошадью и объявил, что я принадлежу ему на все время моего пребывания на Сент-Кристофере. Чернокожий слуга взял мой чемодан, а господин Дюкрей провел меня в уютную комнатку, окна которой смотрели на гавань.

– Чувствуйте себя как дома, – сказал, улыбаясь, хозяин, – комната в вашем распоряжении на все время пребывания здесь.

Я начал было протестовать, сказав, что вторжение чужого человека в дом сопряжено для его обитателей с неудобствами и что если оно и не в тягость, то в любом случае стесняет хозяев.

– Во-первых, вы не чужой, – возразил господин Дюкрей, – вы соотечественник, а следовательно, друг. Во-вторых, вы вольны уходить, приходить, делать что угодно. И наконец, я живу сейчас холостяком: жена и дочь гостят у близких родственников на Антигуа и вернутся не раньше чем через два месяца. Так что вы не только не стесните меня, но, напротив, окажете истинную услугу, если примете мое гостеприимство.

Возразить на это мне было нечего, я пожал господину Дюкрею руку, и вопрос был решен. Он оставил меня приводить в порядок мой костюм, и спустя некоторое время я снова присоединился к нему. О прибытии судна Дюкрея известили с утра. Он ждал капитана к обеду.

Я пожалел, что, спеша оказаться на берегу, не предупредил капитана о своих действиях, но сделанного вернуть было нельзя.

– Забыл сказать вам, – с улыбкой обратился ко мне хозяин, – у нас в доме звонят четыре раза в день: к завтраку, обеду, полднику и ужину, который накрывают в восемь часов.

Это сообщение рассмешило меня.

– Стало быть, вы целый день едите?

– Почти, – отвечал также со смехом хозяин. – Мы заимствовали этот обычай у англичан. Вам, без сомнения, известно, что они много едят и особенно пьют. Однако не пугайтесь: у меня в доме едят и пьют, только когда голодны или испытывают жажду. Итак, вы предупреждены... Впрочем, после звонка никого не ждут, а садятся за стол. Так что у вас не будет ни малейшего повода чувствовать себя стесненным. Как хотите, мой дорогой, а я решительно и безвозвратно завладел вами в свою пользу. А как прикажете иначе? Часто ли заглядывают французы в этот дальний уголок? Так как же выпустить из рук того, кто случайно залетел в наши края? Не желаете ли взглянуть на мои коллекции? Они довольно хороши и содержат много любопытнейших экспонатов.

Я тотчас последовал за ним.

Дюкрей скромно именовал «своими коллекциями» настоящий музей, занимавший в его доме пять больших комнат. С исключительным терпением и тщанием он собирал образцы богатой флоры Антильских островов, как Больших, так и Малых. Фауна также была представлена многочисленными экспонатами млекопитающих и насекомых. Далее шли минералы всякого рода и свойства, карибские древности, бог весть где отысканные... И все здесь было с пони-

манием дела расставлено, тщательно классифицировано и снабжено ярлыками. Несомненно, такой коллекции могли бы позавидовать директора парижских музеев.

Гумбольдт, д'Орбиньи и еще двое-трое знаменитейших ученых посетили экспозицию, или собрание – как будет угодно читателю называть коллекцию Дюкрея, – и остались пораженными увиденным.

Что касается меня, то никогда в жизни не доводилось мне видеть ничего более необычного и занимательного.

Три часа пролетели как миг за созерцанием чудес, на которые невозможно было налюбоваться вдоволь. Я мог бы рассматривать сокровища Дюкрея до вечера, если бы черный слуга не пришел доложить о прибытии капитана Дюмона.

Капитан ожидал вице-консула в гостиной и был крайне удивлен моим появлением, так как пребывал в полной уверенности, что я нахожусь на судне. Впрочем, вскоре все объяснилось. Через пять минут мы уже сидели за столом.

Сперва речь шла о Франции и событиях, произошедших в ней за последние месяцы. Капитан привез для вице-консула целую кипу газет: Дюкрей, не имея понятия о положении дел в Европе, был рад возможности ознакомиться с политическими новостями своего отечества. Потом приступили к обсуждению условий займа, в котором нуждался капитан для починки своего судна, и когда условия эти были оговорены, разговор свернул на другие темы и естественным образом коснулся острова Сент-Кристофер.

Тут уж вице-консул был в своей стихии и с милой снисходительностью знакомил нас с правами креолов, живших на острове, и с немногими доступными приезжим удовольствиями и местными развлечениями, весьма, впрочем, скромными.

– Здесь проживают несколько французских семейств, – заметил капитан. – Они богаты и пользуются уважением английских властей.

– Это так. Хотя у них с англичанами нет ничего общего и контакты между ними весьма редки, – отвечал Дюкрей. – Все эти семейства остались верны своему отечеству: ни уговоры, ни лесть не смогли заставить их принять английское подданство. Они упорно остаются французами. Дети их по большей части воспитываются во Франции и служат там или в армии, или на дипломатическом поприще, или в судах. Заплатив отечеству свой долг, эти воины, судьи или дипломаты возвращаются сюда доживать дни в мире и спокойствии.

– Это же прекрасно! – вскричал я в восторге.

– В этом нет ничего особенного, – добродушно заметил Дюкрей. – Обыватели не обязаны подчиняться политике. То же явление вы встретите почти во всех прежних французских владениях. Но я должен сознаться, что предрассудки, а именно так англичане называют нашу любовь к отечеству, здесь распространены сильнее, чем где бы то ни было.

– Чему вы приписываете это? – осведомился я с любопытством.

– Остров Сент-Кристофер с самого начала принадлежал одновременно и французам, и англичанам. По странному стечению обстоятельств, как только французские авантюристы высаживались на одном берегу, англичане тут же ступали на противоположный. Эти искатели приключений сперва жили в полном согласии. Потом французы вытеснили англичан и завладели всем островом. Англичане не раз тщетно пытались вновь поселиться на нем, а когда они чего-то захотят, то, как вам известно, добиваются цели, ибо упорство – самое драгоценное качество англичан. Версальский договор окончательно решил вопрос в их пользу, но для французских семейств, которые желали остаться на Сент-Кристофере, было выговорено право сохранять свой статус, ведь эти семейства происходили от первых поселенцев и каждая семья среди своих предков имела по крайней мере одного знаменитого флибустьера – грозу Испании, могуществу которой тогда были нанесены первые и самые чувствительные удары.

– Значит, нынешние здешние французы – потомки...

– ...тех флибустьеров, которые позднее завладели Тортугой, – закончил фразу Дюкрей, – и половиной острова Санто-Доминго. Сам я – правнук небезызвестного Дюкрея, который во главе всего лишь сотни соратников овладел Гренадой и собрал с ее обитателей огромную дань. Маркиз де Ла Монтгербю – близкий родственник д’Ожерона. Барон Дюкас – потомок знаменитого флибустьера, назначенного Людовиком Четырнадцатым командующим эскадрой. Кавалер дю Плесси, барон дю Росей, граф де Шатогран и кавалер Левассер – все они потомки авантюристов, заслуживших громкую славу. Естественно, что люди, чьи предки закладывали основу владычества Франции в Америке, гордятся своей национальностью и не желают переселяться из края, откуда их деды и прадеды под предводительством Монбара отправлялись совершать великие подвиги.

– Разумеется! И Франция должна гордиться его неизменной верностью! Однако позвольте, кажется, вы упомянули в числе прочих имя графа де Шатограна?

– Действительно упомянул, – вице-консул снова дружески улыбнулся, – и могу прибавить, что оно едва ли не самое чтимое и дорогое нам во многих отношениях. Разве вы знаете графа де Шатограна?

– Откуда же, ведь я здесь в первый раз!

– Это ничего не значит. Ведь могли же вы знать отпрысков младшей ветви фамилии Шатогранов – они родом с Антигуа. Там до сих пор обитают несколько членов этого славного семейства.

– Нет, но у меня имеется рекомендательное письмо к графу Анри де Шатограну, которое дал мне перед моим отъездом из Парижа господин Н. де С. из Гваделупы.

– О! Граф Анри окажет вам самый теплый прием. И завтра же я лично представлю вас ему.

– Вы очень любезны, однако позвольте осведомиться, кто же этот граф Анри де Шатогран, чье имя вы произносите столь благоговейно?

Дюкрей снова улыбнулся и, облокотившись на стол, стал машинально вертеть в руках нож.

– Граф де Шатогран, – ответил он спустя мгновение, – натура избранная, великая душа. Таких людей природа создает, быть может, одного на сто миллионов. Прежде чем представить вас графу, скажу несколько необходимых слов о нем.

– Буду весьма обязан.

– Графу Анри де Шатограну теперь девяносто шесть лет, но до сих пор, как это ни поразительно, его высокая фигура пряма, черты лица выразительны, тонки и изящны, а взгляд необычайно живой. Его спокойное и умное лицо дышит неизъяснимой добротой, а благородные седины придают ему печать особенного величия. Несмотря на глубокую старость, граф весьма бодр: он охотится, словно сорокалетний. Усталость и болезни не имеют власти над его могучим организмом, ему дано прожить до полутораста лет, если не случится чего-нибудь непредвиденного.

Духовная статья его соответствует физической. После Войны за независимость Соединенных Штатов, в которой он участвовал вместе с де Рошамбо и Лафайетом, граф последовал за бывшим своим генералом и другом во Францию. В тысяча семьсот восемьдесят девятом году ему было двадцать семь лет. Он находился в числе тех немногих дворян, которые с искренним энтузиазмом приветствовали начавшуюся эпоху возрождения былого величия Франции. Граф де Шатогран происходит из военной семьи, и, разумеется, его место было в действующих войсках. В девяносто втором году он отправился волонтером на северную границу как адъютант Пишегрю и участвовал во взятии Вейсбургской линии. В девяносто пятом году де Шатограна произвели в генералы, а позднее он последовал за Бонапартом в Египет. День восемнадцатого брюмера наполнил его скорбью: он понял, в какую бездну увлекает Францию слепая восторженность народа. Герой Лоди и Пирамид шел исполинскими шагами к избран-

ной цели, и ослепленная толпа стремилась за ним с громкими рукоплесканиями. Это был уже не Бонапарт, но еще и не Август. Это был Цезарь, которому достаточно было протянуть руку к императорской короне, чтобы завладеть свободой, так дорого обошедшейся Европе.

Пробил последний час республики. Граф де Шатогран понял, что роль солдат девяносто третьего года кончена, что впредь все стремления Франции будут подавлены и поглощены славой одного человека. Граф с грустью покорился, переломил шпагу и навсегда простился с отечеством, оплакивая разлуку с Францией и судьбу страны. По возвращении на остров Сент-Кристофер он словно заключил себя в неприступную крепость, которую больше не покидал.

Таков граф де Шатогран. От каждой новой блестящей победы, которой добивалась империя, он содрогался, словно раненый лев. Исполинская мечта о воссоздании трона Карла Великого страшила его. Уже начиная с восьмисот девятого года он предвидел год восьмисот сорок одиннадцатый, и его предчувствие сбылось. Он глубоко скорбел об этом, потому что за разбитым титаном видел предсмертные муки, в которых содрогалось тело Франции, изнемогающей в борьбе. И все же он остался верен своей клятве и своим убеждениям: он отверг все императорские предложения.

Узнав о революции восьмисот сорок восьмого года, он с грустью воскликнул: «Где восторженность семисот девяносто второго года? Правительства насильно не навяжешь, каким бы именем ни называли его. Нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Былая трагедия оборачивается жалким фарсом». С той поры он больше ни словом не касался политических событий.

Живет граф патриархально, в окружении семьи, но взгляд его постоянно прикован к Франции, за которую он проливал кровь на двадцати полях битв и из которой сам себя добровольно изгнал, понимая, что более никогда ее не увидит.

Мы с капитаном слушали этот простой и прекрасный рассказ с глубоким сочувствием.

– Черт возьми! – вскричал Дюмон. – Да этот ваш граф де Шатогран – преславнейший человек!

– Да, – согласился Дюкрей с доброй улыбкой, – это человек великой души, способный на любую жертву, и дни свои он закончит в неизвестности, вдали от отечества, для которого столько сделал.

– Неблагодарность народов – вот венец, возложенный Богом на великих граждан! – подытожил слова Дюкрея капитан.

– Однако я не скажу более ничего. Завтра вы увидите графа и сами сможете судить о нем... Господа, вот гаванские сигары. Ручаюсь, они просто превосходны.

– Еще одно слово, – сказал я, выбирая сигару.

– Я слушаю.

– Граф де Шатогран также является потомком какого-то знаменитого флибустьера...

– Знаменитейшего, быть может, из всех, потому что слава его всегда оставалась незапятнанной. Он не был жесток, как его друг Монбар Губитель, не был жаден, как Морган, не был свиреп, как Олоне. Он не был мстителен, как Красавец Лоран. Нет, сей флибустьер своими подвигами долго заставлял Испанию опасаться за свои колонии и, можно смело сказать, заслужил уважение своих врагов.

– О! Тогда я знаю его имя! – с живостью вскричал я. – В летописях флибустьерства Александра Оливье Эксмелина упоминается только один человек, который подходит к начертанному вами великолепному портрету.

– И человек этот?... – с улыбкой спросил консул.

– Медвежонок Железная Голова!

– Ну так я вам скажу, – ответил Дюкрей, вставая, чтобы провести нас на террасу подышать свежим морским воздухом, – граф Анри де Шатогран – правнук Медвежонка Железная Голова.

Я несколько оторопел, так как на самом деле не мог и надеяться ни на что подобное.

Постель, предложенная мне Дюкреем, оказалась весьма удобной. Однако возбуждение, вызванное пережитыми эмоциями, было настолько сильно, что всю ночь напролет я не мог сомкнуть глаз. Я с нетерпением ждал минуты, когда увижу человека, величие которого было всем известно и в личности которого спустя четыре поколения воскресли благородные качества его предка.

Надо сказать, что Медвежонок Железная Голова был из старых моих любимцев. Многократно я читал и перечитывал истории из его удивительной, полной подвигов и приключений жизни, описанной в произведениях тех немногих авторов, которые посвятили свое перо великим отверженным XVII века, прозвавшим себя Береговыми братьями.

Но в жадно поглощаемых мною отчетах о подвигах знаменитого авантюриста всегда оставались пробелы. Вероятно, Александр Оливье Эксмелин, писатель, который сам был действующим лицом большей части событий, с наивным простодушием описанных им, да и другие авторы, повествующие о том же предмете, знали авантюриста, прозванного Медвежонком, только как одного из предводителей флибустьеров, тогда как остальная его жизнь оставалась для всех тайной. Нигде я не находил никаких указаний на частную жизнь человека, всегда являвшегося мне в сиянии славы. Однако должен же он был любить и страдать, как все прочие члены большой семьи, имя которой – человечество.

Именно эти пробелы я жаждал заполнить, именно этих интересных подробностей я добивался.

Кто-то сказал: «Мир считает чудом людей, в которых жена или слуга не видят ничего замечательного». Слова эти, весьма похожие на правду, подстрекали мое любопытство и заставляли меня отыскивать всеми средствами мельчайшие подробности, столь важные для изучения жизни человека, которого хочешь точно описать.

К великому моему облегчению, начало светать. Однако какого мнения был бы обо мне мой добрый хозяин, вздумай я заявиться к нему ни свет ни заря. Моя бестактная поспешность могла произвести на него дурное впечатление: нельзя же таким образом ставить человека перед необходимостью сдержать данное слово.

Тем не менее к восьми утра мой запас терпения был полностью истощен и я сошел вниз.

Дюкрей был уже полностью одет. Он ждал меня, расхаживая с сигарой во рту взад и вперед по гостиной.

- А! – вскричал он, увидев меня. – Вот и вы! Как спалось?
- Превосходно, – с улыбкой ответил я, умолчав, разумеется, что даже не сомкнул глаз.
- Я на ногах с шести часов. Мои дела, связанные с ведением консульской канцелярии, на сегодня завершены. И теперь я могу посвятить вам весь день.
- Не знаю, как благодарить вас за вашу неисчерпаемую любезность, но все-таки мне совестно, что я стал причиной стольких хлопот.
- Не понимаю, о каких хлопотах идет речь, мой дорогой гость?
- Во-первых, такие ранние занятия...
- Дюкрей засмеялся:
- Вы шутите! В колониях встают с зарей, чтобы воспользоваться утренней свежестью, и потому все дела делаются рано. Днем все закрыто, сиеста!

– Ну вот! – вскричал я с досадой. – Такое мое счастье!

– А в чем дело? – удивился он.

– Преглупая шутка! Представьте себе, мое нетерпение увидеть графа Анри де Шатограна было так велико, что я всю ночь не мог заснуть ни на минуту, но не вставал из опасения потревожить вас, поднявшись с петухами.

– Вы действительно заблуждались, – заметил Дюкрей, смеясь. – Я уже сделал, вернее, помог капитану сделать заем, в котором он нуждался, и добрых полчаса назад он, смею вас уверить, весьма довольный, отправился на Песчаный мыс с деньгами в кармане.

– В этом я не сомневаюсь!

– Потом я, как уже говорил, покончил с делами в канцелярии, прошелся вдоль гавани и, кроме того, отправил к графу де Шатограну нарочного, дабы предупредить о нашем приезде: так что нас ждут к завтраку! Потом я вернулся сюда, чтобы выкурить сигару в ожидании вашего пробуждения. Надеюсь, теперь вы уже не думаете, что стеснили бы меня, спустившись раньше. Но не стоит больше говорить об этом! Лучше выпьем по рюмке старого рома, закурим по настоящей сигаре – и в путь! Нам предстоит проехать с добрых три мили.

Сказано – сделано. Через пять минут мы уже ехали, отведав превосходного вина и выкурив по не менее превосходной сигаре. Двое чернокожих слуг в ливреях следовали за нами верхом на почтительном расстоянии.

Утро было великолепное, воздух теплый, освежаемый легким ветром. Мы ехали по дороге, содержащейся в таком же порядке, как аллеи королевского парка: по сторонам ее высились роскошные тропические растения, распространявшие приятную свежесть. Скрытые листвою, прыгали с ветки на ветку и звонко пели тысячи птиц. Необычные маленькие обезьянки, которые водятся исключительно на острове Сент-Кристофер, строили нам уморительнейшие гримасы.

Эти животные, заметим мимоходом, истинный бич для колонистов. Избавиться от них невозможно, а между тем они опустошают все поля.

После трех четвертей часа езды мы достигли подножия довольно высокого утеса. На вершине его стоял дом, вернее, великолепный замок, окруженный со всех сторон, кроме той, что была обращена к морю, роскошной растительностью. Он просто-таки утопал в море зелени.

– Видите этот замок? – спросил Дюкрей.

– Разумеется! И нахожу его великолепным.

– Склонитесь же перед ним, мой любезный соотечественник! На месте, где теперь высится этот великолепный замок, некогда стоял домик, построенный Монбаром по прибытии в Америку, первое его жилище в Новом Свете. Именно тут был составлен план знаменитой экспедиции, в результате которой Береговым братьям стала принадлежать Тортуга и часть Санто-Доминго. И именно к этому месту мы с вами направляемся.

– Гм! Весьма удачное место для гнезда хищной птицы, настоящее орлиное гнездо.

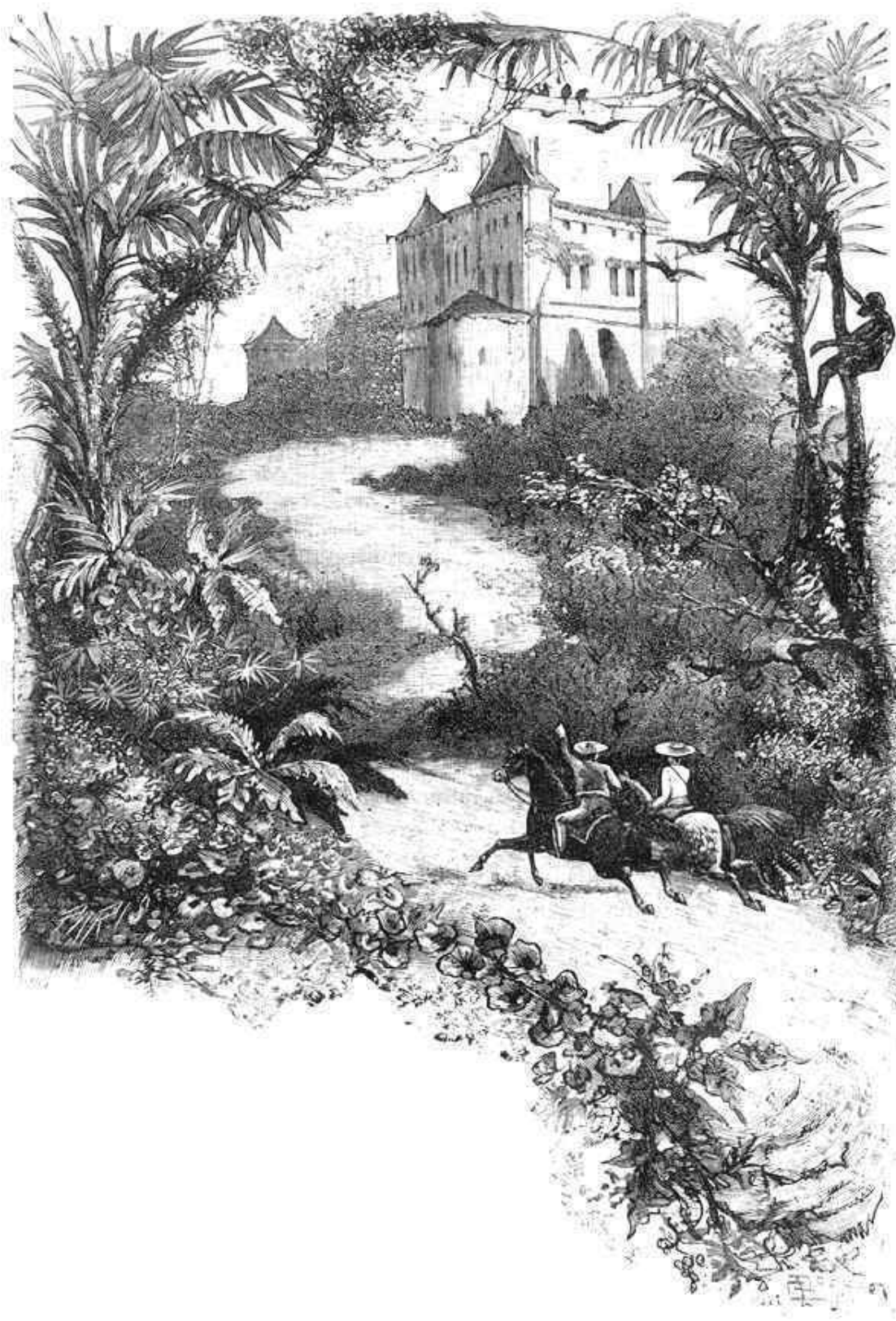
– Или ястребиное... Тот домик был подарен Монбаром своему матросу Медвежонку после блистательной картахенской экспедиции.

Разговаривая, мы поднялись по довольно крутой дороге, которая вела к замку, и оказались у обширного склона с террасами, окруженного стеной деревьев. Миновав решетчатые ворота необычной работы, мы несколько минут ехали по широкой аллее, окаймленной кустами молочая и алоэ, и наконец остановились у полукруглой мраморной лестницы, наверху которой стоял, ожидая нас, высокий старик с длинной белой бородой, с кротким и вместе с тем гордым выражением лица.

Я тотчас, вспомнив вчерашний рассказ моего хозяина, признал в старике графа де Шатограна: ошибиться было нельзя – так верен оказался набросанный Дюкреем портрет.

Нам был оказан самый радушный прием. Граф взял мое рекомендательное письмо, только для вида бросил на него взгляд и, дружески пожав мне руку, выразил удовольствие

видеть меня у себя. Он пошел вперед, указывая дорогу в большую гостиную, меблированную во вкусе конца XVIII столетия, а точнее, последних лет царствования Людовика XVI. Когда мы вошли, там не было никого.

Граф пригласил нас к столу, чтобы слегка перекусить с дороги. По заведенному в этих местах обычаю, в каждой комнате принято держать наготове накрытый стол с разнообразными прохладительными яствами, дабы гость мог утолить первый голод или жажду, едва успев их почувствовать. Потом беседа была продолжена за сигарами.

Признаться, я довольно рассеянно поддерживал разговор. Еще с порога мое внимание привлекла великолепная картина с подписью: «Филипп Шампань, 1672». Это было одно из последних произведений великого живописца, скончавшегося в 1674 году.

На картине этой, грандиозной по своим размерам, была изображена гористая местность на острове Санто-Доминго. Справа был написан шалаш, рядом с которым полуодетый человек, лицо которого было едва видно, стоя на коленях, вялил мясо, а в глубине, среди деревьев густого леса, можно было различить испанских солдат, вооруженных длинными копьями и пробирающихся вперед с величайшей осторожностью.

На переднем плане, готовый ступить из рамы в гостиную, как живой стоял человек лет тридцати двух или трех, в рубаше из сурового полотна, покрытой пятнами крови и жира. На нем были широкие, до колен штаны и короткие сапоги из звериной шкуры. Рубаша была опоясана ремнем из крокодиловой кожи, за пояс которого, слева, были заткнуты четыре длинных ножа в большом чехле, тоже из крокодиловой кожи, да мешок с пулями и бычий рог – справа.

Человек опирался скрещенными руками на ружье с рукоятью, изукрашенной серебром. Две гончие мышинной масти, широкогрудые, с висячими ушами, и два кабана лежали у его ног. Человек на картине имел поразительное сходство с графом. Отличие было в возрасте и падающих на плечи волосах цвета воронова крыла. Но черты лица были те же, что и у хозяина замка: выразительные, тонкие и умные, и блеск во взоре был тот же. Солнечный луч падал на картину, а случайная тень придавала лицу запечатленного на картине мужчины отпечаток неизгасимой грусти.

Без сомнения, этот сюжет был выхвачен из самой жизни тех грозных флибустьеров, или буканьеров, Санто-Доминго, которые не покорились могущественнейшим монархам. Судя по всему, на портрете был изображен предок графа, Медвежонок Железная Голова.

Я стоял, углубившись в созерцание, граф заметил мою задумчивость и по направлению моего взгляда уловил причину.

– А-а! – воскликнул он с пленительным добродушием. – Вас заинтересовала эта картина? Что вы можете сказать о ней, мой любезный соотечественник?

– Скажу, что это замечательное произведение, граф.

– Да, Филипп Шампань был гениальным портретистом, как вам, вероятно, известно.

– Так это портрет? – вскричал я с наивным простодушием.

– Портрет, – гордо вскинув голову, ответил граф. – Это портрет моего прадеда, капитана по прозвищу Медвежонок Железная Голова. Он пожелал быть запечатленным в костюме буканьера накануне возвращения во Францию после женитьбы.

– Как! – вскричал я, но вовремя опомнился и прикусил язык.

Граф улыбнулся:

– Разве вы не знакомы с историей этого знаменитого предводителя Береговых братьев?

– Весьма поверхностно, граф, и очень жалею об этом. Но никогда ничья биография не интересовала меня больше, нежели жизнь этой замечательной личности, – сказал я, продолжая рассматривать портрет.

В эту минуту раздался звонок, и граф провел нас в столовую, где уже находились несколько человек: три дамы и четверо мужчин, двоим из которых было от двадцати до двадцати пяти лет.

Двое старших мужчин были зятями графа, а двое младших – его племянниками.

Граф представил меня, и все сели за стол.

– У меня еще есть два сына, – пояснил мне граф, – но сейчас они отсутствуют. Один из них – контр-адмирал и командующий эскадрой, крейсирующей у берегов Бразилии, другой – дивизионный генерал и теперь, кажется, находится в Риме.

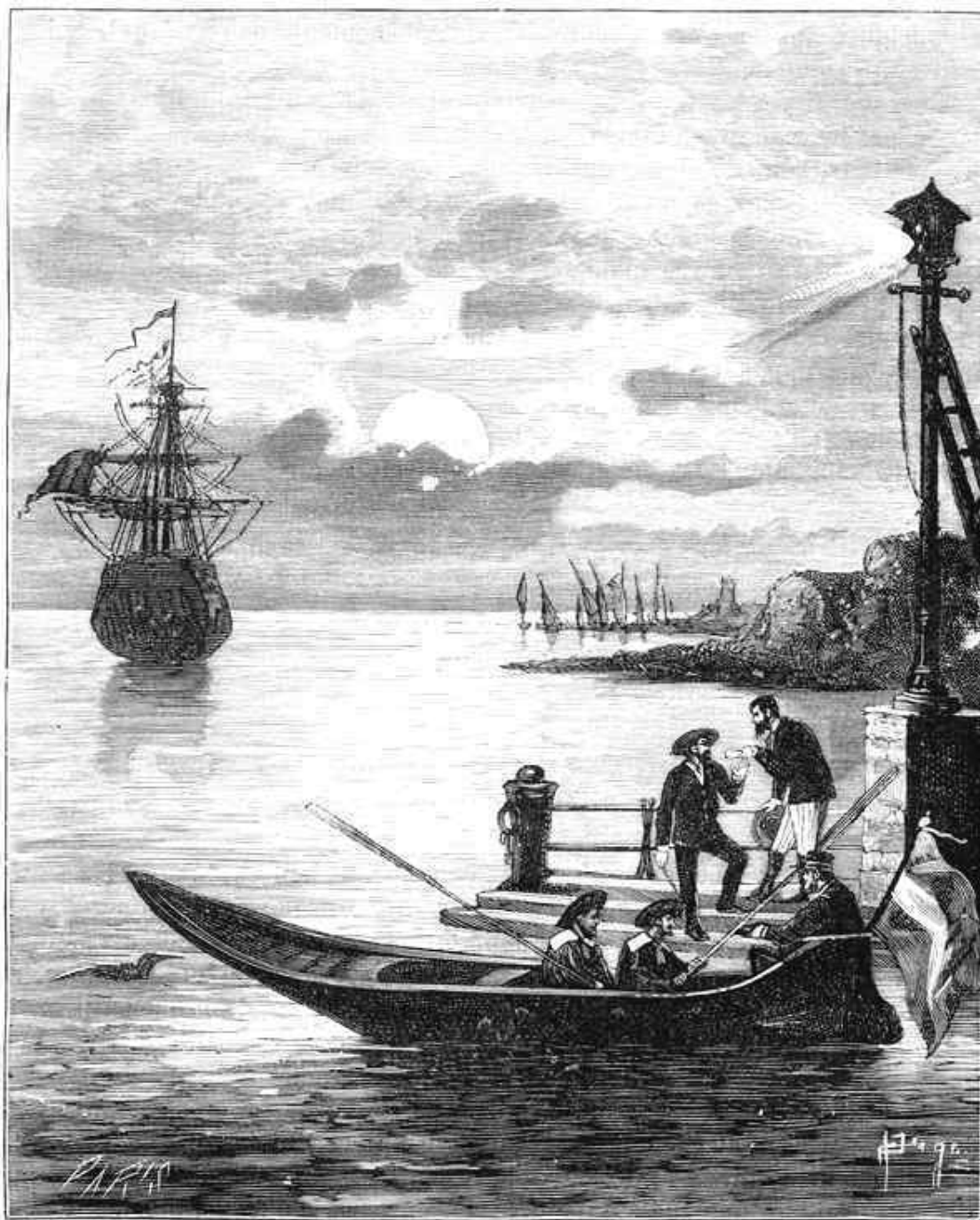
Я провел в замке два дня, так как хозяин ни за что не хотел отпустить меня в Бастер.

Визит свой я повторил, а потом стал навещать графа все чаще и чаще, пока наконец не взял за привычку приезжать в замок каждый день и проводить вечер с графом и его семейством.

Граф оказался изумительным рассказчиком, что теперь встречается редко: хорошая, точная память его удерживала множество остроумных анекдотов из последних лет царствования Людовика XVI и первых – революции. Он был накоротке со многими знаменитостями двух этих эпох и рассказывал о них массу чрезвычайно любопытных подробностей.

Граф де Шатогран был дружен с Дантоном, Камиллом Демуленом, обоими Робеспьерами, Сен-Жюстом, Фуше... Всех этих людей, оказавших столь громадное влияние на революцию, он представил мне совершенно в ином свете, нежели тот, в котором я видел их до сих пор.

Граф не навязывал своего мнения и не давал оценки, но откровенно и точно передавал то, что видел и слышал сам, предоставляя слушателям делать выводы из его слов.

Вечера пролетали с необычайной быстротой в занимательных беседах, перемежаемых иногда, но очень редко, музыкой. Замечу, кстати, что фортепиано, этот бич, изобретенный для терзания нашего слуха, проникло теперь даже на невинный остров Сент-Кристофер.

Однако одно обстоятельство огорчало меня: я часто пытался навести разговор на буканьеров – и каждый раз граф отклонял мою попытку, словно находил удовольствие в том, чтобы дразнить меня, не давая возможности прямо выразить просьбу, постоянно вертевшуюся у меня на языке.

Быстро миновал срок моего пребывания на Сент-Кристофере. Капитан Дюмон завершил починку своего судна и перевозил теперь на борт закупленные съестные припасы и пресную воду: через два дня судно снималось с якоря. Грустно мне было расставаться с добрыми обитателями замка, ведь они приняли меня, человека им чужого, с таким сердечным радушием.

Я не имел сил проститься с ними и откладывал до последнего минуты расставания и разлуку, которая должна была стать вечной.

Однако следовало наконец собраться с духом и объявить о своем отъезде. На другое утро в восемь часов мы снимались с якоря, и мне уже с вечера надо было отправиться на Песчаный мыс, чтобы оттуда переехать на корабль. Капитан любезно известил меня, что шлюпка будет ждать у пристани до полуночи. Было около восьми вечера, я не мог терять более ни минуты.

Расставание прошло очень тяжело. Милое семейство графа привыкло ко мне, я стал для них близким другом. Все отправились проводить меня до ворот, где уже ждал слуга с двумя лошадьми, которых Дюкрей любезно одолжил мне для путешествия. Прощание длилось довольно долго, однако настал все же миг разлуки, и я уехал.

В одиннадцать часов я был на Песчаном мысе и уже заносил ногу в ожидавшую меня шлюпку, когда меня почтительно остановил слуга, мой проводник.

– Простите, господин, – сказал он, – их сиятельство велели вручить это вам. – Он протянул мне тщательно перевязанный и запечатанный пакет. – И еще их сиятельство просил передать на словах, что они посылают это вам на память, чтобы вы не забывали о семействе Шатогран.

Я взял пакет, вложил ему в руку луидор и сел в шлюпку.

Когда я пробудился следующим утром, мы уже шли под парусами и остров Сент-Кристофер виднелся на горизонте синеватым облачком, которое вскоре и вовсе исчезло.

Тут я вспомнил о таинственном пакете, переданном мне графом Шатограном таким странным образом. Я распечатал, вскрикнул и даже выронил пакет из рук от радостного изумления. Поспешно подобрав его с пола, я тотчас запер на задвижку дверь своей каюты, чтобы никто не мог мне помешать, и, расположившись у письменного стола, аккуратно разложил перед собой содержимое пакета.

Во-первых, там была адресованная мне записка. Содержание ее было следующим:

Любезный соотечественник!

Простите мне коварное удовольствие, с которым я как бы нарочно уклонялся от разговора всякий раз, когда вы заводили речь о моем благородном предке. Вы не должны сетовать на причуды старика.

Я разделяю ваше мнение, что о буканьерах и флибустьерах XVII века мало что известно или, что еще хуже, представления о них искажены.

Эпитетами «флибустьер» и «буканьер» ныне награждают грабителей, убийц, разбойников.

Однако не может быть ничего более ошибочного: флибустьеры скорее походили на портсмутских пилигримов. Подобно последним, они искали свободы совести и требовали свободных законов. И еще они стремились к свободе на морях, свободе торговли и к уничтожению ненавистного владычества испанцев, почти повсеместного в Новом Свете.

Флибустьеры были свободные мыслители и действительно свободные люди.

Франция обязана им лучшими своими колониями, Испания – утратой своего могущества.

Зло, содеянное ими, забыто, добро – осталось. Франция воспользовалась ими, заклеив их кличкой пиратов, тогда как прежде вела с ними переговоры, признавала их право на существование и даже оказывала им покровительство.

Это последнее оскорбление естественно вытекало из ее неблагодарности за так великодушно оказанные ими громадные услуги, которые ей следовало бы вознаградить.

Вы видите, любезный мой соотечественник, что я не забыл ничего из наших коротких бесед о флибустьерах и, повторю, вполне разделяю ваш взгляд на них.

Примите в память о приятных часах, которые мы провели вместе, и в знак моего искреннего к вам расположения прилагаемую рукопись. Вся она принадлежит перу моего прадеда и представляет собой нечто вроде дневника, на страницах которого он ежедневно отмечал сведения, поистине драгоценные, не только о себе самом, но также и о некоторых самых известных своих товарищах.

С какой целью мой прадед вел сей дневник, я не знаю. Быть может, он собирался писать историю флибустьерства. Но если это и было первоначальным его намерением, он, без сомнения, отказался от него: я не нашел в архивах нашего дома ничего, что указывало бы на подобный факт даже косвенным образом.

Верьте,

Анри граф де Шатогран.

Я поспешил развернуть рукопись. Дневник был написан на пергаменте, и древность его не вызвала сомнений: выцветшие чернила, форма букв, правописание – все доказывало, что сей документ действительно относится ко второй половине XVII столетия.

На первом листе стояло:

Заметки о некоторых самых замечательных авантюристах с островов Санто-Доминго и Тортуга, оставленные авантюристом Медвежонком Железная Голова с лета от Р. Х. 1650 до 1690 включительно.

Все же граф, уже отпустив меня, решил полностью удовлетворить мое любопытство. И я, чувствуя себя благодарным ему до глубины души, немедленно принялся за чтение, оторвавшись от рукописи, лишь дойдя до последней страницы. Потом я тщательно спрятал драгоценную рукопись.

...Прошло несколько лет. Множество событий, сменявшихся одно другим, заставили меня позабыть о прощальном даре графа. Однако несколько месяцев тому назад рукопись попала мне на глаза, когда я искал какую-то книгу в своей библиотеке. И я перечитал ее даже с еще большим удовольствием, чем некогда на корабле. Тотчас по прочтении я положил рукопись перед собой и твердо вознамерился в самом скором времени подготовить ее для публикации.

И теперь эту рукопись я представляю читателю в собственном изложении. Ему судить, прав ли я был, когда извлек ее из забвения. Я и не думал несколько лет назад, когда случай привел меня на остров Сент-Кристофер, что в этом почти никому не ведомом уголке мира меня ожидает такая удача.

А теперь, как говорят испанцы, простите автору его ошибки.

Гюстав Эмар

Париж, 10 августа 1868 г.

Глава I

В которой автор встречается с капитаном Медвежонок Железная Голова

В пятницу, 13 сентября 16... года, в восьмом часу вечера светящаяся огнями гостиница «Сорванный якорь», расположенная на самом берегу гавани Пор-Марго и ставшая привычным местом сборищ флибустьеров и буканьеров с Тортуги и Санто-Доминго, пылала среди темной ночи, как горнило печи, и шум от криков, хохота, пения и звона бьющейся посуды несся из раскрытых навстречу свежему морскому ветру окон.

Обыватели – буканьеры, флибустьеры, вербованные работники, женщины, дети и даже старики – с любопытством толпились возле гостиницы, не обращая внимания на тарелки, стаканы и бутылки, то и дело летевшие в их сторону из окон, и весело примешивали свои возгласы к неистовому шуму, производимому тремя десятками пирующих за громадным круглым столом в большой зале.

В этот вечер в гостинице «Сорванный якорь» был устроен кутеж на флибустьерский лад, то есть до победного конца. От вина у пировавших побагровели лица, сверкали взгляды, гудели головы, бурлила кровь.

Капитан по прозвищу Медвежонок Железная Голова – один из самых грозных флибустьеров Тортуги – утром этого дня набрал из Береговых братьев экипаж в четыреста семьдесят три человека. Набор он совершал с величайшим тщанием, из самых отчаянных авантюристов, находившихся в это время в Пор-Марго, Пор-де-Пе и Леогане. Этой же ночью стоявший на рейде фрегат «Задорный» должен был сняться с якоря и отправиться неизвестно куда.

Перед выходом в море капитан собрал на прощальном пиру всех своих старых друзей. Самые знаменитые предводители флибустьерства сидели за столом и провозглашали тосты за успех таинственной экспедиции Медвежонка.

Тут были и Монбар Губитель, и Красавец Лоран, и Мигель Баск, и Дрейф, и Граммон, и Питриан, и Олоне, и Александр Железная Рука, и Жан Давид, и Пьер Легран, и Польтэ, и Дрейк, и еще много других Береговых братьев, быть может, не столь знаменитых, но не менее воинственных.

Бертран д'Ожерон, представитель власти Людовика XIV, губернатор Тортуги и французской части Санто-Доминго, сидел на почетном месте. По правую руку от него восседал виновник торжества – Медвежонок Железная Голова, по левую – Пьер Легран, молодой человек лет двадцати пяти, с тонкими и благородными чертами лица, помощник командующего предстоящей экспедицией.

Остальные флибустьеры расселись кто где.

Целая бригада несчастных работников, в драных штанах и перепачканных холщовых рубашках – по сути, в лохмотьях, – быстро и безмолвно, как привидения, сновала вокруг пирующих с блюдами, тарелками и винными жбанами, которые флибустьеры, забавы ради, время от времени бросали им в головы – разумеется, предварительно осушив.

Надо сказать, что Береговые братья все до единого прошли через этот тяжелый искус: обязанный работник, или данник, или вербованный, или попросту – слуга были лишь выучными животными, несчастными, чье право на жизнь и смерть на долгих три года рабства было присвоено их господами.

Медвежонку, настоящего имени которого никто из присутствующих не знал, было в то время года тридцать два. Он отличался исполинским ростом и необычайной силой. Черные глаза Медвежонка сверкали, на правильных, красивых чертах его лица были запечатлены достоинство и воля. Густая черная борода, скрывавшая всю нижнюю часть лица и спускав-

шаяся на грудь, придавала его внешности выражение странное, роковое. Его движения были сдержанны, изящны, походка – благородна, голос – чист и звучен.

Как и у большей части Береговых братьев, в его жизни было что-то, что он тщательно скрывал.

Никто не знал, кто он и откуда. Все, относящееся к прошлой жизни, даже имя его, – все было покрыто тайной. Окружающим о нем было известно только то, что случилось с ним после его прибытия на Антильские острова. Пока еще довольно короткая, жизнь его была мрачна и печальна. В течение нескольких лет этот человек терпел жестокие муки, но ни одной жалобы никто от него не слышал, незаслуженное несчастье не сломило его. Вопреки обычаям флибустьеров, он жил уединенно, не стремясь сойтись с кем бы то ни было.

Словом, человек он был незаурядный.

Приведем два примера в доказательство этого утверждения.

Первое свидетельствует о необычайной смелости. В эпоху царивших повсюду суеверий он не побоялся сняться с якоря в пятницу тринадцатого числа с экипажем в четыреста семьдесят три человека.

Второе носило отпечаток еще большей оригинальности: куда бы он ни направлялся, его постоянно сопровождали две гончие и два кабана, страшно свирепых, однако живших между собой в самом добром согласии и преданных ему донельзя.

Даже теперь, на пирушке, он не разлучался со своими спутниками: четвероногие друзья лежали у его ног, получая остатки самых лучших кусков с тарелки хозяина.

Капитан по прозвищу Медвежонок Железная Голова один из главных персонажей нашего рассказа, поэтому мы опишем в нескольких словах, что с ним приключилось со времени прибытия на острова.

Лет за шесть или семь до того времени, с которого начинается повествование, в Пор-Марго прибыло судно из Дьеппа. Корабль был нагружен разнообразными товарами, нужными колонистам. Кроме того, на нем находились восемьдесят пять вербованных, мужчин и женщин,

которых агенты Вест-Индской компании² набрали во Франции за смехотворную цену, прельщая рассказами о том, что в колониях им предоставят заниматься своим ремеслом, например каменщика, плотника, доктора и даже живописца. Александр Оливье Эксмелин, впоследствии ставший историком Берегового братства, завербовался в Париже в качестве хирурга, а по прибытии на острова был продан с аукциона и три года оставался невольником одного из самых жестоких флибустьеров Санто-Доминго.

По обычаю, несчастные, о которых мы говорим, на другой день после высадки, несмотря на все их протесты, пускались с молотка на торгах и присуждались колонистам, обывателям и буканьерам, пожелавшим купить живой товар.

Один из этих бедняг, красивый молодой человек лет двадцати шести – двадцати семи, пытался было протестовать против вопиющей несправедливости, жертвой которой он стал, но ему тут же пришлось убедиться, что рассчитывать на поддержку местных властей не приходится и что его требования встречают лишь насмешки и грубые шутки. Тогда он склонил голову и, видимо покорившись своей участи, молча последовал за своим повелителем.

Его хозяином стал буканьер из внутренних земель Санто-Доминго, носивший имя Пальник. Неотесанный, грубый и злой, он находил наслаждение в том, что безжалостно терзал своего нового работника, заставляя его перетаскивать неподъемные тяжести, колотя без всякого повода, просто из желания помучить, и не давал ему иной пищи, кроме объедков, которые предназначались собакам.

Работник безропотно переносил все унижения и невзгоды, жестокости противопоставляя терпение и только стараясь еще больше угодить бездушному хозяину, в руки которого его привела роковая судьба.

Покорность эта нисколько не смягчала буканьера. Напротив, в кротости и послушании своего слуги он видел хвастливый вызов и увеличивал притеснения, только ища предлога, чтобы покончить с человеком, которого ничто, по-видимому, не могло лишить самообладания.

² В 1626 г. во Франции была организована Сент-Кристоферская компания, одним из акционеров которой стал кардинал Ришелье. В 1636 г. она была переименована в Компанию островов Америки. В 1664 г. она получила название Французской Вест-Индской компании и монопольное право на ведение торговли с землями Нового Света.

Однажды в палящий зной несчастный работник шел, сгибаясь под тяжестью трех сырых бычьих шкур. Он нес их на спине уже несколько часов, с трудом поспевая за хозяином. Тот всю дорогу ругал его напропалую и наконец, окончательно выведенный из себя упорным молчанием слуги, хватил его прикладом по голове. Бедняга грохнулся оземь, истекая кровью.

Поскольку слуга не подавал признаков жизни, хозяин, подождав с минуту, счел его мертвым. Не заботясь более о несчастном, Пальник взвалил себе на плечи бычьи шкуры и преспокойно пошел домой. Если кто-то случайно спрашивал, куда девался его слуга, он отвечал, что тот сбежал.

Тем дело и кончилось. О работнике все позабыли.

Однако бедняга не был убит и даже не был опасно ранен. Как только Пальник отошел на приличное расстояние, он открыл глаза, встал и, еще очень слабый, попытался, однако, идти в том направлении, куда ушел его хозяин.

Но в Америке он пробыл еще очень недолго, не привык к ее природе, не знал, как отыскать дорогу в обширных зарослях зелени... Он сбился с пути и проплутал несколько дней по лесу, не имея возможности определить, где он находится. Если бы ему удалось выйти на берег моря, он был бы спасен. Но он, наоборот, с каждым шагом удалялся от дороги, которую тщетно пытался отыскать.

Заблудившийся работник начинал томиться голодом. Положение бедняги было тем ужаснее, что он решительно не знал, как добывать пищу. Один-единственный друг остался верен ему в его несчастье: когда он упал, собака хозяина не захотела оставить его. Рассерженный упорством пса, Пальник наконец бросил его возле лежащего слуги, от которого считал себя избавленным навсегда.

Мучительные страдания и нужда обнаружили твердость и непоколебимую силу воли в раненом и лишенном всякой помощи человеке. Он не поддавался отчаянию, не пал духом, но вооружился терпением и мужественно вступил в борьбу с постигшими его бедствиями, чтобы отстаивать свою жизнь до последнего.

Он проводил все дни в переходах, не зная наверняка, куда идет, но все же не теряя надежды проникнуть наконец сквозь окружавшие его со всех сторон густые заросли и выйти на настоящую дорогу.

Часто он взбирался на вершины гор, чтобы оттуда увидеть море. Тогда он чувствовал прилив сил и спешил спуститься вниз, чтобы продолжить путь. Но первая же тропа, проложенная дикими зверями, вновь сбивала его с толку и заставляла терять направление, которого решил держаться.

Собака, не оставляя своего нового хозяина в этих блужданиях по нескончаемым лесам, время от времени подстерегала дичь. Эту добычу человек и собака делили между собой по-братски.

Мало-помалу человек свыкся с такой пищей: сырое мясо стало казаться ему почти вкусным. Он научился подмечать кустарники, где скрывалась дичь, и охота пошла удачнее. А вскоре у него появились новые помощники – молодые дикие собаки и молодые кабаны. Он случайно обнаружил их во время скитаний и решил выдрессировать. Помощь этих животных пришлась весьма кстати.

Около года и двух месяцев продолжалась эта странная жизнь. Беглец уже почти потерял всякую надежду выбраться из леса, когда в одно прекрасное утро вдруг столкнулся лицом к лицу с группой французских буканьеров. Пораженные увиденным, французы не на шутку струхнули, что было не удивительно: наружность бедняги была весьма непривлекательна и не внушала доверия.

Волос и бороды за все время странствий ни разу не касались ножницы и гребенка. Одежда его, состоявшая когда-то из панталон и рубашки, превратилась в лохмотья, едва прикрывавшие тело. Сильно загоревшее лицо имело дикое выражение, а на поясе незнакомца болтался кусок сырого мяса. Три собаки и два кабан, вида столь же дикого, как их хозяин, следовали за ним по пятам.

Незнакомец откровенно и бесхитростно поведал о своих мытарствах. Буканьеры едва пришли в себя, некоторые признали, что видели этого человека прежде, и теперь проявили к нему участие. Тут же они принялись держать совет.

По зрелом размышлении, вникнув во все обстоятельства дела, они решили, что Пальник злоупотребил присвоенной ему в силу берегового обычая властью над своим слугой и что безжалостным обхождением, в особенности же гнусным хладнокровием, с которым он бросил

несчастливого, буканьер сам расторг скреплявшие их узы и, следовательно, лишил себя всяких прав на слугу, который теперь должен быть объявлен свободным.

Это решение, единодушно одобренное, было немедленно приведено в исполнение. Нашего героя нарекли шуточным прозвищем Медвежонок, и он охотно принял его. Что греха таить, он гораздо больше походил на медведя, чем на человека. Таким образом, уже с именем Медвежонок, он был принят в число Береговых братьев и обрел права и преимущества, принадлежащие буканьерам и флибустьерам.

Новые друзья не ограничились этим: они дали ему одежду, оружие, порох, пули и взяли с собой в Пор-Марго, где в присутствии д'Ожерона заявили о принятом решении, а губернатор, в свою очередь, придал этому решению законную силу, несмотря на упорное сопротивление Пальника, который никак не хотел отказаться от своей власти над слугой, утверждая, что не бил его и уж тем более не бросал, а тот сам убежал и выдумал все это со злости на хозяина.

Жестокость Пальника была так хорошо известна в Пор-Марго и окрестностях, что д'Ожерон даже не удосужился выслушать его, пригрозив примерным наказанием, если впредь буканьер не будет по-человечески обходиться со своими слугами.

Человек, получивший имя Медвежонок, нисколько не опасался угроз прежнего хозяина: теперь, когда он стал свободным, он имел право защищаться. Спустя несколько дней он уже отправился в экспедицию под командованием Монбара Губителя.

С этих пор он участвовал во многих экспедициях под предводительством знаменитых флибустьеров и за непродолжительное время приобрел не только большое богатство, но, благодаря отваге, храбрости и в особенности острому уму, еще и добрую славу среди товарищей.

С тех пор как его объявили свободным, Медвежонок никогда не пенял на свои жестокие страдания во время рабства, ни разу имя Пальника не было им произнесено ни для порицания, ни для похвалы. Если в его присутствии заходила речь о свирепом буканьере, он не принимал участия в разговоре, хотя его мнением и интересовались. Впрочем, в течение двух лет, миновавших после вышеописанных событий, у двух врагов ни разу не было случая встретиться лицом к лицу.

История Медвежонка и Пальника стала уже преданием в местах, где каждый день приносит все новые приключения. Все забыли о ней, и тот, кто когда-то ожидал блистательной мести со стороны новоиспеченного флибустьера, недоверчиво покачивал головой, если речь случайно заходила о непримиримой вражде бывшего слуги и его хозяина. Но одним прекрасным вечером судьба свела этих двоих в гостинице «Сорванный якорь».

Вот как было дело.

Дня два или три назад флибустьерское судно под командованием Мигеля Баска после месячного крейсирования в водах Мексиканского залива вошло в гавань с грузом золота и пленников. Шесть испанских судов, захваченных флибустьерами с Тортуги, были взяты на abordaj, разграблены и, по обычаю, сожжены в море.

Едва корабль Мигеля Баска бросил якорь на рейде Пор-Марго, пленников высадили на берег и приступили к дележу добычи. Получив свою долю, флибустьеры поспешили, как случалось всегда, растратить в безудержных оргиях добытое золото. Они ценили сей драгоценный металл лишь из-за удовольствий, которые он мог им доставить.

Наибольшим почетом у флибустьеров пользовалась игра, ей они предавались яростно, с бешенством, ставя на кон огромные суммы, и по большей части прекращали партию, лишь когда проигрывали все награбленное золото, одежду и нередко даже свободу.

С прибытия корабля Мигеля Баска в Пор-Марго игра шла везде: на улицах и на площадях, на опрокинутых бочках, в гостиницах и даже в доме губернатора. Ссоры возникали повсеместно, и кровь лилась потоками. Рассудительные и безумцы подчинились влиянию игорной горячки, не менее ужасной и убийственной, чем настоящая.

Быть может, из всех Береговых братьев один только Медвежонок не поддался всеобщему сумасбродному увлечению: он презирал игру, считая ее постыдной страстью. Приятели частенько подтрунивали над ним, называли его «пуританином», но он оставался непоколебим, ничто не могло заставить его изменить своих взглядов.

В тот вечер, к которому относится наш рассказ, часов в семь, когда солнце уже стало опускаться в голубые волны Атлантического океана, Медвежонок Железная Голова, равнодушный к тому, что происходит в городе, медленно расхаживал по берегу с сигарой во рту, опустив голову и заложив руки за спину. Верные собаки и кабаны сопровождали его, не отходя ни на шаг.

– Эй! – раздался внезапно веселый голос. – Какого черта ты предаешься тут мечтаниям, когда весь город гуляет и ликует?

Медвежонок поднял голову и с улыбкой подал руку одному из самых знаменитых флибустьеров.

– Как видишь, мой любезный Дрейф, – ответил он, – гуляю и восхищаюсь закатом!

– Хорошенькое удовольствие, нечего сказать! – вскричал со смехом собеседник. – Чем бродить тут на берегу, словно душа, осужденная на вечные муки, лучше пойдем-ка со мной.

– Что поделаешь, дружище, всякий веселится, как умеет.

– Против этого, разумеется, возразить нечего. Но почему ты отказываешься идти со мной?

– Пока не отказывался. Однако если тебе все равно, то охотнее бы не пошел. Ты будешь играть, а я, как тебе известно, не терплю игры.

– Разве это мешает смотреть, как играют другие?

– Нисколько. Но подобные зрелища печалят меня.

– Ты совсем спятил! Послушай-ка, в «Сорванном якоре», говорят, какой-то богатый буканьер с берегов Артибонита, или не знаю хорошенько откуда, играет с чертовским везением и чуть ли не ободрал половину экипажа Мигеля Баска.

– Что же мне-то тут прикажешь делать, мой дорогой? – со смехом воскликнул Медвежонок. – Не могу же я помешать его везению?

– Кто знает!

– Как же это?

– Послушай, брат, как только я увидел тебя, мне пришла в голову великолепная мысль: я хочу играть с этим буканьером. Пойдем со мной, ты будешь стоять возле меня. Ведь тебе везет во всем, за что бы ты ни взялся. Ты принесешь мне счастье – я выиграю!

– Да ты рехнулся.

– Нет, но я игрок, следовательно, суверен.

– Ты и впрямь так сильно желаешь этого?

– Пожалуйста, не отказывай!

– Так пойдем, испытаем счастье, – согласился Медвежонок, пожимая плечами.

– Спасибо, приятель! – вскричал Дрейф, крепко пожав ему руку. – Черт возьми! – прибавил он, весело щелкнув пальцами. – Теперь я уверен, что выиграю.

Медвежонок лишь улыбнулся в ответ, и два товарища направились к гостинице «Сорванный якорь».

Глава II

Как играли в кости бывший слуга и его хозяин и что за этим последовало

Когда флибустьеры открыли дверь гостиницы и шагнули через порог, их взгляду представило удивительное зрелище. Медвежонок и Дрейф невольно остановились и с изумлением огляделись вокруг.

При свете ламп, копоть от которых вместе с дымом от сигар и трубок стояла черным облаком под потолком, виднелись, словно сквозь туман, уже изрядно подвыпившие городские обыватели, колонисты и Береговые братья. Их искаженные лица судорожно подергивались от азарта игры и принимали злое выражение при мерцающих отблесках светильников, постоянно колеблемых ветром.

Посреди залы стоял длинный стол, сооруженный на скорую руку из досок и бочек. Груды золота лежали перед игроком, который, встряхивая кости в стакане, дерзким и насмешливым взглядом вызывал на сражение толпившихся вокруг стола флибустьеров.

За игроком стояло десятка два испанцев, мужчин и женщин, захваченных в плен во время экспедиции и послуживших последней ставкой в игре своих прежних владельцев.

– С этим-то буканьером мы и будем иметь дело, – сказал Дрейф. – Следуй за мной.

Медвежонок бросил рассеянный взгляд на человека, указанного ему товарищем, и тут же узнал в нем Пальника. При виде бывшего хозяина Медвежонок нахмурил брови, смертельная бледность разлилась по его лицу, и он невольно сделал шаг назад.

– Что с тобой? – спросил Дрейф, заметив это. – А! – прибавил он спустя мгновение. – Понимаю: ты узнал своего прежнего хозяина!

– Да, – мрачно ответил Медвежонок, – это он.

– Что ж за беда! Разве ты не свободен? Тебе нечего бояться.

– Я не боюсь, – пробормотал капитан Медвежонок Железная Голова как бы сам себе.

– Так пойдем.

– Ты прав, – ответил Медвежонок со странной улыбкой, – пойдем! Может, и лучше покончить с этим раз навсегда.

– Что ты намерен предпринять? – слегка встревоженный, осведомился его товарищ.

– Бог свидетель, я не искал встречи с этим человеком. Напротив, я всячески старался избегать его. Когда ты встретил меня на берегу и попросил пойти с тобой, я пытался отговориться.

– Это правда.

– Итак, ясно, что только случай свел нас теперь.

– Чтоб меня черт побрал с руками и с ногами, если я понимаю хоть одно словечко из всего, что ты говоришь!

Медвежонок поднял голову и посмотрел на своего товарища с неподражаемым выражением насмешливого торжества. Потом взял его под руку и вкрадчивым голосом произнес:

– Пойдем, Дрейф. Ты часто ставил мне в укор, что я не играю... Ну так вот, сегодня, ей-богу, ты будешь присутствовать при игре, которую ни ты, ни наши товарищи не забудут.

– Ты станешь играть?! – вскричал Дрейф вне себя от изумления.

– Да, и партия будет решительная.

– С кем же?

– С человеком, который так нахально ободрал наших братьев, – ответил Медвежонок, указывая на буканьера.

– С Пальником?

– Да, и вместо того, чтоб присутствовать при твоей игре, я буду играть, а ты – присутствовать при этом.

– Берегись! – заметил Дрейф.

– Решение принято. Пойдем!

– Да поможет тебе Бог! – прошептал флибустьер, следуя за Медвежоном.

Они вошли в залу, без труда прокладывая себе путь в толпе, так как оба пользовались большим уважением товарищей. Вскоре они очутились перед столом, за которым сидел буканьер.

– Ага! – вскричал он и грубо рассмеялся. – Уж не собираетесь ли вы попытать счастья, друзья?

– Почему бы и нет? – откликнулся Дрейф.

– Попробуй, если такая уж охота, – продолжал, посмеиваясь, буканьер, – я готов принять от тебя все, вплоть до последнего дублона, приятель.

– Во-первых, я тебе вовсе не приятель, благодарение Богу! Так что побереги это звание для других, – возразил флибустьер. – Что же до того, чтобы взять у меня все до последнего дублона, то это мы еще посмотрим, причем сейчас же, не откладывая на потом.

– Возьму не только дублоны, но и твоего товарища в придачу, если он, против своего обыкновения, осмелится сразиться со мной, – прибавил буканьер со злой усмешкой.

– Не задирайся понапрасну, Пальник, когда тебя не трогают, – холодно произнес Медвежонок.

– Прошу без наставлений, я не нуждаюсь в них, – грубо заявил буканьер. – Если ты чем-то недоволен, готов дать тебе удовлетворение, где, когда и как пожелаешь.

– Прошу принять во внимание, – спокойно заметил Медвежонок, – что не давал ни малейшего повода к ссоре, которую ты стараешься завязать со мной. Ведь я не вмешивался в твой спор с моим приятелем.

Вокруг спорящих мгновенно образовался круг из Береговых братьев: все с любопытством ждали начала неминуемой схватки. Каждому из присутствующих была известна обоюдная ненависть Медвежонка и Пальника. И теперь зрители предвидели страшную развязку так дерзко начатой буканьером словесной перепалки.

Береговые братья не любили Пальника, а его постоянное везение в игре еще больше, если это вообще было возможно, усилило общее нерасположение. Большая часть присутствующих втайне питала надежду, что наконец-то Пальника настигнет страшная месть, которую его противник откладывал так долго, вероятно, только за отсутствием удобного случая.

Медвежонок был холоден и спокоен, хотя и немного бледен. Он вполне владел собой.

– Ладно! – проговорил буканьер, презрительно пожав плечами. – Хватит болтать. Дурную собаку след взять не заставишь.

– Медвежонок прав! – вскричал Дрейф. – Ты сам привязался к нему, и если он не отвечает тебе так, как следовало бы, то, вероятно, имеет на то свои причины. А теперь пора приступить к игре.

– Согласен. Что ставишь?

– Две тысячи пиастров, – ответил Дрейф, вынимая из кармана штанов кошелек.

– Постой, – холодно сказал Медвежонок, остановив его руку, – дай мне поговорить с этим человеком.

Флибустьер взглянул на своего приятеля и, увидев в его потемневших глазах злое выражение, опустил руку с кошельком назад в карман, пробормотав:

– Как хочешь...

Медвежонок сделал шаг вперед, оперся руками о стол и наклонился к буканьеру.

– Входя сюда, – резко отчеканил он, – я не знал, что встречу с тобой. Я не искал встречи, потому что мое презрение к тебе равняется ненависти. Но если уж твоя несчастливая звезда

подсказывает тебе отбросить сдержанность, которую мы сохраняли в отношениях друг с другом все это время, отбросить, пусть и мнимое, равнодушие – будь по-твоему! Я принимаю твой вызов!

– Сколько слов, чтоб прийти к такому ничтожному выводу! – воскликнул буканьер, и лицо его искривилось в улыбке.

– Посмотрим. Слушай меня, а присутствующие пусть будут свидетелями: мы сыграем в гальбик³ три партии, ни меньше ни больше, и ты должен принять мои условия. Согласен?

– Еще бы, ведь ты проиграешь мне!

– Не проиграю, – возразил капитан, – я вступаю с тобой в решительную борьбу и убежден, что выйду победителем.

– Полно, не с ума ли ты спятил?

– Если трусишь, я настаивать не стану. Извинись передо мной и товарищами за оскорбление, и я тотчас уйду.

– Извиниться? Мне? Черт возьми! Ты думаешь, что говоришь?

– Предупреждаю, – холодно произнес Медвежонок, вынув из-за пояса пистолет и взводя курок, – что при малейшем подозрительном движении я уложу тебя на месте как лютого зверя, каков ты на самом деле и есть.

Вне себя от ярости, сдерживаемый только наставленным ему на грудь длинным дулом пистолета, буканьер окинул взглядом присутствующих, быть может желая найти поддержку.

Флибустьеры мрачно молчали, и их лица выражали одно лишь насмешливое злорадство.

Неимоверным усилием воли Пальник усмирил порыв гнева и, хотя кровь его закипала, голосом спокойным, в котором невозможно было подметить и малейшего волнения, ответил:

– Принимаю твоё предложение.

– Какое? Извиниться?

– Никогда.

– Хорошо. Вы слышали, братья? – обратился капитан к присутствующим.

– Слышали, – ответили они в один голос.

– Итак, вот мои условия, – продолжал Медвежонок громко и отчетливо. – Три кости и стакан, равно неизвестные и мне и тебе, будут взяты у кого-либо из присутствующих здесь.

– Уж не думаешь ли ты, что у меня крапленые кости? – вскричал Пальник.

– Не думаю и думать не хочу, просто пользуюсь своим правом, вот и все.

Буканьер с яростью швырнул об пол свой стакан с игральными костями и принялся топтать его ногами.

Все бросили игру и с любопытством толпились вокруг стола. Кто-то взобрался на скамьи, кто-то на столы и бочки, чтобы присутствовать при этой весьма необычной дуэли. Все затаили дыхание, дабы не нарушить тишины, до того глубокой, что полет мухи был бы слышен в зале, где находилось более двухсот человек.

– Вот кости, друг мой, – сказал, подходя к капитану, человек, перед которым почтительно расступились все присутствующие.

– Благодарю, Монбар, – ответил Медвежонок, дружески пожимая руку страшного флибустьера.

Потом он обратился к своему противнику:

– Каждый из нас будет кидать кости поочередно. У кого выпадет на трех костях большая сумма очков, тот и выиграл, если только у противника не будет равное количество на всех трех костях. Согласен?

– Согласен, – мрачно ответил буканьер.

– Сыграем всего три партии.

³ Гальбик – игра в три кости.

- Ладно.
- И я один буду иметь право назначать ставки. Сколько у тебя тут, на столе?
- Восемь тысяч семьсот пиастров.
- Во сколько ценишь свое имущество: дома, мебель, слуг... Словом, всё?
- В такую же сумму.
- Ты выставяешь себя что-то уж слишком богатым, – смеясь, заметил Медвежонок.
- А ты, что ли, считал мое состояние? – грубо вскричал буканьер. – Это моя цена, и делу конец.

В эту минуту капитан почувствовал, что кто-то слегка тронул его за плечо. Он оглянулся. За ним смиренно стояли, с отчаянием на лицах, несчастные пленники-испанцы.

– Сжальтесь, сеньор! – прошептал в самое его ухо голос нежный и жалобный.

– И в самом деле! – сказал капитан. – А этих людей во сколько ты ценишь? – И он указал на невольников.

– В десять тысяч пиастров, ни одним реалом⁴ меньше.

Капитан заколебался.

– Ради Святой Девы, сжальтесь, сеньор! – произнес тот же голос с выражением глубокой печали.

– Итак, все вместе составляет сумму в двадцать семь тысяч четыреста пиастров, – заключил он.

– Отлично умеешь считать, любезнейший, – посмеиваясь, сказал Пальник. – Цифра хорошая, не правда ли?

– Очень хорошая. На первую игру я ставлю тринадцать тысяч семьсот пиастров.

Ропот удивления пробежал по внимающей происходящему толпе.

– Хорошо! Выкладывай деньги, – сказал буканьер со злой усмешкой.

– При мне их нет, – хладнокровно возразил Медвежонок.

– Тогда я отказываюсь, приятель. На слово я не играю.

Капитан закусил губу, но не успел ничего ответить.

– Я ручаюсь за него, – вступил Монбар, остановив свой орлиный взгляд на буканьере.

Тот в смущении опустил глаза.

– И я ручаюсь! – вскричал Дрейф. – Ей-богу! Все что имею, я с радостью отдам ему.

– И я также, – прибавил Красавец Лоран, пробираясь в толпе к столу, за которым сидел Пальник.

– Что скажешь на это? – спросил Медвежонок, пожимая протянутые ему руки. – Находишь ли ты эти ручательства достаточными?

– Будем играть, сто чертей! И чтобы все было поскорей кончено!

– Вот стакан, начинай.

Буканьер молча взял стакан, минуту встряхивал его в лихорадочном волнении, и наконец кости с глухим стуком полетели на пол.

– Удачно! – сказал Медвежонок. – Шесть и шесть – двенадцать, да пять – семнадцать. Теперь моя очередь.

Он небрежно взял стакан, встряхнул его и опрокинул.

– Вот тебе на! – вскричал он, смеясь. – По шестерке на каждой кости. Ты проиграл.

– Проклятье! – вскричал буканьер, побледнев.

– Счастье, видно, тебе изменило, – продолжал флибустьер. – Теперь – за вторую партию! Поручителей мне больше не нужно. Я ставлю свой выигрыш против того, что у тебя остается.

Буканьер с силой встряхнул стакан и опрокинул его.

⁴ Реал – мелкая испанская монета.

– Ага! – вскричал он вдруг с торжествующим хохотом. – Удача еще не отвернулась от меня! Погляди-ка, приятель, на всех костях по четыре очка.

– Бесспорно, это хорошо, – ответил Медвежонок, – но ведь может быть и лучше. Что ты скажешь об этом? – заключил он и перевернул стакан.

На всех трех костях было по пяти очков.

– Разорен! – вскричал буканьер, отирая холодный пот с лица.

– Как видишь, – ответил Медвежонок, – ты разорился, но это не все. Разве ты забыл, что нам предстоит сыграть третью партию?

– У меня ровно ничего не осталось!

– Ошибаешься, у тебя есть еще то, что я хочу выиграть.

– Что же?

– Твоя жизнь! – вскричал капитан голосом, наводящим ужас. – Не воображаешь ли ты, что я вступил в эту смертельную игру из одного низкого наслаждения отнять золото, которое я презираю? Нет, нет, мне нужна твоя жизнь! Чтоб выиграть ее, я ставлю все твое состояние, которое теперь перешло ко мне, и свою жизнь в придачу. Кто проиграет, пустит себе пулю в лоб тут же, на месте, при всех.

Дрожь ужаса пробежала, подобно электрическому току, по рядам Береговых братьев.

– Это безумие, Медвежонок! – вскричал Монбар.

– Брось, брось! – с живостью вмешались еще несколько флибустьеров.

– Братя, – ответил Медвежонок с тихой улыбкой, – благодарю вас за участие, но я решился. Впрочем, будьте спокойны, я играю наверняка. Человек этот заранее осужден, он одержим страхом, и лишь остатки гордости поддерживают его силы. Я согласен, однако, дать ему последнюю возможность спасти свою жизнь: пусть он публично сознается в своих преступлениях и смиренно попросит у меня прощения. С этим условием я готов простить его.

– Никогда! – вскричал буканьер в порыве неудержимого бешенства. – Твоя жизнь или моя – пусть будет так! Один из нас тут лишний и должен исчезнуть. Сыграем же эту партию, и будь ты проклят!

Он бросил кости, отвернувшись. Крик ужаса раздался в толпе.

На верхней грани каждой кости было по пяти очков.

– Да, до победы рукой подать, – капитан равнодушно пожал плечами, собирая кости, – но не торопись торжествовать... Ты ближе к смерти, чем полагаешь.

– Да бросай же, наконец! – вскричал буканьер задыхающимся голосом, в глазах его была смертная тоска.

– Братя, – заговорил Медвежонок все с тем же хладнокровием, – это суд Божий. Чтоб доказать, что человек этот безвозвратно осужден Божественным правосудием, я не прикоснусь к стакану... Один из вас бросит кости вместо меня.

– Не я! – вскричал Монбар. – Зачем испытывать терпение Всевышнего!

– Ошибаешься, брат, напротив. Этим воочию будет доказано Его могущество и правосудие. Бери кости и бросай.

– Клянусь честью, я не сделаю этого!

– Прошу тебя, брат.

Монбар колебался.

– Да бросай же кости, или ты трусишь? – повторял безотчетно Пальник. Он сжался, точно тигр, готовый прыгнуть на добычу. Руки его судорожно вцепились в край стола, а взгляд был дик и неподвижен.

Медвежонок почти насильно вложил стакан с игральными костями в руку Монбара.

– Бросай, не бойся, – сказал он.

– Да простит мне Господь! – пробормотал Монбар и, отвернувшись, бросил кости.

В ту же минуту раздался пронзительный, нечеловеческий крик, чья-то рука внезапно дернула Медвежонка назад, грянул выстрел, и пуля со зловещим свистом засела в потолочной балке.

Все это совершилось очень быстро, крик отделяло от выстрела всего лишь мгновение.

Столь неожиданный поворот дела поверг флибустьеров в оцепенение. Когда они опомнились, то увидели буканьера уже поваленным на стол. Могучая рука Красавца Лорана удерживала Пальника, несмотря на его сопротивление. В судорожно сжатых пальцах буканьера все увидели дымящийся пистолет. На каждой из упавших костей оказалось по шести очков.

К счастью, Медвежонка охраняли. Пленница-испанка храбро отдернула его назад, невзирая на риск сделаться жертвой своей преданности. А Красавец Лоран, внимательно следивший за каждым движением Пальника, отвел дуло пистолета.

Монбар сделал знак, требуя тишины.

– Вы все были свидетелями того, что произошло, братья, – сказал он.

– Да, да! – закричали флибустьеры в один голос.

– Стало быть, вы признаете вместе со мной, что мы имеем право судить убийцу?

– Разумеется, – ответил за всех Дрейф, – его надо судить, и немедленно.

– Хорошо, братья. К чему же вы присуждаете этого человека после столь гнусного покушения?

– К смерти! – единодушно отзывались присутствующие.

– Таков ваш окончательный приговор?

- Да! – опять вскричали в один голос Береговые братья.
 - Так приготовьте лодку, чтобы отвезти негодяя на Акулий утес.
- Несколько человек побежали исполнять приказание.

Напрасно упрашивал Медвежонок, чтобы несчастному по крайней мере дозволено было застрелиться: флибустьеры остались неумолимы.

Через несколько минут крепко связанного Пальника перенесли в лодку, которая отплыла от Пор-Марго, неся на борту караул из десяти флибустьеров с Монбаром во главе: он хотел сам привести приговор в исполнение.

А приговор был ужасен.

Акулий утес, находящийся в открытом море в шести лье от берега, выступал на несколько футов над поверхностью воды, но волны полностью накрывали его во время прилива.

Человека, осужденного неумолимым, но справедливым судом флибустьеров, бросали без оружия и без пищи на скале, где он должен был ожидать смерти в жестоких мучениях, душевных и телесных.

Вот такая участь была уготована Пальнику.

За час до восхода солнца, когда начинался прилив, к пристани причалила лодка. Монбар и его товарищи вышли на берег с холодным спокойствием людей, исполнивших свой долг.

Судя по всему, к этому времени буканьер уже завершил свой земной путь.

Глава III

Каким образом капитан Железная Голова употребил богатство, выигранное у прежнего хозяина

Роковая, но давно ожидаемая развязка странной партии между двумя непримиримыми врагами оказала потрясающее воздействие на толпу, собравшуюся в гостинице «Сорванный якорь». Береговые братья, еще минуту назад с жадным любопытством следившие за рискованными перипетиями страшной игры, теперь взирали на капитана с робким удивлением.

Д'Ожерон, губернатор Тортуги и французских владений на Санто-Доминго, вошел в залу, раскланиваясь с присутствующими, которые почтительно снимали перед ним шляпы, и сел посреди предводителей флибустьеров.

Бертран д'Ожерон был человек широкой души и замечательного ума. Он задался опасной, почти недостижимой целью возвращения в лоно большой человеческой семьи взбунтовавшихся детей, отличавшихся пылкостью нрава и жадой свободы. Свое призвание он исполнял с редким самоотвержением.

Флибустьеры скорее терпели в своей среде, чем действительно принимали каждого вновь назначенного королем губернатора, но д'Ожерона они любили и уважали. Он был для них ровней, а не начальником, никогда не вмешивался в их дела, если не случалось чего-нибудь чрезвычайного. Но и тогда, общаясь с людьми, которые не желали терпеть узды, ограничивался советами и убеждениями.

Извещенный о том, что происходит в «Сорванном якорь», он поспешил прийти – не помешать исполнению приговора, произнесенного над буканьером, но предупредить новые вспышки насилия.

Губернатор был встречен восторженными приветствиями, перед ним поспешно и почтительно расступились. Сев за стол, он наклонился к Медвежонку и шепнул ему на ухо несколько слов, которых не мог услышать никто из посторонних.

– Не беспокойтесь, – ответил тот, – у нас одна цель. Я постараюсь исполнить ваше желание.

Тогда капитан обратился к присутствующим и голосом, который сначала слегка дрожал от внутреннего волнения, но мало-помалу становился все тверже, произнес:

– Береговые братья, флибустьеры с Тортуги, буканьеры с Санто-Доминго и жители Пор-Марго! Несколько минут назад вы стали свидетелями не страшной партии между двумя людьми, которых разделяла непримиримая вражда, – но Божьего суда. Я был только орудием гнева Господня, безотчетно побуждаемый действовать так, как вы тому были свидетелями. Я ни минуты не сомневался в успехе. Условия, предлагаемые мной, все, что я говорил, – все служит тому доказательством. Итак, я не имею никакого права на выигранное богатство и с радостью отказываюсь от него. Надеюсь, вы одобрите мое решение. Мы львы, а не шакалы. Если мы тратим золото без счета в сумасбродных и веселых оргиях, то это потому, что золото – цена нашей храбрости, нашей отваги, это потому, что мы купили его ценой нашей крови.

Неистовые рукоплескания заглушили громкий голос капитана. Когда опять водворилась тишина, он продолжал с улыбкой:

– Нашему уважаемому губернатору, отеческая забота которого всегда ощущается нами, я приношу сердечную благодарность за то, что он удостоил нас своим присутствием и тем самым придает законную силу моему решению. Вот в чем состоит оно: золото, что лежит на столе, и все состояние Пальника, выигранное мною, господин д'Ожерон потрудится разделить поровну между беднейшими из нас, без различия звания, пусть они будут буканьеры, флибустьеры или

простые обыватели. Дай Бог, чтобы очистило выигранное мной богатство от грязи, которой оно запятнано! Знает ли кто-нибудь, сколько вербованных было в собственности у Пальника?

– Я знаю, – сказал Красавец Лоран, – всего пять.

– И мы здесь! – отозвался голос из толпы.

– Подойдите, – позвал их капитан.

Пятеро слуг, полунагих, бледных и истощенных до того, что на них страшно было смотреть, робко выступили вперед.

– Я объявляю вас свободными в силу права, которое мне присвоено званием Берегового брата, – продолжал Медвежонок. – Согласно обычаю, я дам каждому из вас по ружью, по три фунта пороха и пуль, а кроме того, вот вам пятьсот экю, которые вы разделите между собой.

Бедняги, ошеломленные таким внезапно свалившимся на них счастьем, не смели верить своим ушам: они растерянно оглядывались вокруг и кончили тем, что залились слезами.

– Ступайте, – сказал им капитан тоном сердечного сострадания, – ступайте, друзья мои, теперь страдания ваши кончились. Ваше место среди свободных людей, среди Береговых братьев.

Опять со всех сторон раздались восторженные крики. Самые закаленные буканьеры и те умилились: это уже был не просто восторг, а ликование, доходившее до исступления.

– Хорошо, капитан, – похвалил губернатор, с чувством пожимая руку флибустьеру, – вы подаете возвышенный пример. Именно так мы и вернем этих увлекшихся, но великодушных людей на истинный путь. Благодаря вам задача моя станет легче.

– Пытаюсь идти по вашим стопам, – почтительно ответил флибустьер, – я не могу желать лучшего образца для подражания.

– С десятью такими людьми, как вы, – продолжал д'Ожерон по-прежнему тихо, – всего за один год эта великолепная колония может преобразиться...

– ...или погибнуть, – задумчиво пробормотал капитан.

– О! Неужели вы так думаете?

– Увы! Мы не такие люди, как все. В наших жилах течет огонь, а не кровь.

– Разве вы отступаете от меня?

– Конечно, вы так не думаете. И сейчас получите доказательство противного.

Губернатор улыбнулся и пожал ему руку.

Флибустьеры спокойно ожидали конца этих тихих переговоров.

– Я еще не договорил, братья, – продолжал Медвежонок после минутного молчания, – мне остается решить судьбу пленных испанцев. Разве справедливо будет, чтобы эти несчастные остались в неволе, когда все мы участвовали в разделе наследства человека, нами осужденного? Хотя эти пленные и являются представителями ненавистной нам нации, с нашей стороны будет вопиющей несправедливостью оставить их в неволе. Покажем гордым испанцам, которые высокомерно называют нас ворами, преследуют и травят, словно диких зверей, что мы презираем их и потому не боимся. Дадим свободу этим пленникам, и пусть они вернутся к своим родственникам и друзьям, которые уже не надеются увидеть их вновь. Узнав нас ближе, испанцы станут бояться нас еще больше. Одобряете ли вы мое решение, братья?

В толпе было заметно колебание, и с минуту капитан опасался, что его великодушный призыв разобьется о ненависть флибустьеров к испанцам.

Закон Береговых братьев запрещал под страхом смерти возвращать без общего согласия свободу кому бы то ни было из пленников-испанцев, будь то мужчина, женщина, ребенок или духовное лицо.

Д'Ожерон с одного взгляда понял положение дел, понял, что Медвежонок в порыве великодушия вышел за рамки благоразумия и если он не вмешается, то все погибло.

– Капитан Железная Голова, – сказал он, вставая, – благодарю вас от имени всех Береговых братьев за ваше великодушное предложение. Флибустьеры могущественны и не боятся

врагов. Они храбро нападают на них, но, поборов, лежачего не бьют. Их сердца открыты состраданию. К какой бы нации ни принадлежали они, не надо забывать, что несчастны наши братья. Нам, изгнанным, так сказать, из общества, следует подать свету, клеветящему на нас, этот пример человеколюбия. Повторяю, капитан, приношу вам благодарность от имени всего флибустьерства. Ваши пленники свободны, вы вольны располагать ими и возвратить их семьям.

– Да, да! – вскричали флибустьеры, увлеченные благородными словами д'Ожерона. – Освободить их! Да здравствует губернатор! Да здравствует Медвежонок Железная Голова!

Первый толчок был дан, все поддались всеобщей восторженности.

Испанцы были свободны.

– В свою очередь благодарю вас, – обратился к д'Ожерону тронутый до глубины души капитан, – без вас я потерпел бы неудачу у самой цели.

– Это не так, любезный капитан, – возразил, улыбаясь, губернатор. – Флибустьеры – большие дети, и сердце у них осталось добрым, только надо уметь затронуть струны их великодушия.

Золото, лежавшее все время на столе, было вручено д'Ожерону, который взялся раздать его, и затем все покинули «Сорванный якорь».

Толпа с восторженными криками сопровождала капитана до самых дверей его жилища и окончательно рассталась с героем дня, только когда он с двумя близкими друзьями и пленниками-испанцами наконец скрылся внутри дома.

Тем не менее волнение не утихало всю ночь. Множество людей группами бродили по улицам с песнями и восторженными криками в честь капитана Медвежонка Железная Голова и губернатора д'Ожерона.

Пленных испанцев было восемнадцать мужчин и две женщины.

Войдя в дом, Медвежонок велел слугам приготовить помещение для чужеземцев, которых уже считал своими гостями. Заверив, что они ни в чем не будут нуждаться и что на следующее же утро он позаботится о том, чтобы они безопасно покинули колонию, капитан простился с бывшими пленниками, положив таким образом конец их уверениям в вечной благодарности, и вернулся к друзьям, которые, вольготно расположившись в гостинной, пили и курили в ожидании его прихода.

– Однако, – обратился к нему Красавец Лоран, – опасную игру ты затеял, заступаясь за пленников!

– Правда, брат, но нельзя было поступить иначе. Когда Пальник чуть было не застрелил меня, кто-то из пленников – мне показалось, что это была женщина, – отважно кинулся вперед с явной целью спасти мне жизнь.

– Я видел, – заметил Мигель Баск, – это действительно была женщина, и молодая, кажется, но так закутанная в покрывало, что нельзя было разглядеть и кончика ее носа.

– В таком случае ты поступил хорошо, Медвежонок, – согласился Красавец Лоран. – Не подобает, чтобы испанская собака оказалась великодушнее Берегового брата.

– И я так решил, – с кротостью ответил капитан.

– Во всей этой истории для меня ясно одно, – вскричал Красавец Лоран, – ты, надо полагать, одержал победу над прелестной испанкой!

– Ты с ума сошел!

– Ничего подобного! Твоя слава по этой части хорошо известна, – с усмешкой возразил Красавец Лоран, – только что же ты думаешь делать со своими гостями?

– Признаться, не знаю, как мне выпроводить их из колонии, в особенности теперь, когда все корабли в море.

– Ба-а! Нет ничего легче, – вмешался Дрейф. – Есть у меня добрый приятель, буканьер, о котором и вы, вероятно, слышали, он весьма известен среди братства.

– Кто это?

– Польшэ!

– Кто же не знает его, хотя бы понаслышке! – воскликнул Медвежонок. – Он охотник скорее на буйволов, чем на кабанов, которыми пренебрегает, если только обстоятельства не вынуждают его схватиться с ними. Он здоровенный детина и друзьям своим предан.

– Польшэ – истинный Береговой брат, – подтвердили собеседники.

– Его-то нам и надо, – продолжал Дрейф. – Должно быть, теперь он охотится в окрестностях Артибонита. Отправимся к нему, и мы получим все необходимые сведения, которые помогут нам достигнуть испанского города или местечка, не подвергаясь ненужным стычкам с полусотнями. Принимаешь ли ты предложение, Медвежонок?

– С превеликой радостью. Когда мы отправимся?

– Тебе решать. Отдаю себя в твоё распоряжение.

– Тогда завтра, если ты согласен.

– Ладно! На рассвете я буду здесь в сопровождении двоих слуг. Ты также возьми двоих, больше нам не нужно.

– Хороши ли дороги? Можно ехать на лошади? – спросил капитан с сомнением в голосе.

– К чему этот вопрос?

– Ну и наивен же ты, ей-богу, Дрейф! – вскричал Красавец Лоран с громким хохотом. – Ведь среди испанских пленных есть женщины!

– А ты остер на язык, Лоран! – весело воскликнул Медвежонок. – Но должен сознаться, твоё замечание справедливо. Бесчеловечно было бы заставлять женщин идти, быть может, более двадцати лье по отвратительным дорогам.

– В высшей степени бесчеловечно! – подтвердил Красавец Лоран с комической серьёзностью.

– Дороги в порядке, – успокоил Дрейф, – лошади пройдут без труда.

– Тогда я возьму двух лошадей.

– Как хочешь. Итак, решено, до завтра.

– До завтра!

Выпив по последней рюмке ликера, флибустьеры встали, дружески пожали хозяину руку и ушли, пожелав ему спокойной ночи.

Но капитан долго не мог заснуть. Неведомое чувство коварно закрадывалось в его сердце. Некое любопытство, о природе которого он сам не мог дать себе отчета, отгоняло от него сон.

Слова Красавца Лорана звучали в ушах Медвежонка Железная голова помимо его собственной воли.

На другое утро, ещё до восхода солнца, Дрейф, олицетворенная точность, согласно своему обещанию явился с двумя вооружёнными с ног до головы слугами и постучал в двери. Медвежонок открыл и вышел, чтобы дружески пожать Дрейфу руку.

– Мы готовы, – сказал он.

– Так отправимся в путь, – ответил Дрейф. – Если поторопиться, мы, пожалуй, часов в одиннадцать или в полдень ещё сможем застать Польшэ в его букане. Или нам не удастся увидеть его раньше шести часов вечера.

Медвежонок тотчас велел предупредить испанцев.

Спустя десять минут караван покинул дом и направился к горам, все дальше удаляясь от моря. Во главе шли Дрейф и Медвежонок, сопровождаемый своими неизменными спутниками – собаками и кабанами.

Далее верхом на лошадях следовали две женщины. Они до того тщательно закутались в свои мантильи и шарфы, что были видны одни только черные глаза, блестящие словно карбункулы, когда женщины с беспокойством оглядывались по сторонам.

В нескольких шагах от них шли испанские пленники, нахлобучив шляпы с широкими полями и до самых глаз окутав себя толстыми складками плащей.

Испанцы ни в какую погоду, будь то дождь или солнце, холодно или жарко, и ни в какой части света, будь то Европа или Америка, не расстаются со своим плащом. Это неизменная и в то же время любимейшая их одежда.

Двое слуг Медвежонка и двое – Дрейфа шли на флангах колонны, с ружьями на плече, пистолетами и топорами за поясом, штыками и висящими на боку ножами в ножнах из крокодиловой кожи.

Редкие прохожие, встречавшиеся флибустьерам на улицах, почтительно кланялись им и желали счастливого пути, ничем не изобличая нескромного любопытства. Караульные подняли решетку городских ворот и опустили подъемный мост, едва завидев этот маленький караван, который уже вскоре очутился в открытом поле.

Глава IV

Как флибустьеры нашли Польшу, который один-одинешенек держал в оцеплении полусотню испанцев

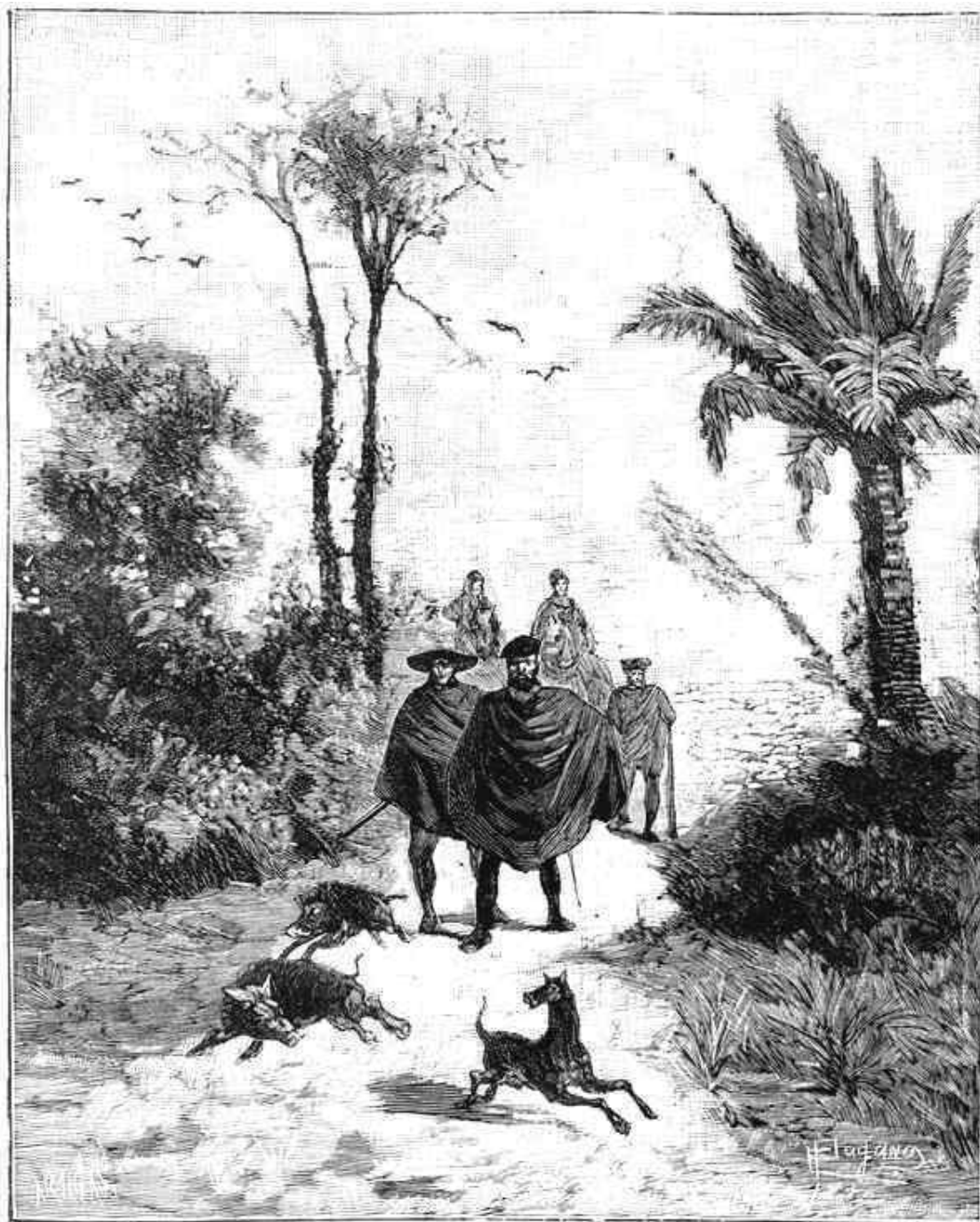
Было еще темно и по-ночному холодно. Волны Антильского моря вспыхивали на горизонте кровавым оттенком: солнце вот-вот готово было выйти из-за горизонта.

Путешественники пробирались по узкой каменистой дороге, окаймленной с обеих сторон частым кустарником сасафраса⁵ и высокими кокосовыми пальмами, чьи густые верхушки слегка колебал затихающий утренний ветерок. Вдали виднелся темный и величественный массив самого густого леса в Артибоните, над которым выступала остроконечная вершина горы Куридас.

Равнина пробуждалась, и все ее таинственные обитатели по-своему приветствовали наступление дня.

Отвратительные пипы – гады из семейства жаб – по-коровьи мычали у какого-то неизвестного болота, над которым с жужжанием кружились тучи moskitov. Кампанеро, или птица-колокол, повторял один и тот же однообразный и пронзительный звук через равномерные промежутки времени. Обезьяны визжали наперебой, пекари глухо хрюкали в колючем кустарнике, а исполинские грифы, широко распустив свои большие крылья, описывали в воздухе громадные круги, испуская отрывистые, пронзительные крики, к которым примешивалось мяуканье диких кошек и веселое пение скрывавшихся в густой листве тысяч птиц всех родов и цветов.

⁵ Дерево семейства лавровых, листья которого после измельчения используются как приправа.

Путешественники шли довольно быстро, отчасти чтобы согреться – на Санто-Доминго утро бывает крайне холодным, отчасти чтобы вернуть время, потерянное на приготовления к дороге.

С самого выхода из города никто не проронил ни слова. Флибустьеры курили коротенькие трубочки, испанцы же, вероятно, размышляли о счастливом и неожиданном событии, которое возвратило им свободу, тогда как перед ними маячила одна лишь печальная перспектива вечного рабства.

Однако когда мрак совсем рассеялся и на смену ему пришел ослепительный тропический рассвет, перед которым самый прекрасный день нашей старой Европы кажется серым и туманным, путешественники стали понемногу оживать, и в разных группах, из которых состоял караван, уже успели переброситься несколькими словами.

Медвежонок Железная Голова, обычно хладнокровный и сдержанный, казался чем-то озабоченным, даже взволнованным: он то и дело оглядывался назад или по сторонам, на вопросы товарища отвечал невпопад, иногда вдруг останавливался без видимой причины и потом с досадой снова ускорял шаг.

– Что это сегодня на тебя нашло? – вскричал наконец Дрейф. – Четыре раза я повторяю один и тот же вопрос, а ты не устаиваешь меня ответом. Хороший же ты после этого собеседник!

– Я не слышал, – ответил Медвежонок с удивлением человека, который внезапно проснулся.

– Это дело другое! Стало быть, ты оглох.

– Оглох?

– Разумеется, раз ты не слышишь. Берегись, дружище, – прибавил Дрейф, наклоняясь к уху капитана, – если так пойдет и дальше, я поневоле приду к заключению, что Лоран был прав.

– С какой стати ты приплел Лорана? – возразил Медвежонок, мотнув головой.

– Как! Разве он не говорил, что ты вдруг воспылил участием к испанским пленникам из-за прекрасных черных глаз одной из сеньорит? А может, и сразу обеих?

– Да я еще и лиц-то их не видел.

– Тем более, приятель.

– Ты бредишь!

– Разумеется, я брежу, а ты в полном рассудке. Так и порешим. Однако, как бы я ни бредил, будь я на твоём месте, я не упустил бы случая, которого, пожалуй, более не представится... Я подошел бы к дамам и отважно вступил с ними в разговор.

– И что мне это даст?

– Удовольствие услышать нежный и мелодичный голос, который будет ласкать твой слух. Разве этого мало?

– Но о чем же мне говорить?

– Вот тебе на! Нашел трудность! Говори с ними обо всем на свете, о дне и ночи, о погоде, настоящей и будущей.

– Премилый предмет для беседы, и весьма занимательный, – возразил капитан, презрительно пожав плечами.

– Занимательнее, чем ты полагаешь. Сейчас докажу тебе это.

– Ты?

– И в одну секунду. Смотри.

Дрейф остановился, поджидая, чтобы дамы поравнялись с ним.

– Извините, сеньорита, – вежливо обратился он к той, которая ехала ближе к нему, – кажется, у вашей лошади ослабла подпруга, позвольте мне осмотреть ее.

– Извольте, сеньор, – ответила дама.

Дрейф с самым серьезным видом осмотрел подпругу.

– Я ошибся, – сказал он через минуту, – все в порядке.

– Благодарю за внимание, сеньор.

– Не позволите ли вы задать вам один вопрос? – едва слышным голосом обратилась к нему другая дама.

– Весь к вашим услугам, сеньорита, так же как и мой друг, – с почтительным поклоном отвечал Дрейф, указывая на Медвежонка, который шел рядом с ним и, чувствуя, что стал предметом внимания дам, не знал, куда себя девать.

– Долго мы еще будем путешествовать таким образом? – спросила дама.

– Я не могу ответить вам определенно, сеньорита, по той простой причине, что сам не знаю.

– Однако вы должны знать, куда ведете нас? – настаивала незнакомка.

– Приблизительно.

– То есть как – приблизительно? – Испанка рассмеялась свежим и мелодичным смехом.

– Берегись, Лилия, ты задаешь нескромные вопросы, – остановила ее спутница.

– Я? Чем же мой вопрос нескромен, любезная Эльмина?

– Ты должна бы понять, что эти господа, вероятно, имеют важные причины отвечать тебе таким образом.

– Вы напрасно так думаете, сеньорита, – вдруг вмешался в их разговор капитан, – смею вас уверить, что слова моего друга – чистейшая правда.

– Я верю вам, – с глубоким чувством ответила донья Эльмина. – Вы обошлись с нами так благородно и великодушно, что мы ни одной минуты не позволим себе сомневаться в вашей правдивости.

– Позвольте, сеньорита, я объясню вам в двух словах то, что может казаться загадочным. Вы, вероятно, знаете, что мы пребываем в постоянной войне с вашими соотечественниками?

– Да, знаю, – ответила донья Эльмина слегка изменившимся голосом.

– Значит, нам необходимо соблюдать величайшую осторожность, приближаясь к испанской границе, если мы не хотим угодить в засаду.

– Однако с нами, – перебила его с живостью донья Лилия, – опасности этой не существует. Если бы напали на нас...

– Молчи, Лилия, ради бога! – вскричала с испугом донья Эльмина и даже схватила спутницу за руку.

– Мы – моряки, как вы можете убедиться, – продолжал, улыбаясь, капитан, – стало быть, очень мало знакомы с местами, где теперь находимся. Теперь мы разыскиваем приятеля-буканьера, который охотится где-то поблизости и наверняка научит нас, как беспрепятственно достигнуть какого-нибудь города или испанского местечка. Вот и вся тайна, сеньорита.

– Благодарю вас, кабальеро! Действительно, все очень просто, и я сознаюсь, что ваш друг не мог ответить иначе.

Остальные испанцы между тем подошли ближе и слушали этот разговор с неодобрительным видом: вероятно, непомерная кастильская спесь мешала им смириться с тем, что их соплеменницы унизились до разговора с ворами-флибустьерами, хотя эти воры и оказали всем громадную услугу.

Флибустьеры, однако, сочли за лишнее продолжать разговор, в котором участвовало столько лиц. Они почтительно раскланялись с двумя всадниками и заняли свое прежнее место во главе каравана.

– Ну! – со смехом воскликнул Дрейф. – Как видишь, все просто.

– Ты прав, но что же это дало?

– Что дало? Во-первых, мы узнали имена этих дам, и, кстати будь сказано, я нахожу эти имена прелестными. А ты? Далее, мы сделали открытие, что наши бывшие пленницы гораздо знатнее, чем хотят казаться.

– Когда же и как ты сделал это великое открытие? – с усмешкой спросил Медвежонок.

– Самым естественным образом: когда донью Лилию вдруг остановила подруга – вероятно, чтобы не позволить ей выдать их тайну.

– Действительно, и я теперь припоминаю, что меня это удивило.

– Но мы выходим теперь на равнину Артибонита, – сказал Дрейф. – Надо держать ухо востро. Менее чем через час мы должны встретить Польшэ.

Было около половины одиннадцатого. Путешественники шли уже более шести часов. Дорога, по которой они следовали, вела к обширной равнине, покрытой высокой травой, местами перерезанной довольно широкими трясиными и мелкими речками. Оставаясь справа, остроконечный Куридас возвышался над равниной своей темной и величественной громадой.

Зной становился томителен. Испанцы, вероятно люди богатые и избалованные утонченной роскошью и комфортом, страдали от усталости: они с трудом передвигали ноги, спотыкаясь о каждый камушек на дороге, но терпели с безмолвным смирением, не позволяя себе ни малейшей жалобы.

Что же касается флибустьеров, то, давно свыкшись с жизнью в суровых условиях, они почти шутя могли побороть самые серьезные трудности и потому продолжали идти прежним твердым шагом.

– Мне кажется, – заметил капитан, – что, несмотря на гордыню и проявленный стоицизм, наши бывшие пленники были бы совсем не прочь отдохнуть часок-другой. Что скажешь на это, дружище?

– Разделяю твое мнение. Они едва поспевают за нами. На что я привычен ко всяким невзгодам, и то уже искал глазами удобное место для стоянки, – ответил Дрейф.

Караван следовал в это время через густой лес, который, по-видимому, простирался на довольно большое расстояние.

– Мы расположимся в тени, – продолжал флибустьер, – когда достигнем края леса. Неосторожно было бы останавливаться здесь. Я люблю видеть все вокруг себя. Не доверяю я этим стенам из листвы и лиан: никогда не знаешь, что за ними кроется.

Едва успел он договорить, как где-то неподалеку раздался выстрел, а вслед за ним – грозный и сильный голос:

– Я запретил стрелять, черт возьми! К чему попусту тратить порох, будьте вы прокляты! Ведь собаки-испанцы окружены и бежать им некуда!

Путешественники вздрогнули и остановились. Они заподозрили стычку, быть может даже кровопролитную, какие часто происходили в глубине этих неведомых чащоб, когда испанцы и буканьеры неожиданно сталкивались нос к носу.

– Это Польшэ, – шепнул Дрейф на ухо капитану. – Тут кроется какой-то подвох. Слушай! В лесу раздался тяжелый топот. Похоже, рядом находился отряд солдат.

– Ваши хитрости нас не проведут, – ответил по-кастильски надменный голос. – Люди, с которыми вы разговариваете, существуют только в вашем воображении.

– Вы так полагаете? – тотчас возразил Польшэ, посмеиваясь. – Повторяю, вы окружены значительными силами. Берегитесь! При малейшем движении в вас будут стрелять одновременно со всех сторон.

Испанцы, по-видимому, поверили угрозе, потому что топот мгновенно прекратился.

– Покажитесь, по крайней мере! – опять вскричал с нетерпением испанский офицер. – Покажитесь, чтобы мы знали, с кем имеем дело!

– Вы увидите нас скорее, чем полагаете, – ответил Польшэ прежним насмешливым тоном. – Попали же вы впросак, господа! У вас есть только одно средство, чтобы избежать беды, предупреждаю вас! Вы должны немедленно сложить оружие и безоговорочно сдаться.

– Мы не можем вести переговоров с невидимым неприятелем, – вновь послышался голос, надо полагать, командира испанского отряда.

– Как угодно. Я даю вам пять минут на размышление.

Воцарилось молчание. Действующие в этой сцене лица, все еще невидимые, вероятно, совещались между собой.

Медвежонок шепнул несколько слов Дрейфу, тот дал согласие движением руки, тихим условным посвистом позвал к себе четырех слуг, которым отдал приказания, а капитан между тем направился к пленникам.

– Господа, – обратился он к ним, – вокруг нас происходит что-то странное, как вы сами слышали. Несколько наших товарищей вступили в борьбу с испанским отрядом. Дайте нам честное слово не вмешиваться, что бы ни случилось: не произносить ни одного слова, не делать ни одного движения, которое могло бы изобличить ваше присутствие. Если вы откажетесь,

соображения безопасности вынудят нас прибегнуть к мерам, которые претят нам, особенно в том положении, в которое мы поставлены друг перед другом.

– Сеньор кабальеро, – ответил с достоинством один из пленных, – вы проявили рыцарское благородство в отношении нас, так можем ли мы отказаться исполнить ваши требования? От имени моих товарищей и моего собственного я даю вам честное слово: что бы ни случилось, мы будем соблюдать строжайший нейтралитет и нарушим его только в том случае, если вам понадобится помощь, если счастье изменит вам и вашей свободе или жизни будет грозить опасность.

– Принимаю ваше слово, кабальеро. – С этими словами Медвежонок вежливо раскланялся с испанцами и вернулся к Дрейфу.

По приказанию последнего слуги скрылись за деревьями и начали пробираться, скользя как змеи, сквозь кустарник.

– Пять минут прошли, – сказал Польшэ, – сдаются вы или нет?

– Невидимому неприятелю мы не сдаемся, – тотчас ответил испанский офицер.

– Ах вот как! Ну так мы сейчас посмеемся! – вскричал буканьер насмешливо. – Слушай меня, братья!

– Рады стараться, капитан! – грянули несколько грозных голосов с разных сторон в одно и то же время.

И страшный треск сломанных ветвей раздался в кустарнике.

Это ответили слуги Дрейфа и Медвежонка.

– Открыть огонь! – крикнул Дрейф.

– Постой! – крикнул буканьер, не проявляя ни волнения, ни удивления при обнаружении помощи, которая неожиданно-негаданно пришла к нему в самую критическую минуту. – Возьми двадцать человек, Дрейф, и отрежь отступление этим негодяям.

– Железная Голова с пятнадцатью братьями уже заняли нужную позицию.

– Хорошо! Бить всех без пощады, Железная Голова, слышишь? Надо проучить мерзавцев по заслугам, – с невозмутимым хладнокровием продолжал Польшэ.

– Будь спокоен, брат! Не уйдет ни один, – твердым голосом отозвался Медвежонок.

Оторопев от этой многоголосицы, испанцы, прежде думавшие, что имеют дело всего с одним противником, даже не пытались защищаться. Они заранее сочли себя погибшими, когда услышали имена Дрейфа и Медвежонка Железная Голова, грозная слава которых вселяла в них ужас.

– Мы сдаемся! – крикнул офицер. – Пощадите во имя Святой Троицы, сеньоры!

– Бросайте оружие! – приказал Польшэ. – Четыре человека сюда, чтобы подбирать копья этих мерзавцев!

Дрейф, Медвежонок и двое слуг пошли по направлению к Польшэ, который, притаившись за кустом, хохотал до колик от славно сыгранной с испанцами шутки.

– Сколько у тебя человек? – спросил Дрейф.

– Я один! Эти собаки застигли меня врасплох, когда трое моих слуг отправились на охоту. Все равно, – прибавил Польшэ, протягивая руку флибустьерам, – вы можете считать, что поспели вовремя: мое положение становилось не то чтобы опасным, но достаточно затруднительным.

– Великолепная мысль! Одному оцепить целый испанский отряд! – восторженно вскричал Дрейф. – Это верх смелости!

– Шутишь, брат! У меня не оставалось иного выхода из западни, в которую я угодил. И когда раздался твой голос, у меня прямо от сердца отлегло... Но нельзя давать времени опомниться этим трусам.

Флибустьеры вышли из-за кустов и приблизились к испанскому отряду, держа ружья наготове, со взведенными курками, чтобы при малейшем подозрительном движении неприятеля мгновенно дать залп.

Но все предосторожности оказались излишними: испанцы даже не помышляли о сопротивлении.

Глава V

Что произошло на равнине между испанцами и Береговыми братьями и как они расстались

Испанскую границу охраняли от постоянных вторжений французских буканьеров отряды по пятьдесят человек под командой одного альфереса⁶, специально с этой целью сформированные.

Сначала им давали ружья, но вскоре ружья заменили копьями. Причина перемены оружия, на первый взгляд лишенная всякой логики, заключалась именно в страхе, который внушали французские буканьеры своим врагам: как только испанские солдаты оказывались на равнине, они принимались палить из ружей в воздух и не прекращали этого занятия, пока не истощали все запасы пороха. Цель же пальбы состояла в том, чтобы предупредить буканьеров о своем присутствии и таким способом заставить их идти в другую сторону, что, разумеется, те и делали, но не из страха, а чтобы не прекращать охоты.

Надо сказать, что идея вооружить копьями вояк, привыкших встречать неприятеля с превосходными ружьями и славившихся искусством попадать с пятисот шагов в стебелек на апельсиновом дереве, компрометировала и самих солдат, и правительство, которому они служили.

Действительно, чего можно было ожидать от такого войска при стычках и что следовало думать о гуманности начальства, которое хладнокровно посылало этих бедняг на верную смерть?

Полусотня, возглавляемая альфересом, выстроилась в десяти шагах от леса, на открытом месте, со всех сторон окруженном, однако, густым кустарником, который воображение испанцев от страха населило невидимым неприятелем. Копья и сабли горой лежали перед ними на земле.

Между тем Польшэ шел немного впереди своих товарищей. Он насмешливо посмотрел на испанцев и после минутного молчания, от которого у побежденных мороз пробежал по коже, решил наконец заговорить своим прежним шутливым тоном.

– А-а! Кабальерос, – воскликнул он, – вы решились сдаться?

– Мы вынуждены сложить оружие перед превосходящими силами врага, – смиренно ответил альферес.

– Но теперь, – продолжал Польшэ насмешливо, – вы признаете, что были не правы?

– Как видите, мы сдались немедленно.

– Я вижу, – вскричал Польшэ и рассмеялся прямо в лицо альфереса, – что вы олухи и трусы!

– Милостивый государь! – воскликнул офицер, вскинув голову.

– Уж не думаете ли вы опять задирать нос? Предупреждаю, хвастливые выходки теперь неуместны. Вы сдались шести человекам, – прибавил Польшэ с невероятным нахальством. – Правда, – заключил он с гордостью, – эти шесть человек – Береговые братья, и каждый из них стоит десяти испанцев.

⁶ Альферес – подпоручик.

– Проклятье! – с яростью вскричал офицер.

– Довольно жалоб, и лучше покоряйтесь добровольно, судари, – сухо сказал буканьер. – Сеньор альферес, велите вашим людям связать друг друга.

– Но какие ваши условия?

– Никаких. Вы сдались без всяких условий, и я поступлю с вами, как мне заблагорассудится.

Что оставалось делать несчастным солдатам, попавшим в эту западню? Только одно: своей полной покорностью смягчить грозных победителей. Так они и поступили.

Через пять минут все солдаты оказались крепко связанными друг другом. Только офицер, из уважения к его чину, оставался на свободе.

Польтэ поднял шпагу и, подавая ее альфересу, сказал с убийственной иронией:

– Возьмите, сеньор кабальеро, я не позволю себе лишиться вас оружия, которым вы так хорошо владеете.

От этой жестокой обиды молодой офицер сделался бледен как смерть, по его телу пробежала нервная судорога. Он схватил шпагу дрожащей рукой, взмахнул ею, со свистом рассекая воздух, и плашмя ударил буканьера по щеке.

Польтэ взревел, как тигр, кинулся на молодого человека и уложил его на месте ударом топора.

– Благодарю, – прошептал офицер, – по крайней мере, я умру смертью солдата!

Его тело дернулось в предсмертной судороге, и глаза сомкнулись. Молодого альфереса не стало.

Кровавый эпизод, который так трагически завершил то, что начиналось как комедия, вызвал у присутствующих грусть.

– Ты погорячился, – сказал буканьеру Дрейф.

– Это правда, – простодушно сознался Польтэ.

– Это был храбрый молодой человек.

– Он это доказал. Я не сержусь на него.

– Да ну? – заметил Дрейф, невольно улыбаясь странной логике Польтэ.

– Теперь поговорим о деле, – вмешался Медвежонок.

– О каком?

– О том, которое привело нас сюда.

– О чем идет речь, брат?

– Прежде всего о завтраке! – воскликнул Дрейф. – Мы умираем с голоду. Где твой букан?

– В двух шагах отсюда. Следуйте за мной.

– С нами есть испанцы, – заметил Медвежонок.

– Пленники?

– Нет, мы возвратили им свободу.

– Где же они?

– Там, в лесу, за деревьями.

– Как быть? – вскричал Польтэ. – Ах! Знаю теперь, – прибавил он спустя секунду, – ступай за освобожденными пленниками, Дрейф. Ты, Медвежонок, оставайся со слугами здесь и карауль этих негодяев, а я через четверть часа вернусь. Вместо того чтобы нам идти к букану, он придет к нам!

– Славная мысль!

Польтэ взял ружье под мышку и удалился большими шагами, тогда как Дрейф направился обратно в лес.

Оставшись один, Медвежонок не терял времени даром: с помощью слуг он вырыл могилу, опустил в нее тело несчастного офицера, а его шпагу положил рядом. Потом яму засыпали землей и навалили на нее большие камни, чтобы защитить могилу от диких зверей.

Парализованные страхом, испанские солдаты в мрачном молчании присутствовали при этом погребении. Трагическая смерть командира внушала им грустные опасения относительно их собственной участи.

Когда в сопровождении Дрейфа пришли освобожденные испанцы, могила уже была засыпана, а все следы убийства убраны с такой тщательностью, что догадаться о произошедшем здесь было невозможно. Медвежонок Железная Голова и Дрейф помогли дамам сойти с лошадей и учтиво проводили их до навеса, который в несколько ударов топора уже соорудили слуги, чтобы можно было укрыться от знойных лучей солнца.

Мужчинам была предоставлена свобода расположиться, как они хотят, но с одним условием: не подходить к солдатам и не заговаривать с ними.

В ту минуту, когда флибустьеры, раскланявшись, хотели отойти от дам, те быстро переглянулись и сделали движение, будто желают остановить их.

– Что вам угодно, сеньориты? – спросил Медвежонок, угадав, что дамы собираются заговорить.

Еще с минуту испанки колебались.

– Сеньор кабальеро, – наконец решила сказать донья Эльмина, – быть может, нам больше не представится случая обменяться с вами перед расставанием, которому наверно суждено быть вечным, несколькими словами. Позвольте же выразить вам искреннюю благодарность, которую одна только смерть сотрет из наших сердец. Вам мы обязаны не только жизнью, но и честью, самым драгоценным, что есть у женщины. Благодаря вашему великодушному заступничеству и вашему самоотвержению, капитан Железная Голова, нам возвратили свободу и через несколько часов мы опять будем среди своих соотечественников.

– Сеньорита, – перебил капитан с достоинством, поразившим его собеседниц, – я поступил так, как предписывала мне честь благородного рода.

– Положим, капитан, – продолжала донья Эльмина, – я не смею сомневаться в этом. Теперь я знаю, что мне думать о флибустьерах и буканьерах, которые всегда представлялись мне людьми жестокими, без правил и чести. Я сохраню о них самое приятное воспоминание, и когда теперь в моем присутствии будут порицать их, я сумею встать на их защиту.

– Ваше снисхождение и доброта, сеньорита, являются для меня высочайшей наградой.

– Мы не можем открыть вам своих имен и звания, но мы погрешили бы против должного к вам уважения, если бы перед тем, как расстаться, не показали лиц, которых вы никогда более не увидите, но о которых, быть может, сохраните воспоминание.

И донья Эльмина быстро откинула от лица шарф, и ее спутница сделала то же. Крик удивления вырвался у флибустьеров при виде этих прелестнейших лиц.

Донье Эльмине и донье Лилии едва минуло по семнадцать лет. В их чертах мавританский тип слился с кастильским, явив самую ослепительную красоту, какую могло бы создать воображение поэта.

К несчастью, это дивное видение мелькнуло с быстротой молнии, и тут же девушки с улыбкой вновь закрыли лица.

– Уже?! – пробормотал Медвежонок.

– Теперь прощайте, сеньоры! – сказала донья Эльмина.

– Еще одно слово! – с внезапной решимостью вскричал капитан, сняв с шеи цепочку с кольцом. – Будущее никому не известно. Бог свидетель, я от всего сердца желаю вам счастья, но если суждено бедствиям снова обрушиться на вас и если вам понадобится верный, преданный и храбрый друг, пришлите мне это кольцо с моей печатью, и я немедленно явлюсь на помощь! – И он разорвал цепочку, освобождая кольцо. – Как только оно будет доставлено мне, я немедленно явлюсь на зов, где бы я ни находился. Если же вы сами пожелаете отыскать меня, вам стоит только показать это кольцо моим товарищам, оно хорошо знакомо им и будет вам охраной и свободным пропуском ко мне.

– Принимаю, сеньор кабальеро, – ответила тронутая этим подарком донья Эльмина. – Вы меня так приучили к вашим рыцарским поступкам, что еще одно благодеяние уже не в силах увеличить моего неоплаченного долга.

Несмотря на грубую, неотесанную натуру, Дрейф был растроган не меньше Медвежонка Железная Голова. Однако он решительно положил конец трогательной сцене, которая показала ему затянувшейся, и увлек за собой товарища.

Погруженные в собственные мысли, испанцы не заметили или сделали вид, будто не замечают продолжительного разговора флибустьеров с двумя дамами.

Часом позже явился Польшэ в сопровождении трех слуг и двенадцати гончих, которые при виде испанцев начали так бесноваться, что успокоить их стоило величайшего труда. Слуги

несли на своих широких плечах все необходимое для обильной трапезы. В несколько минут были раскинута палатка и устроен букан.

По приказанию Польшэ, человека по натуре своей доброго, перед бывшими испанскими пленниками разложили множество съестного, а солдатам развязали руки, чтобы дать возможность поесть.

Лучшие куски, разумеется, были отложены для дам, оставшихся под навесом. Затем и слуги, и Береговые братья уселись в кружок и в свою очередь набросились на еду. Утолив первый голод, они в нескольких словах объяснили Польшэ, почему очутились на равнине и какие имели намерения.

Буканьер только качал головой. Выслушав все, он оставил за собой право поступить с солдатами, которые, в сущности, были его пленниками, по своему усмотрению. Товарищи признали это вполне справедливым.

После быстрого завтрака – охотники и авантюристы не тратят много времени на еду – Береговые братья закурили трубки. По приказанию Медвежонок были приведены бывшие пленники.

– Сеньор кабальеро, – обратился капитан к тому из освобожденных испанцев, которого его собратья по плену, как бы по безмолвному соглашению, признавали за старшего, – теперь мы расстанемся. Вы свободны, как я уже говорил. Слуга Польшэ проводит вас до испанских аванпостов, которые всего в нескольких лье отсюда. Вы доберетесь еще до заката. За свою услугу я прошу об одном: оказывать некоторое сострадание тем из Береговых братьев, чья судьба окажется в ваших руках.

– Я никогда не забуду, – с достоинством ответил испанец, – что вам мы обязаны свободой. Взамен обещаю щадить каждого французского пленного, который окажется в моей власти.

– Принимаю ваше обещание, сеньор, и считаю себя вполне вознагражденным.

– Не забывайте, кабальеро, – по своему обыкновению бесцеремонно вмешался в разговор Польшэ, – если с проводником, которого я вам даю, что-нибудь случится, за это ответят жизнью десять солдат.

– Разве эти бедные солдаты останутся в плену? – с живостью спросил испанец.

– Если только вы не согласитесь заплатить выкуп.

– Без сомнения. Сколько вы требуете за них?

– Пятьдесят пиастров за каждого, – отчетливо проговорил Польшэ.

– Согласен, но вы же понимаете, что при мне этих денег нет. Клянусь честью и словом дворянина, завтра, через два часа после рассвета, мой гонец вручит вам оговоренную сумму, то есть две тысячи пятьсот пиастров.

– Как только деньги окажутся у меня в руках, солдатам будет возвращена свобода.

– Разве вы не верите моему слову? – надменно вскричал испанец.

– Напротив, но предпочитаю деньги. Давайте пиастры – получите солдат.

– Не устроить ли нам все это между собой, брат? – в свою очередь вмешался Медвежонок.

– Это как же?

– Если ты будешь согласен, то я поручусь за этого господина.

– Да ты с ума сошел! Тебя обманут.

– Ба! Велика важность.

– Как хочешь. Но тогда я умываю руки.

– Позвольте, сеньор кабальеро, – перебил испанец. – Благодарю вас за предлагаемое поручительство, но я не принимаю его. Я докажу вашему товарищу, что больше доверяю ему, чем он мне.

С этими словами он вынул из камзола футляр.

– Вот, – продолжал он, – несколько бриллиантов, которые мне удалось скрыть от флибустьеров. Оставьте их у себя, сеньор кабальеро, и отдайте тому, кто привезет условленную сумму.

Польтэ открыл футляр и рассмотрел бриллианты взглядом знатока.

– Тут больше чем на миллион, знаете ли вы это? – спросил он.

– Их стоимость – четыреста тысяч пиастров, – холодно ответил испанец.

– И вы доверяете их мне?

– Почему же нет? Я полагаюсь на вашу честь.

– Возьмите назад ваш футляр, – заявил Польтэ, пристыженный уроком. – Пленники свободны. Вы пришлете выкуп, когда вам угодно.

– Хорошо. Благодарю, – просто ответил испанец.

Спустя несколько минут дамы уже садились на лошадей, и бывшие пленники, молча раскланявшись с Береговыми братьями, отправлялись в путь вслед за слугой буканьера.

Проезжая мимо капитана, донья Эльмина слегка наклонилась в седле и прошептала одно слово:

– Recuerdo!⁷

Капитан молча почтительно поклонился и продолжал следить взглядом за небольшой вереницей удалявшихся путников, пока те не скрылись из виду. Когда же испанцы наконец исчезли за поворотом извилистой тропы, флибустьер подавил вздох и в глубокой задумчивости направился к своим товарищам.

В тот же вечер слуга Польтэ вернулся с пятью тысячами пиастров – сумма, вдвое превышающая оговоренный выкуп.

На другое утро Дрейф и Железная Голова, дружелюбно простившись с буканьером, возвратились в Пор-Марго.

Недели, месяцы, год и, наконец, еще один год миновали, а капитану, несмотря на все усилия, не удалось добыть каких-либо известий о донье Эльмине. Характер Медвежонок, и без того мрачный по своей природе, стал еще более замкнутым. Исчезла надежда, хотя и слабая, которую он лелеял в своем сердце.

Донья Эльмина забыла его! Однако не она ли шепнула ему при расставании нежное, исполненное таких пленительных обещаний слово:

– Recuerdo!

Однажды вечером он, по обыкновению грустный и задумчивый, бродил в Пор-Марго по набережной, когда человек, показавшийся ему знакомым, хотя Медвежонок и не мог припомнить, где видел его, остановился перед ним с поклоном.

– Кто вы и чего хотите? – спросил Медвежонок.

– Капитан, я слуга Польтэ. Хозяин приказал мне доставить вам письмо, которое он получил вчера через час после заката.

Сердце капитана сжалось от тайного предчувствия. Он взял письмо дрожащей рукой и развернул. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться: предчувствие не обмануло его. На бумаге он увидел свою собственную печать на черном сургуче и три слова:

Картахена⁸. Сейчас. Опасность.

– Твой хозяин ничего не велел передать на словах? – спросил он слугу.

– Он приказал сказать: «Куда направится капитан, туда и я с ним. Не позднее завтрашнего утра я буду у него».

– Благодарю хозяина и скажи, что я буду ждать. Вот тебе за труды.

⁷ Я помню! (исп.)

⁸ Картахена (Картахена-де-Индиас) – крупный порт на берегу Карибского моря, пятый по величине город Колумбии.

И флибустьер протянул посыльному несколько пиастров.

Слуга принял их, поклонился и ушел.

На другое утро, согласно обещанию, явился Польшэ. Это было в четверг.

Капитан немедленно приступил к вербовке людей, и в пятницу утром все было готово.

Флибустьер не знал, какого рода опасность грозила донье Эльмине, но полагал, что она была велика, если испанка решилась прибегнуть к его помощи.

Итак, не давая себе времени на размышления, он поспешно приготовился к экспедиции. Прежде всего надо было поспеть в Картахену, а там уже и решать, что предпринять. План действий будет составлен сообразно обстоятельствам.

Медвежонок Железная Голова много успел выстрадать на своем веку, но не разучился верить и надеяться. На что именно – он не смог бы сейчас сказать. Может быть, на невозможное... Впрочем, не так ли всегда бывает в любви? Ведь, не признаваясь в том самому себе, капитан любил.

Он безумно любил девушку, виденную мельком, одно мгновение, но чей образ навеки запечатлелся в его сердце. Вся его жизнь сосредоточилась теперь на страсти, сила которой пугала его. А очевидная недостижимость мечты – увы! – приводила в бешенство. И тем не менее, повторяем, он надеялся! Сообразно с этой надеждой он и начал действовать.

Таинственные приготовления в поход наделали между тем много шума в Пор-Марго. И Медвежонок решил прекратить досужие пересуды и заставить замолчать всех, сеющих нелепые слухи по поводу предстоящей экспедиции.

Существовало лишь одно средство, которое могло закрыть рот болтунам, – пища. И Медвежонок решил дать именно ее. Впоследствии он имел возможность порадоваться тому, что принял такую меру.

Была пятница.

Медвежонок пригласил самых известных флибустьеров на большой пир, предполагая сразу после него немедленно сняться с якоря.

Это был тот самый пир до победного конца, который закатил Медвежонок 13 сентября 16... года в гостинице «Сорванный якорь», о чем мы и сообщили в самом начале этого правдивого рассказа.

И вот теперь, когда изложены в подробностях все более или менее значительные факты, которые предшествовали сему безудержному гульбищу, – мы приступим к продолжению нашего повествования с того самого места, где прервали его.

Глава VI

О том, как «Задорный» снялся с якоря и Медвежонок Железная Голова заставил экипаж скрепить присягой договор о разделе добычи

Гости отдавали должное яствам, стаканы то и дело сдвигались, веселые речи не умолкали, песни и смех заглушали отдельные разговоры, и порой тарелка или пустая бутылка, пущенная в окно, со звоном разбивалась среди толпы, собравшейся вокруг дома и приветствовавшей это падение восторженными возгласами.

Однако благодаря присутствию д'Ожерона пир все же не выходил за рамки приличия, хотя некоторые флибустьеры уже сползли под стол и пьяный храп, подобно органному переливам, оглашал залу. Их соседи спешили воспользоваться свободным местом, чтобы раздвинуть стулья и расположиться удобнее.

Лишь некоторые из виднейших флибустьеров сохранили полное хладнокровие. Это были, не считая губернатора д'Ожерона, Монбар, Дрейф, Польшэ, Мигель Баск и Медвежонок Железная Голова, который, кроме воды, ничего в рот не брал. Он давно слыл среди пиратской вольницы большим оригиналом, но это исключение из флибустьерских правил Медвежонку всеми охотно прощалось: да, сам он не пил, но другим пить не мешал, а, напротив, от души угощал всех, кто сидел рядом.

Как известно, сильнее всего возбуждают жажду разговоры, и одному Богу ведомо, вдоволь ли наговорились за столом Береговые братья. Временами все вдруг принимались говорить разом, не дожидаясь ответа на заданный вопрос. К тому же в тот вечер собиралась гроза, воздух был тяжел и насыщен электричеством, жар томителен: сколько предлогов для того, чтобы осушить очередной бокал! Но, по счастью, пьющие не нуждаются в оправдании!

– Слушайте же, чтоб нам всем пропасть! – вдруг крикнул Красавец Лоран, поднимая полный стакан. – Да слушайте же, братья! Я пью за здоровье нашего капитана и за успех его предприятия! Черт возьми того, кто не подхватит мой тост!

– За здоровье Медвежонка Железная Голова! – вскричали в один голос все флибустьеры без исключения – разумеется, кроме тех, кто свалился под стол.

– И пусть он встретит на пути галионы вице-короля Новой Испании! – весело прибавил Монбар Губитель в виде заключения.

– За его скорое и благополучное возвращение к нам! – улыбаясь, сказал губернатор и поднес стакан к губам.

Капитан Медвежонок Железная Голова уже несколько минут казался погруженным в глубокие размышления. Однако, услышав добрые пожелания друзей, он поднял голову, и его бледное лицо озарилось добродушной улыбкой. Схватив стакан, он вскричал:

– Французского вина! Не водой отвечу я на пожелания моих товарищей!

– Bravo! Да здравствует Медвежонок! – воскликнули флибустьеры, радостно захлопав в ладоши при этом неожиданном требовании, шедшем вразрез с привычками капитана.

Вино подали и разлили по стаканам. Капитан встал и поклонился.

– Братья! – сказал он громким голосом. – Ответьте на мой тост. За успехи флибустьерства!

– За успехи флибустьерства! – повторили все.

– Пойдите, – продолжал капитан, снова протягивая стакан, чтобы наполнить его. – За Францию, нашу общую родину, и за свободу на морях, когда нам отказывают в ней на земле!

Этот тост принят был с исступленными криками восторга.

– А теперь, – продолжал капитан, бросив стакан об стол, – пить я больше не стану. Братья, простимся. Пробил час разлуки, я отправляюсь. Через месяц я вернусь назад. Если этого не произойдет, значит я мертв.

– Зачем такие мысли в подобную минуту, любезный капитан? – остановил его д’Ожерон. Медвежонок грустно покачал головой:

– Действительно, я не прав, думая о печальном. Не так должен кончаться веселый пир. Простите, братья! Я ставлю жизнь на карту, всё против меня, и в минуту разлуки, быть может вечной, мысль о нашей братской дружбе раздирает мое сердце!

– Зачем же уезжать сегодня? – вскричал Монбар.

– В пятницу, тринадцатого... – задумчиво прибавил Дрейф.

– Подожди до завтра, Медвежонок! – закричали флибустьеры. – Подожди, брат! Стоит ли испытывать терпение Всевышнего!

– Вот-вот разразится гроза, – заметил Красавец Лоран.

– Все вы правы, друзья, – отвечал капитан твердо, – но, к несчастью, я на это могу сказать только одно: так надо!

– Если так, мы не станем уговаривать, капитан, – сказал д’Ожерон. – Вы из тех людей, которых ничто не заставит отступить, когда речь идет о долге. Не напрасно, – весело прибавил он, – вас прозвали Железной Головой. Но мы не расстанемся вот так, а проводим вас до пристани.

– Да, да! – вскричали флибустьеры с рукоплесканиями. – На пристань!

– Благодарю, братья, и соглашаюсь, – просто ответил Медвежонок.

Он встал.

Все Береговые братья последовали его примеру.

Флибустьеры вышли из гостиницы «Сорванный якорь» и направились к пристани. Они медленно шествовали между двух рядов обывателей, охваченных общим чувством воодушевления.

Наконец они достигли пристани. Шлюпка с десятью гребцами уже качалась на волнах. Начались прощания.

Капитан Железная Голова и Польшэ в последний раз пожали руку д’Ожерону и предводителям флибустьеров, между тем как Александр, слуга Медвежонка, сводил в шлюпку собак и кабанов, верных спутников капитана. Умные животные вмиг улеглись под скамьями.

Медвежонок и Польшэ уселись, и шлюпка отчалила.

Ветер был свежий, море – беспокойно. Несколько тучек быстро скользили по синему небу, испещренному яркими, как бриллиантовая пыль, звездами, от луны исходило бледное сияние.

Гребцы, нагнувшись над веслами, менее чем за четверть часа преодолели расстояние до корабля, стоявшего на большом рейде.

Со шканцев шлюпку, которая пристала к кораблю со стороны штирборта, окликнул и узнал вахтенный. Пьер Легран, лейтенант фрегата, почтительно ждал своего командира у самого трапа, а когда тот поднялся, немедленно скомандовал, чтобы ему отдали честь.

Медвежонок ступил на палубу своего корабля, осмотрелся вокруг пытливым взглядом, потом задумчиво поглядел на городские огни и спросил:

– Мы готовы?

– Все готово, – ответил Пьер Легран.

Капитан поднялся на шканцы, с минуту изучал небосклон, а потом, сложив руки рупором, скомандовал могучим голосом, слышным во всех уголках корабля:

– По местам!

Словно по волшебству, появились из всех люков загорелые матросы, они мигом очутились на палубе и окружили все бегучие снасти. По команде десятки людей налегли на рукоятки

брашпиля и разом освободили якорь. Команда за командой были исполнены с необычайным искусством и быстротой. Судно величественно развернулось и заскользило по волнам.

Тогда капитан спустился и передал рупор своему лейтенанту. Спустя двадцать минут флибустьерское судно рассекало мрак, словно призрак. В открытом море ветер был свеж, но не настолько, чтобы нельзя было им воспользоваться. Судно легко шло под несколькими парусами.

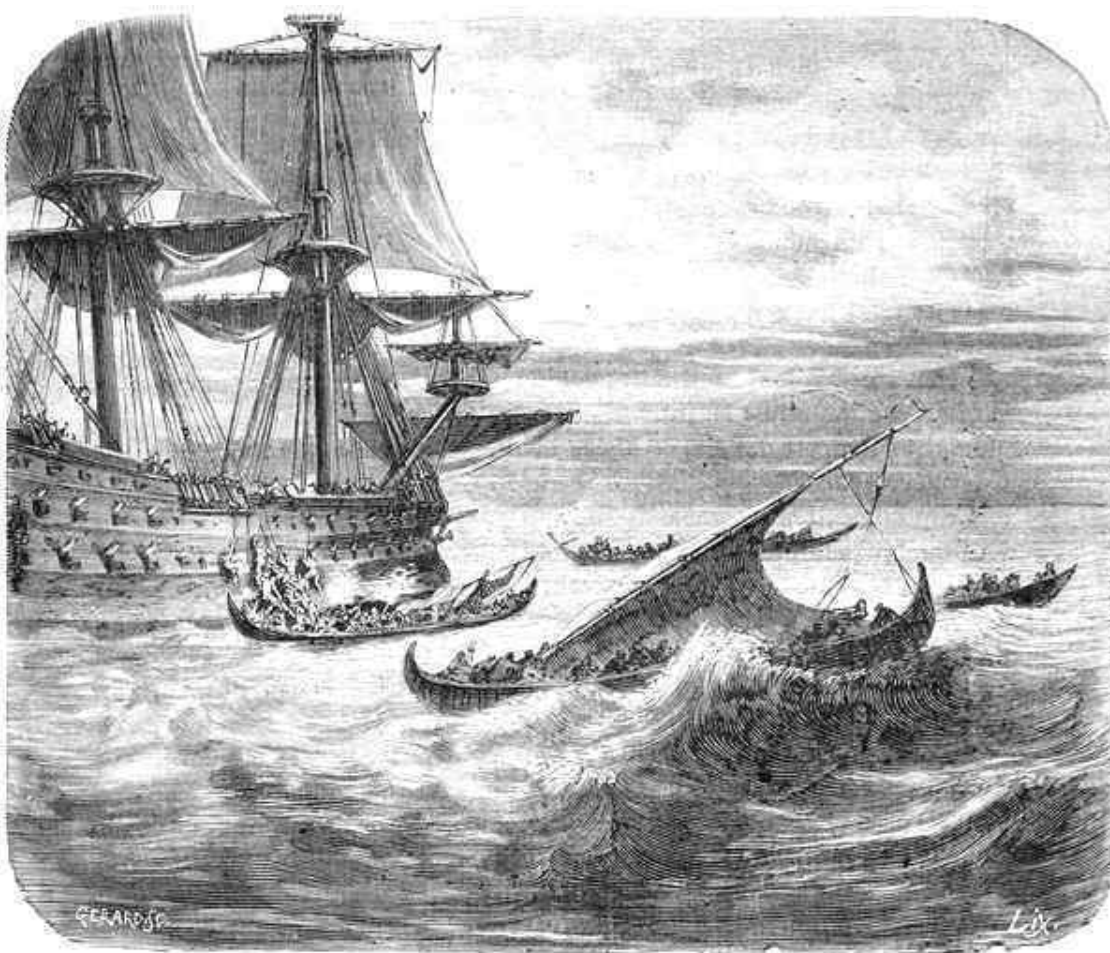
Свисток созвал экипаж на молитву.

Флибустьеры отличались особой набожностью. Общая молитва происходила утром и вечером: лейтенант читал ее, а матросы повторяли за ним. Нередко флибустьеры, распевая псалмы, бросались на abordаж неприятельских судов подобно тиграм.

Этот удивительный обычай стоит отметить, когда речь идет о подобных людях.

Через час наверху не было никого, кроме вахтенных, весь экипаж спал с той беспечно-стью, которая составляет отличительную черту моряков.

Судно Медвежонка Железная Голова представляло собой фрегат водоизмещением в тысячу восемьсот тонн, всего год назад оно было спущено с верфи Эль-Ферроля.

Испанцы, снабдив корабль тридцатью пушками и экипажем из пяти сотен человек, послали судно в Мексиканский залив для прикрытия проходящих галионов.

Называлось оно «Сан-Хосе», имело корпус с изящными обводами, сидело в воде неглубоко, легко управлялось и отличалось быстротой хода.

К несчастью, не успел «Сан-Хосе» достичь Антильского моря, как в одну прекрасную ночь его взяли на abordаж, врасплох, почти без сопротивления, пять флибустьерских плоскодонок под командой Медвежонка.

Испанский капитан и его штаб пытались было обороняться, хотя сопротивление было бессмысленным, и они поплатились за него жизнью: их повесили на мачтах, корабль отвели в Пор-Марго, а матросов продали колонистам и буканьерам.

Разделив между товарищами причитающуюся им долю взятой добычи, Медвежонок купил «Сан-Хосе» и тотчас переименовал его в «Задорный» – название во всех отношениях подходящее судну, такому легкому на ходу, стройному, красивому и кокетливо выкрашенному.

С тех пор как «Задорный» сменил владельца, он в четвертый раз выходил в море.

Часам к двум капитан опять поднялся на шканцы. Ветер немного стих. Медвежонок шепнул несколько слов вахтенному, которым был Польшэ, столь же добрый моряк, сколь и смелый буканьер.

Польшэ велел поднять по зажженному фонарю на верхушку каждой мачты, еще один – на гафель и убрать грот-марсель. Фрегат замедлил ход.

Флибустьеры находились не более чем в пяти или шести кабельтовых от берега, вдоль которого судно шло все время по выходе из Пор-Марго. Берег был ясно виден благодаря светлой ночи.

Прошло с полчаса. Медвежонок расхаживал по юту, склонив голову на грудь, заложив руки за спину и погрузившись в глубокие размышления.

– Капитан, – почтительно сказал Польшэ, так как дисциплина строго соблюдалась на флибустьерских судах, – я вижу огни с левого борта.

– Сколько?

– Четыре.

– Все верно. Быть наготове, бросить швартовы, когда пироги подойдут и ответят на оклик.

Польшэ без лишних вопросов поднялся на шканцы.

Прошло еще минут двадцать. Огни быстро приближались к «Задорному», и теперь уже легко было различить подходящие лодки.

– Эй! На корабле! – крикнул сильный голос.

– Кто вы? – крикнул в ответ Польшэ. – Что вам надо?

– Береговые братья! – окликнул прежний голос. – Мы идем к «Задорному».

– Кто вами командует?

– Олоне.

При этом знаменитом среди флибустьеров имени вахтенные встrepенулись.

– Причаливайте! – продолжал Польшэ.

Бросили швартов, который был подхвачен практически на лету, и двести пятьдесят с ног до головы вооруженных флибустьеров с проворством обезьян взобрались на «Задорный», цепляясь за что попало. Флибустьеры мигом очутились на палубе, не заботясь о пирогах, которые унесло течение.

– Вот и я! – просто сказал Олоне Медвежонку.

– Благодарю, брат! – ответил тот, дружески пожимая ему руку. – Ты держишь слово. Впрочем, как видишь, я ждал тебя. Там ничего не подозревают?

– Ничего.

– И д'Ожерон тоже?

– У него нет и тени сомнения.

– Очень хорошо! Чем безумнее наше предприятие, тем строже следует хранить его в тайне. Уверен ли ты в своих людях?

– Как в себе самом. Все как на подбор. Будь спокоен, самый тихий из нас – сущий дьявол во плоти.

– Славно! Ребята, – прибавил капитан, возвысив голос и обращаясь к вновь прибывшим, столпившимся на шкафуте левого борта, – располагайтесь между пушками и в шлюпках и выпитесь. Часа через три рассветет. Тогда мы и потолкуем.

Флибустьеры молча разошлись и, как бывалые моряки, в несколько минут расположились для ночлега: кто в шлюпках, кто на носу, но так, чтобы не мешать производить необходимые маневры.

«Задорный» уже снова шел.

– Пойдем, матрос! – сказал Медвежонок Олоне. – Мне надо поговорить с тобой.

Оба спустились в каюту, заперлись там и шепотом обсуждали что-то более часа.

Потом Медвежонок пожелал товарищу доброй ночи и бросился, не раздеваясь, на свою койку. Что же касается Олоне, то он закутался в свой плащ и растянулся прямо на полу. Спустя короткое время оба приятеля спали мертвым сном.

В половине пятого взошло солнце. Ночью ветер все свежел, море было бурное, по нему ходили глубокие волны. Земля вдали казалась одним голубоватым облачком.

«Задорный» сильно раскачивало, хотя почти все паруса были убраны. Тем не менее двигалось судно быстро. Капитан поднялся на палубу в сопровождении некоторых самых приближенных людей: Олоне, Польшэ и своего любимого слуги Александра.

Пьер Легран в качестве лейтенанта нес вахту с четырех часов утра. Внимательно поглядев на компас и осмотрев мачты, капитан подошел к Леграну и сказал что-то шепотом.

Лейтенант кивнул, приставив свисток к губам, нагнулся над большим люком и крикнул громовым голосом:

– Все наверх!

Через пять минут экипаж, неподвижный и безмолвный, выстроился по шкафутам, приставив ружья к ноге и устремив взгляд на командира, который стоял, скрестив руки, немного позади большой мачты.

Эти люди с загорелыми и энергичными спокойными лицами представляли странное зрелище на корабле, который сердитое море перебрасывало с боку на бок.

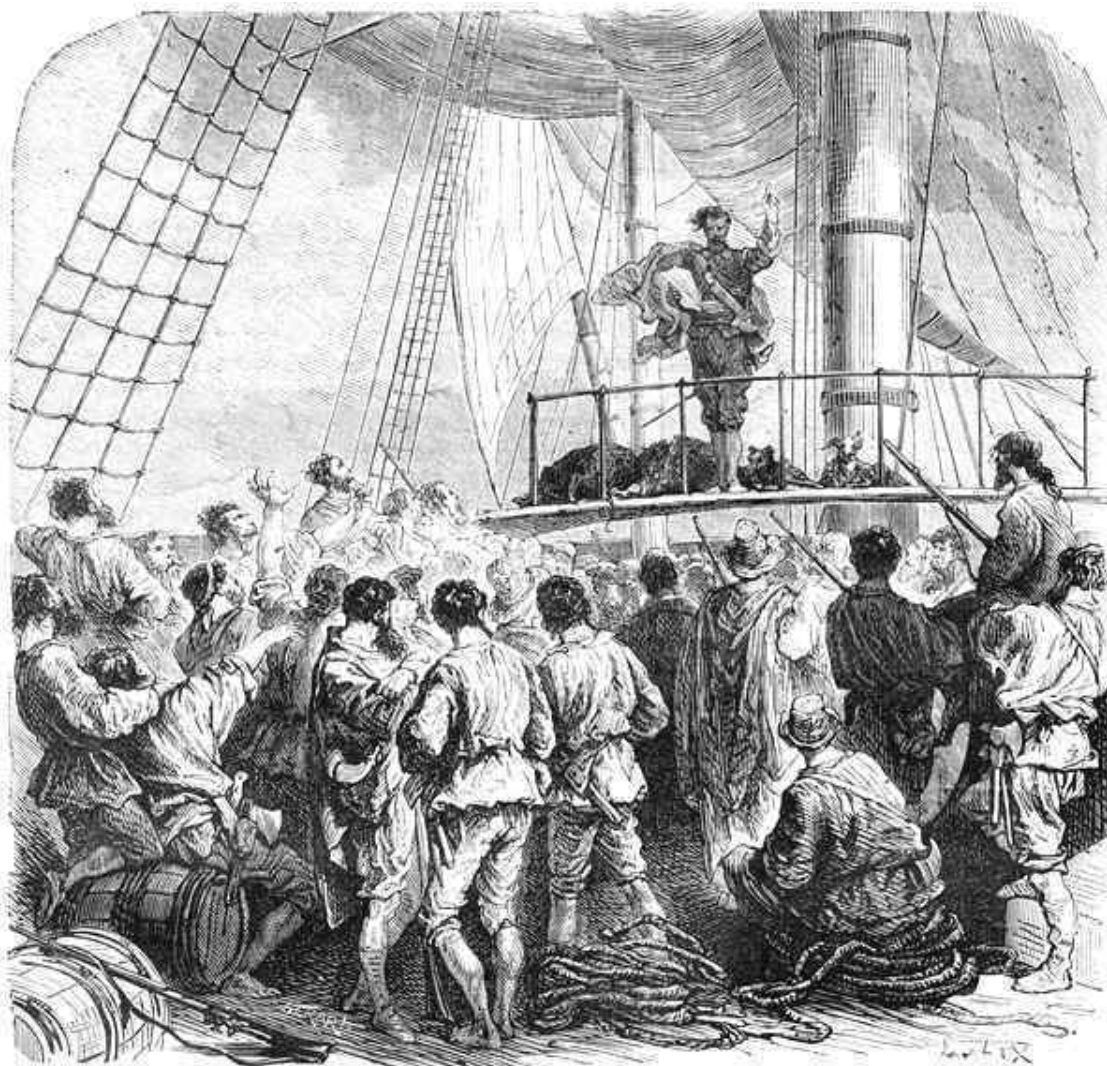
Простота и незатейливость их костюмов еще более способствовали поразительно живописному характеру этой необычайной сцены. Одевание матросов состояло из рубашки и коротких штанов, доходящих до колен. Присмотревшись к этой одежде, можно было заметить, что она некогда была сшита из холста, теперь совсем потерявшего вид и ставшего непромокаемым из-за впитанного жира и крови.

У одних матросов взъерошенные волосы торчали из-под шляп, от которых осталась одна тулья, а поля были обрезаны почти полностью, кроме части, служившей козырьком. У других матросов волосы были схвачены вокруг головы перекрученными жгутами. Все носили бороды, и некоторые – очень длинные.

Каждый авантюрист носил на поясе с одного боку топор и называемую «бычьим языком» короткую прямую саблю с широким лезвием, мешочек с пулями и тыкву-горлянку, набитую порохом. С другого же боку висели ножны из крокодиловой кожи с четырьмя ножами и штыком. Кроме того, у каждого имелось по ружью, как сказано выше, и через плечо было перекинуто по скатанному куску тонкого холста для палаток на случай, если придется располагаться лагерем.

Ружья этих людей заслуживают отдельного описания: они изготовлялись во Франции исключительно для авантюристов, у Бражи в Дьеппе и Желена в Нанте. Дуло их имело четыре с половиной фута длины, а приклад почти прямой, массивный и весь в серебряных накладках. Эти ружья били чрезвычайно метко, особенно в руках буканьеров, которые славились своим искусством в стрельбе.

Капитан стал на свое место на шканцах и движением руки подозвал флибустьеров подойти ближе. Это приказание было тут же исполнено.

Резким и продолжительным свистком дали знать, что требуется полное молчание.

Капитан Железная Голова снял шляпу, поклонился Береговым братьям и заговорил. Его голос, спокойный, отчетливый и звучный, раздался сквозь вой ветра в снастях и глухой рев разъяренных волн, ударявшихся о корму корабля.

Собаки и кабаны, неразлучные спутники капитана, лежали у его ног, не обращая внимания на качку и глядя на авантюристов детски грустным взглядом, которым Господь одарил животных, сотворенных для жизни с человеком. Во взгляде этом сквозил безмолвный и невольный укор человеческой жестокости по отношению к животным.

Медвежонок провел рукой по лбу и гордо вскинул голову.

– Береговые братья, – начал он, быстро оглядев присутствующих, – мы старые знакомые, среди вас нет ни одного, кто не плавал бы со мной. Итак, вам известно, кто я и на что я способен. Едва ступив на эту палубу, вы уже, вероятно, знали, что я поведу вас на завоевание, которое умеют замышлять и приводить в исполнение одни только обитатели Тортуги! Вы не ошиблись, братья! Эта экспедиция, говоря откровенно, самая безумная, самая отчаянная из всех, когда-либо предпринимаемых флибустьерами. Словом, мы идем к испанцам в их сильнейшее убежище, идем похитить у них галеоны в порту, который они в своей надменности считают неприступным. Но это только потому, что нам еще не приходила мысль завладеть им! Братья! Мы идем в Картахену!

– В Картахену! В Картахену! Да здравствует Медвежонок Железная Голова! – вскричали флибустьеры, восторженно размахивая оружием.

– Я не стану говорить, – продолжал капитан, – о бесчисленных преградах, которые нам предстоит побороть. О тех опасностях, которые будут подстерегать нас на каждом шагу. Какое нам дело! Мы – Береговые братья! Ястребы с Тортуги! Мы победим!

– Да, да, победим! – неистово закричали флибустьеры в порыве восторга от этих надменных слов, значение которых все отлично понимали.

– Разумеется, – продолжал капитан с убийственной иронией, – я легко мог бы последовать примеру Моргана во время его экспедиции в Пуэрто-Бельо⁹ и снарядить эскадру. Но гуси летают стаями, орел же всегда один. И мы в одиночку исполним нашу задачу! Неприятель ничего не подозревает и будет поражен громовым ударом. Он падет, не успев даже подумать о защите!

– Да здравствует Медвежонок Железная Голова! – снова перебили флибустьеры с восторженностью, доходившей до иступления.

– Но вам известно, – продолжал капитан, – чем больше славы, тем больше опасности таит в себе экспедиция и тем строже должна быть дисциплина. Я составил договор о разделе добычи, выслушайте его внимательно. Я потребую вашей подписи.

– Договор! Скорее договор! – заволновался экипаж.

Капитан вынул из кармана сложенный вчетверо лист, жестом потребовал тишины, развернул его и стал читать:

– *Пункт первый.* Все Береговые братья, находящиеся на фрегате «Задорный», клянутся капитану Медвежонку Железная Голова, возглавляющему экспедицию, и офицерам его штаба в безусловном повиновении под страхом смерти.

– Клянемся! – вскричал экипаж в один голос.

– *Пункт второй.* Капитан оставляет за собой исключительное право назначать офицеров, которые будут находиться под его командой, вплоть до боцмана и констапеля.

– Клянемся!

– *Пункт третий.* Кто сорвет неприятельский флаг с крепости и заменит его трехцветным флагом флибустьеров, получит, помимо своей доли, пятьдесят пиастров.

– Клянемся!

– *Пункт четвертый.* Кто захватит пленника, когда понадобятся сведения о неприятеле, получит, помимо своей доли, сто пиастров. Гренадеры за каждую брошенную в форт гранату получают по сто пиастров. Тот, кто возьмет в плен неприятельского штаб-офицера, получит двести пиастров.

– Клянемся!

– *Пункт пятый.* Капитан имеет право на одного пленника из ста, остальные командиры – по одному из двухсот. Королю поступит десятая часть всей добычи, другая десятая доля будет отложена для вдов и сирот Береговых братьев, убитых во время экспедиции.

– Клянемся!

– Теперь же, братья, о том, что касается изувеченных и раненых. Для них будет отделено вознаграждение до раздела добычи.

– Bravo! Да здравствует капитан! Слушаем, слушаем! – вскричали флибустьеры, весьма заинтересованные этим последним пунктом.

– *Пункт шестой.* Кто лишится обеих ног, получит тысячу пятьсот пиастров или пятнадцать невольников, по желанию. За потерю обеих рук – тысячу восемьсот пиастров или восем-

⁹ Один из важнейших для Испании городов Нового Света, Пуэрто-Бельо, расположенный на Панамском перешейке и являвшийся перевалочным пунктом для караванов, вывозивших золото из Перу и Чили в метрополию, был взят в 1668 г. Генри Морганом после ожесточенного штурма.

надцать невольников. За потерю одной ноги, все равно какой, правой или левой, – пятьсот пиастров или пять невольников. За одну руку или кисть руки одинаковое вознаграждение – пятьсот пиастров или пять невольников. За глаз – сто пиастров или невольника. За оба глаза – две тысячи пиастров или двадцать невольников, за палец – сто пиастров или невольника. У кого будет изувечена рука или нога, тот получит такое же вознаграждение, как за потерю конечности, если бы ее оторвало или ампутировал хирург. Тому, кто получит опасную рану на теле, куда бы то ни было, причитается пятьсот пиастров или пять невольников¹⁰.

– Это хорошо! – одобрили флибустьеры. – Капитан подумал обо всем. Да здравствует Медвежонок Железная Голова.

– Итак, весь договор принят? – спросил капитан.

– Принят и скреплен присягой! – весело вскричали авантюристы.

– Так слушайте же теперь, братья, – продолжал капитан, – кого я назначил себе помощниками, уделив им часть своей власти. Надеюсь, что мой выбор будет вам приятен.

Тишина водворилась мгновенно, как по волшебству.

– Старшим капитаном на «Задорном», – продолжал Медвежонок, – назначается Пьер Легран. Младшим капитаном – Жан Давид. Старшим лейтенантом – Олоне. Младшим лейтенантом – Польшэ. Боцманом – Александр, а констапелем – Данник. Клянетесь ли вы повиноваться этим офицерам?

– Клянемся!

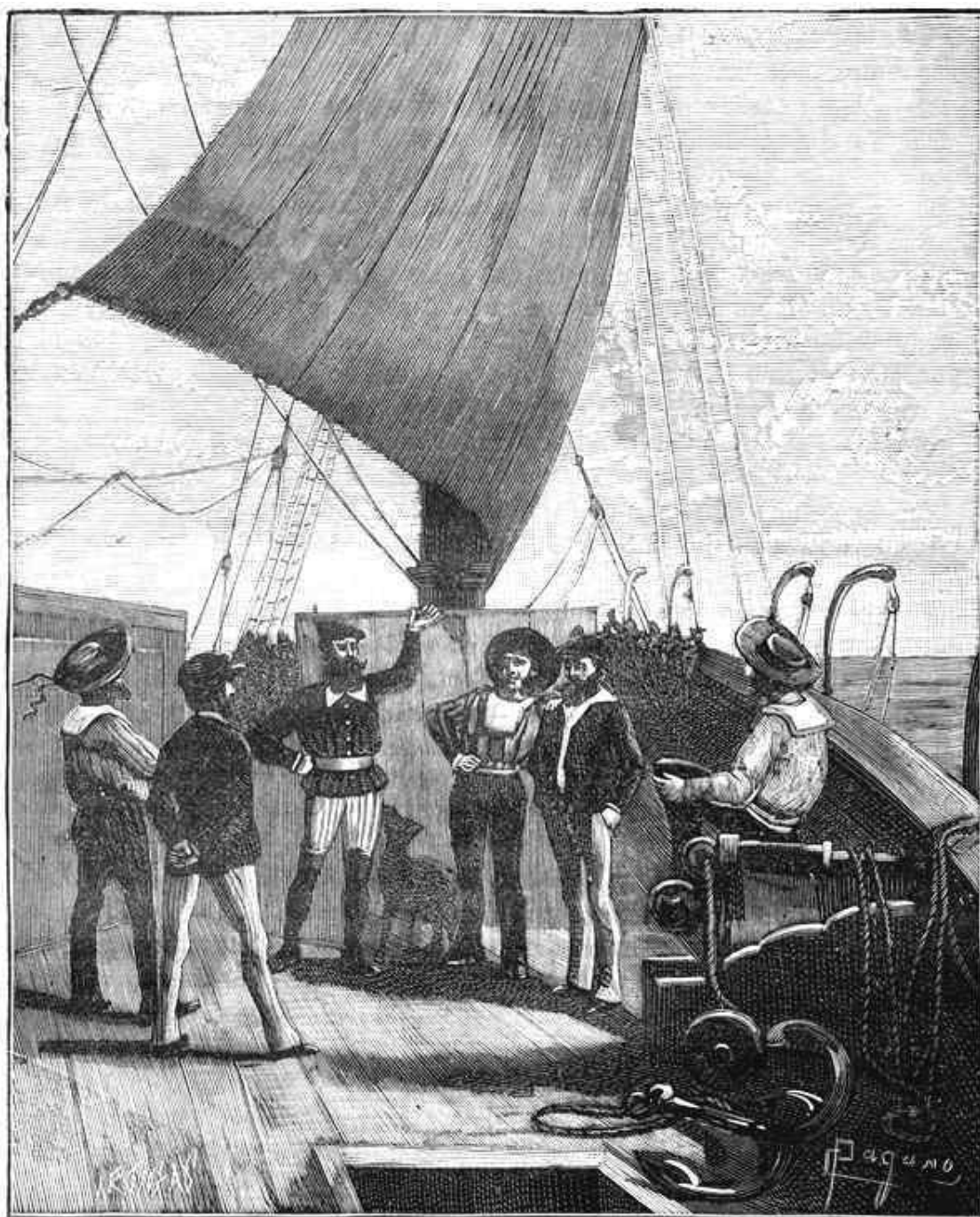
– Теперь же, братья, назначьте сами своих унтер-офицеров, шкиперов, подшкиперов и штурманов. Сойдитесь по матросским правилам и разделитесь на две команды. С этой минуты я объявляю экспедицию начатой. Как только кончатся ваши выборы, корабельный писарь придет с договором за вашими подписями. Ступайте.

Экипаж немедленно перешел на бак и приступил к выборам со спокойствием и хладнокровием, никак не свойственными подобным людям, которые вдруг доказали, насколько они прониклись важностью того, что им поручили.

Только капитан со своим штабом оставался на юте. Было восемь часов утра, рулевой пробил восемь склянок. Жан Давид стал на вахту.

– Братья, – обратился Медвежонок к своим помощникам, – окажите мне честь позавтракать со мной. Я сообщу вам свой план захвата Картахены, и мы обсудим его за стаканом вина.

¹⁰ Этот странный договор исторически верен; он приведен целиком в любопытном произведении Александра Оливье Эксмелина. – *Примеч. автора.*

Флибустьеры почтительно поклонились и спустились за своим капитаном в кают-компанию, где уже накрыли стол. Ветер становился все холоднее и превращался в настоящий ураган, но никто на «Задорном» не обращал на это внимания. Медвежонок и его помощники были люди не того пошиба, чтобы тревожиться по поводу силы ветра.

«Задорный» был новым судном, построенным со всем тщанием, которое испанцы в те времена прилагали к постройке кораблей всех типов. В ту эпоху французский флот существовал, по сути, только на словах: Кольбер едва приступал к сооружению судов, которые впоследствии приобрели такую грозную славу. У Англии флот, правда, уже имелся, но был далеко не так велик и хорошо оснащен, как испанский, который наравне с голландским флотом считался лучшим во всем свете и по числу судов, и по их вооружению, и по несомненным мореходным качествам.

Фрегат «Задорный», прекрасно оснащенный, отличался и прочностью постройки. Им можно было управлять, как лошадью. Разумеется, ему был не страшен настоящий шквал. Так стоило ли обращать внимание и на какой-то расхолодившийся свежий ветерок?!

Капитан сел на почетное место, а его штаб расположился вокруг стола, уже накрытого для завтрака. Храбрые флибустьеры буквально умирали с голоду: после достопамятного пира в «Сорванном якорю» они еще не ели. Разнообразные хлопоты заняли все их время, и они не могли выкроить ни минуты, чтобы перекусить на скорую руку сухарем с рюмкой рома.

Флибустьеры ели и пили, весело толкуя обо всем, что так или иначе касалось общих интересов. Потом, когда голод наконец был утолен, на стол поставили бутылки с ромом, задымилась трубка, и разговор незаметно принял более основательный характер.

– Красива ли Картахена? – поинтересовался Олоне.

– Говорят, – ответил Медвежонок, – но сам я там не бывал и потому не могу сказать ничего определенного.

– Думаю, – засмеялся Олоне, – что мало кто из нас мог видеть этот город.

– Испанцы так ревниво оберегают свои колонии, – заметил Польша, – что попасть к ним можно только с оружием в руках.

– Должен заметить, – возразил с улыбкой Пьер Легран, – что подобный способ меня как раз устраивает: это выгодно.

– У тебя губа не дура! – вскричал Олоне и захохотал во все горло. – Признаться, я все спрашиваю себя, зачем Медвежонок, затеяв экспедицию, из всех испанских городов предпочел именно Картахену.

– Ты ничего в этом не смыслишь, – откликнулся Польша, украдкой значительно переглянувшись с Медвежонком. – А понять-то весьма легко!

– Ты находишь?

– Причина лежит на поверхности, ей-богу!

– Так скажи, в чем дело.

– Охотно. Впрочем, если я ошибусь, присутствующий тут Медвежонок может исправить мою ошибку.

– Говори, брат, – сказал капитан.

– Да, мы слушаем.

– Да и слушать-то придется недолго, – засмеялся Польша.

– Да ну говори же, болтун!

– Вот, в двух словах, в чем дело: все города на материковом побережье нами более или менее исследованы, то есть они были взяты и преданы огню и мечу, уцелели лишь немногие.

– Мне очень нравится выражение «исследованы»! – воскликнул со смехом Пьер Легран.

– Не правда ли, оно удачно? Ну так вот. Этими городами, а их не более десятка, мы до сих пор пренебрегали или потому, что они очень бедны и, как говорится, игра не стоит свеч, или потому, что они слывут сильно укрепленными, а мы, следовательно, не посмели бы не то чтобы подойти к ним – трудного тут ничего нет, – но положить на них лапу, что было бы небезопасно. Абсолютно неприступными из них слывут два-три. Монбар и Морган взяли Маракайбо, Пуэрто-Бельо, Панаму – да и кто перечтет все наши безумные и отважные экспедиции! Медвежонок славный товарищ, это бесспорно. Тем не менее образцовые подвиги, задуманные и с искусством исполненные нашими братьями, в душе огорчают его. Не то чтобы он завидовал им, но слава Монбара, Моргана, Красавца Лорана и многих других наших братьев ему покоя не дает! И вот он также задумал одну из тех экспедиций, которые приводят в ужас наших врагов и доставляют их богатства в наши руки. Город, слывущий самым грозным из всех, еще не тронутых нами, – это Картахена. Разумеется, Медвежонок выбрал ее. Четыре дня тому назад он появился на равнине, где я охотился, и заявил: «Хочу затеять экспедицию». – «Что ж, черт возьми! – ответил я, как поступил бы каждый из вас. – Куда мы отправимся?» –

«В Картахену». – «В Картахену так в Картахену!» И я без дальнейших рассуждений последовал за ним.

– Да и нужды рассуждать не было! – заметил Олоне.

– Само собой, и так довольно сказано, – прибавил Пьер Легран.

– Вот таким-то образом, братья, мы теперь и оказались на пути к Картахене. Не прав ли я, Медвежонок?

– Так оно и есть, – с улыбкой согласился капитан.

Объяснение показалось простым и ясным, в особенности же людям логичным, которые и без повода всегда готовы напасть на испанцев.

– Братья, – сказал Медвежонок спустя минуту, – прежде чем разойтись, я бы хотел посоветоваться с вами о важной мере, к которой следует прибегнуть незамедлительно.

Тотчас же воцарилось молчание.

– Мы слушаем вас, капитан, – сказал Польшэ.

– Вот в чем дело, господа, – продолжал Медвежонок, – наши сборы были так поспешны, что на каждого участника экспедиции приходится всего по три фунта муки и пять фунтов вяленой говядины. Склады в Пор-Марго были снабжены так скудно и торговцы заламывали такие цены, что я был вынужден отказаться от всяких переговоров с ними. Итак, съестных припасов мы не имеем вовсе, ни мяса, ни сухарей, ни водки, ни вина. У нас есть только вода и громадный запас пороха, пуль и ядер. Прежде всего надо принять меры против подобного положения вещей, которое может повлечь за собой большие затруднения. К тому же нам необходимо найти проводника, который знал бы Картахену и мог указать уязвимые места в обороне испанцев. Какое мнение у вас на сей счет?

– Что ж, – вскричал Олоне, – нам нужны съестные припасы, нужен проводник, а для достижения этого я вижу одно только средство.

– Какое?

– Взять все там, где мы наверняка найдем и то и другое, черт побери! Нас ждет лишь одно затруднение: выбрать, куда отправиться. Мне кажется, поскольку теперь мы идем близ испанских островов, которые все до единого богаты и в изобилии снабжены припасами, остается пойти прямо к ближайшему, захватить любой населенный пункт и взять выкуп. По-моему, это нетрудно.

– Олоне прав, – подтвердил Польшэ, – мы можем высадиться на берег Санто-Доминго. Там нет недостатка в деревушках и селениях, где мы легко получим все, в чем испытываем нужду.

– Нет, это задержит нас, – заметил Медвежонок, – нам не следует терять время. Соображения Олоне я разделяю. Я уже думал о высадке на остров, но не хотел принимать этого решения, не узнав предварительно, что вы на это скажете.

– Ваше мнение всегда будет и нашим, капитан, – ответили в один голос присутствующие.

– Ближайший остров по ходу судна – Куба, – напомнил Польшэ.

– Гм! – задумался Олоне. – Кусочек этот переварить не так-то легко.

– И думать нечего, – подтвердил Польшэ.

– Кто знает! – заметил Медвежонок.

– Что такое? – вскричали флибустьеры с изумлением.

– Дерзость нашего нападения упрочит успех, – продолжал капитан, – внезапность нашей высадки – верный залог победы. Когда испанцы опомнятся от изумления, мы будем уже далеко и ограждены расстоянием от их мести. Выслушайте меня внимательно: на Кубе, в сущности, всего один значительный город – Гавана. В нем теперь от шести до восьми тысяч жителей. Селения, во множестве разбросанные вдоль берега, это рыбацкие деревушки. Они не в состоянии устоять, если захватить их врасплох. Часа через четыре мы переправим на лодках съестные припасы, в которых нуждаемся, и уйдем на всех парусах. Полагаетесь ли вы на меня?

– Еще бы! – вскричали в один голос флибустьеры.

– Так предоставьте мне действовать по собственному усмотрению, и мы добьемся успеха.

– Ты волен поступать, как тебе заблагорассудится. Как мы полагаемся на тебя, так и ты можешь рассчитывать на нас, – ответил Польшэ. – Приказывай и не сомневайся: твои приказания будут исполнены.

– Хорошо, теперь разойдемся. Этот день мы посвятим отдыху, так как высадку я назначаю на три часа ночи. Завтра днем, ручаюсь, съестных припасов у нас будет в изобилии. Пьер Легран, ветер как будто стих. Прикажи ставить все паруса, какие только можно поставить, не рискуя лишиться мачт.

Пьер Легран поднялся на палубу исполнить приказание, и вскоре по более резвому ходу корабля стало понятно, что оно исполнено.

Медвежонок Железная Голова встал.

– Прощайте, братья, – сказал он, – помните, что в три часа ночи все должны быть на ногах.

Спустя пять минут флибустьеры спали мертвым сном. Ожидание предстоящей опасности ничуть не мешало им. Что значила опасность для этих морских львов!

Глава VII

Каким образом Медвежонок Железная Голова купил у испанцев припасы, в которых нуждался, и как достал себе проводника

Правила вербовки, организация службы и дисциплины на флибустьерских судах настолько замечательны, что нельзя обойти молчанием некоторые их подробности. Каждый Береговой брат имел право снарядить экспедицию, если располагал собственным судном какого бы то ни было рода.

Суда эти преимущественно представляли собой большие пироги, иногда – небольшие баркасы. И на таких-то утлых челнах эти смельчаки отваживались идти на абордаж с грозными испанскими судами.

Перед началом задуманной экспедиции командир барабанным боем и сигналами рожка созывал флибустьеров в какое-нибудь питейное заведение. Он излагал перед теми, кого хотел завербовать, выгоды предприятия, оговаривал с ними сроки проведения кампании и затем приступал к вербовке.

Каждый матрос должен был подписаться или, если не умел писать – что, однако, случалось редко, – по крайней мере поставить крест под договором, составленным одним из писарей Берегового братства. Акт этот вступал в законную силу после того, как его скрепляли своими подписями командир экспедиции и губернатор.

Каждый из вербовавшихся обязывался иметь при себе ружье, топор, прямую саблю, кинжал, пятнадцать зарядов пороха, пули и палатку для привалов, то есть кусок тонкого полотна, который Береговые братья скатывали и носили, перекинув через плечо на манер перевязи. Сверх того, они должны были запастись флягой водки, вяленым мясом и мукой на три дня.

Эти условия были строго обязательны.

Едва поступив в команду, Береговые братья должны были слепо повиноваться своим начальникам и оказывать им величайшее уважение. Это требовалось даже в том случае, если теперешние командиры были их подчиненными в предыдущей экспедиции.

Нередко случалось, что тот, кто был вчера капитаном, на завтра становился простым матросом. Это зависело от того, как он распоряжался своей долей добычи и, следовательно, от его средств к существованию.

Дисциплина на кораблях поддерживалась с неумолимой строгостью. Только два наказания и существовало: опускание с реи до поверхности воды и смерть.

Эти два наказания, в сущности, составляли одно, только под разными названиями. Были случаи, что опускание с реи не приводило к смерти, но оканчивалось серьезным увечьем.

Попав на корабль, завербованные обязывались немедленно выбрать себе товарища и вступить с ним в матросский союз. Заключался он в следующем.

Когда матрос стоял на вахте, его товарищ отдыхал или был занят общим хозяйством, то есть стряпал или чистил оружие. В случае болезни своего брата-матроса он ухаживал за ним и даже, если нужно, заменял его на службе.

На суше братья-матросы шли рядом, помогали друг другу во время пути и охотились поочередно для добывания пищи. Если одного ранили, другой не только не мог бросить товарища, но должен был оказывать ему всякую помощь, нести на себе к перевязочному пункту и заботиться о нем во всех отношениях, а также не бросать его оружие и боевые припасы, пока он не возвратится в строй. И, сверх того, в сражении защищать его, даже с риском для собственной жизни.

Эти братские союзы, скрепленные опасностями и лишениями, утраивали силу войска и делали его непобедимым. Они почти всегда становились нерасторжимыми. Даже по смерти одного из товарищей оставшийся в живых продолжал заботиться о детях умершего и нередко доводил самоотвержение до того, что вступал в брак с вдовой, которой никогда не видывал и вовсе не любил, а только для того, чтобы сироты имели отца.

Вот в чем состояли братские союзы матросов у буканьеров. Обычай этот почти без изменений сохранился до нашего времени на французском флоте. Сознавая всю пользу этих союзов и понимая, насколько дисциплина выигрывает от них, офицеры тщательно поддерживают и всячески поощряют их на казенных кораблях.

Но явление это еще более распространено и пустило глубокие корни на кораблях купеческих, потому что там матросы знают друг друга с детства, ведь почти все они родом из одного края и, так сказать, всю жизнь прожили бок о бок.

Предводители экспедиции обязаны были иметь на корабле хирурга, если численность экипажа превышала тридцать пять человек.

Этим хирургом почти всегда был несчастный ученик фельдшера или бывший помощник провизора в аптеке, который ровно ничего не смыслил в медицине и все познания которого сводились к чтению медицинской книги, куда он изредка заглядывал, прописывая вкрявь и вкось лекарства и нисколько не заботясь, что из этого выйдет, а также со всей уверенностью опытного хирурга кромсая раненых и отнимая конечности у несчастных людей, которых роковая судьба приводила в его руки и которые одним чудом оставались живы после такого оригинального и немилосердного лечения.

Флибустьеры страшно боялись этих хирургов и предпочитали скорее быть убитыми, чем подвергаться лечению с сомнительной перспективой сохранения жизни.

Раздел добычи обычно происходил в присутствии губернатора и агента Вест-Индской компании по возвращении судна или на Тортугу, или в Леоган, или в Пор-де-Пе, или в Пор-Марго. Приступали к нему следующим образом.

Сперва отделяли от общей суммы добычи часть короля, что составляло десятую долю, потом – долю убитых, которую губернатор был обязан раздать кому следовало. И уже затем происходил дележ согласно условиям договора, подписанного перед отплытием и копия которого хранилась у губернатора.

Добыча состояла из драгоценных камней, золотых и серебряных изделий, более или менее дорогих тканей и товаров, например пряностей, и, наконец, из невольников: мужчин и женщин, захваченных во время экспедиции. Даже испанские священники и монахи не могли избежать общей участи, несмотря на свое звание.

Обычно этим несчастным давали определенный срок, чтобы откупиться. Выкуп назначался втрое против суммы, за которую пленники уходили к своим хозяевам, всегда либо местным колонистам, либо буканьерам.

По окончании раздела флибустьеры часто не знали, как превратить в деньги драгоценности, выпавшие на их долю. И тут они попадали в руки грязных спекулянтов, которые кишмя кишели в тех краях, скупая все, что можно, за треть, а нередко и за четверть настоящей цены.

Тогда начинались оргии, не прекращавшиеся до тех пор, пока флибустьеры не истратят или, вернее, не прокутят всё до последнего реала.

Когда ничего больше не оставалось, они весело отправлялись в новую экспедицию, результат которой был всегда одним и тем же. Что им было до завтрашнего дня, когда для них существовал только день сегодняшний! Они чувствовали себя счастливыми. Разве не были они правы?

Вот каким простым и в то же время могучим устройством отличался союз Береговых братьев, когда, по их выражению, они ходили *добывать испанца*. Этому устройству они были обязаны своими успехами и необычайными подвигами.

В три часа ночи, когда рулевой пробил шесть склянок, Медвежонок вышел на палубу. Все назначенные им офицеры уже ждали его.

Командир осмотрелся вокруг. Ночь была светлая, довольно крупная зыбь ходила по морю, ветер еще не стих. Впереди справа возвышалась земля, к которой фрегат быстро приближался. Это был остров Куба, берег которого находился не более чем в двух лье.

– Свистать всех наверх! – скомандовал капитан.

Раздался пронзительный свисток боцмана. Через пять минут все матросы были на палубе около грот-мачты. Им понадобилось совсем немного времени, чтобы отряхнуться ото сна.

Командир подозвал к себе помощников.

– Господа, – обратился он к ним, – помните, что надо не сражаться, а захватить врасплох. Постараемся обойтись без единого выстрела. Наша главная цель – добыть припасы. Вы поняли?

– Вполне, командир, – последовал ответ.

– Мы идем прямо к гавани Гуантанамо. Там лет двадцать как поселилась колония рыбаков. Эти люди богаты и ведут с соседним городом Сантьяго торговлю зерном, свининой и вяленым мясом, доставляемым из внутренних земель острова. Итак, там мы найдем все, что нам нужно. К делу следует приступить следующим образом: Польшэ и Олоне возьмут каждый по сто пятьдесят человек и опередят фрегат на пирогах с обернутыми ветошью веслами, чтобы подплыть неслышно. Польшэ обойдет деревню справа, а Олоне – слева. Потом вы оба останетесь на своих местах, зорко наблюдая, чтобы никто не смог ускользнуть и поднять тревогу в окрестностях. Я войду прямо в гавань. Мы сделаем дело прежде, чем испанцы заподозрят наше присутствие. Рассветет только через час. Времени хватит с избытком, чтобы застать этих соней в постели. Ступайте, господа.

Раздались слова команды, убрали часть парусов, и фрегат лег в дрейф. Потом на воду было спущено шесть пирог. В них уселись Олоне и Польшэ со своими людьми, и вскоре лодки скрылись за высокими прибрежными утесами.

Медвежонок расхаживал большими шагами по юту, то всматриваясь в компас, то оглядывая берег, то окидывая внимательным взглядом снасти.

Протекло около получаса, когда старший капитан Пьер Легран подошел к нему.

– Что случилось? – спросил Медвежонок.

– Часовой на мачте заметил лодочку, которая скользит вдоль берега. Я сам в этом удостоверился, командир, я видел ее.

– Возьмите гичку с десятью матросами, любезный Легран, и посмотрите, что бы это было такое.

Пьер Легран опять поклонился и ушел. Спустя минуту он уже отчаливал от судна и, поскольку дул попутный ветер, поднял парус и погнался за примеченной часовым небольшой лодочкой.

Но тут произошло нечто странное: подозрительная лодочка не пустилась наутек, как можно было ожидать, а, напротив, развернулась и пошла прямо на гичку флибустьеров. То была или безумная смелость, или крайняя глупость со стороны людей, находившихся в лодочке.

Пьер Легран велел приготовить оружие. Гичка продолжала лететь вперед. Вскоре расстояние между лодками составляло уже не более половины пистолетного выстрела. Флибустьеры уже готовились броситься на abordаж, когда увидели, что перед ними всего два противника: белый человек и негр.

Борт лодки зацепили abordажной кошкой.

– Кто вы и куда направляетесь? – спросил Пьер Легран на чистом кастильском наречии.

– Я лоцман, ваша милость, – смиренно ответил белый, в то время как негр дрожал всем телом. – Увидев вдали большой корабль, я подумал, что к нам идет судно из Сантьяго. Поэтому я вышел тотчас в море, но если я ошибся, то немедленно вернусь в гавань.

– О нет, черт возьми! – воскликнул молодой человек со смехом. – Напротив, вы не могли явиться более кстати. Мы нуждаемся в ваших услугах.

– Но мне кажется, досточтимый господин капитан, что вы не...

– Испанец? – перебил Пьер Легран. – Еще бы, черт возьми! Мы, флибустьеры, к вашим услугам.

– Господи Иисусе Христе и Пресвятая Дева! – воскликнул лоцман, с отчаянием всплеснув руками.

– Успокойтесь, любезнейший, – дружески сказал ему флибустьер, – зла мы вам не причиним, кто знает, может, вам даже повезло, что вы нам попались! Эй, вы! Четверо в лодку и ждать на веслах приближения «Задорного»!

Ожидание продлилось недолго, почти мгновенно их взяли на фрегат. Пьер Легран поднялся на трап вслед за своими пленниками.

Негр был ни жив ни мертв от страха, ничто не могло успокоить его.

Когда молодой человек рассказал командиру, что произошло, тот подозвал испанца.

– Ты лоцман? – спросил он, глядя ему прямо в глаза.

– Лоцман, ваше превосходительство, – смиренно сказал пленник, – не только на море, но и на суше, когда понадобится.

– Ага! – с улыбкой отозвался Медвежонок и прибавил: – Можешь ли ты сказать правду?

– Как не мочь, ваша милость!

– Вход в гавань Гуантанамо затруднителен?

– Нисколько, ваша милость, стоит лишь держаться самой середины прохода.

– Город велик?

– Это деревня, ваша милость.

– Очень хорошо. Есть там военные?

– Отряд в пятьдесят человек при земляном редуте.

– Черт возьми!

– Но, – поспешил договорить лоцман, – сооружение редута еще не dokonчено и пушки не прибыли из Сантьяго, хотя их ждут с часа на час!

– Тем лучше! Это во многом упрощает дело. Как ты полагаешь, замечено наше приближение?

– Наверняка нет, ваша милость. Я заметил вас около часу назад, когда все жители спали непробудным сном.

– Так слушай же: ты знаешь, кто мы, не правда ли? Берегись, если ты меня обманешь, я вздерну тебя на верхушке мачты, которая сейчас над твоей головой. Если же ты окажешь мне хорошую услугу, то получишь за это десять унций золота. Я никогда не изменяю своему слову. Что ты выбираешь?

– Десять унций, ваше превосходительство, – с живостью вскричал лоцман, глаза которого заблестели жадным огнем.

– Договорились. Принимай управление судном и веди нас в гавань.

Лоцман поклонился и приступил к исполнению приказа. Испанец примирился со своей невольной ошибкой: обещанная щедрая награда в десять унций золота превратила его, по крайней мере на время, в приверженца Береговых братьев.

Он с необычайным искусством провел судно по узкому проходу в гавань, и вскоре фрегат был на расстоянии половины пушечного выстрела от деревни, все еще погруженной в глубочайшее безмолвие. Страшное пробуждение предстояло ее жителям.

Командир фрегата велел бросить якорь и убрать паруса, потом передал командование Пьеру Леграну и съехал на берег, захватив с собой лоцмана. Три лодки с сотней флибустьеров следовали за командиром. Пристани лодки достигли в несколько ударов весел.

Когда все высадились, Медвежонок, из опасения быть захваченными врасплох, приказал гребцам отплыть и держаться неподалеку от берега.

– Кто главный в деревне? – спросил он лоцмана.

– Алькальд¹¹, ваша милость.

– Где он живет?

– Вот в этом большом доме.

Большой дом на самом деле был хижиной, немного менее жалкой, чем остальные.

– Вот и прекрасно, – продолжал Медвежонок. – Алькальд этот храбр?

– Не могу сказать, ваша милость. Знаю только, что это злой скряга, которого все ненавидят. Но он племянник губернатора Сантьяго и потому делает, что ему вздумается.

– Вот тебе на! – вскричал Медвежонок, смеясь. – Уж не призван ли я здесь разыграть роль Провидения? Смешно было бы!

– О! Ваша милость, – вскричал лоцман умоляющим тоном, – весь наш край был бы очень счастлив избавиться от такого изверга! Нет такого ужасного деяния, которого он не совершал бы ежедневно!

– Неужели? Ну, так я пойду поздороваться с этим достойным алькальдом. А ты ступай за мной и ничего не бойся.

Дом алькальда стоял в нескольких шагах от берега. Медвежонок велел окружить его, потом выхватил пистолет из-за пояса и выстрелил в дверной замок, который тут же разлетелся вдребезги. Но дверь не отворилась: она была крепко заложена изнутри.

¹¹ Алькальд – городской голова.

– По-видимому, мы имеем дело с человеком осторожным, – сказал командир, вновь заряжая пистолет. – Хватите-ка пару раз топором!

В то же мгновение настежь распахнулось окно, и в нем показалось бледное от испуга лицо человека в ночном облачении, вооруженного длинным мушкетом.

– А! Мерзавцы! – пронзительно крикнул он. – Убить меня хотите! Пойдите, я вас!

– Заткнуть рот этому крикуну, – холодно сказал Медвежонок.

Выстрел из ружья вышиб мушкет из рук алькальда, осколки попадали наземь. Алькальд нырнул вглубь комнаты.

Выстрелы и удары топора разбудили жителей. Повсюду в домиках робко приотворялись двери и показались бледные, заспанные лица. Однако выйти не осмеливался никто.

Дверь наконец поддалась под частыми ударами сильного матроса.

– Приведите-ка сюда этого негодяя, – приказал Медвежонок двум флибустьерам, – а вы, – обратился он к остальным, – постройтесь и смотрите в оба.

Алькальд появился в рубашке и подштанниках. Он дрожал всем телом, скорее от страха, чем от холода, хотя ветер был довольно чувствителен – ночи весьма холодны в тех местах. Два матроса, которые вели алькальда, не скупилась на удары прикладами, подгоняя несчастного.

– Вы алькальд? – резко спросил Медвежонок.

– Алькальд, – едва слышно ответил человек хриплым голосом.

– Связать ему руки, а пальцы перевить серными фитилями. При первом моем знаке поджечь фитили.

Приказание было исполнено с быстротой и ловкостью, свидетельствовавшими о долголетнем опыте.

Алькальд понял, в чем дело, ужас его не знал меры.

– Теперь отвечайте – и не вздумайте обманывать, а то поплатитесь, – с двусмысленной улыбкой произнес Медвежонок, указывая мужчине на его пальцы.

– Спрашивайте, – тотчас согласился алькальд.

– Ваша деревня в моей власти, вы и все жители – мои пленники. Но у вас есть возможность откупиться.

– Увы! Мы так бедны!

– Быть может. Но у вас есть склады съестных припасов. Где они?

– Клянусь спасением души, все склады пусты.

– Где они?

– Там, – указал алькальд на два больших дощатых сарая.

– Осмотреть, – коротко приказал Медвежонок.

Человек двадцать флибустьеров бросились к сараям и через четверть часа вернулись с отчетом, что они пусты.

– Других нет? – спросил Медвежонок у алькальда.

– Нет, – пробормотал пленник.

– Точно нет?

– Клянусь спасением души...

– Хорошо, хорошо, – перебил капитан, – это мы знаем. Берегись же.

– Клянусь вам, что нет, – осмелился повторить алькальд, начиная успокаиваться.

Однако вдруг отступил на шаг.

– Это что за дьявол! – вскричал он, увидав лоцмана, который до сих пор скрывался в толпе Береговых братьев.

– Этот человек обманывает вас, ваша милость, – с живостью вскричал лоцман, – и обманывает заведомо.

– То есть?

– Склады пусты, это правда, но только потому, что он захватил, несмотря на протесты законных владельцев, все товары, имевшиеся в магазинах, и велел перенести их на свой собственный склад, чтобы продать в свою пользу.

– Это правда? – спросил Медвежонок, обращаясь к толпе, стоявшей поодаль.

Когда жители удостоверились, что флибустьеры не имеют злого умысла собственно против них, они понемногу осмелились выйти из своих домов. Скопление народа увеличивалось с каждой минутой.

– Правда, ваша милость, – ответили они в один голос.

– Так этот человек, который должен бы по своему положению служить вам покровителем и защитником, напротив, грабит и притесняет вас?

– По миру пускает, берет все, что нам удастся накопить. Если же кто посмеет жаловаться, он тотчас подвергает строптивца пытке.

– Где склады этого человека?

Алькальд издал горестный стон.

– Молчать, презренная тварь! – грозно вскричал Медвежонок.

– За домом, – сказал лоцман, – они набиты битком, ваша милость, не только вяленным мясом, соленой свининой и зерном, но и вином, и водкой.

– Хорошо, он будет наказан по заслугам. Слушайте все: я мог бы взять с вас выкуп, но не хочу. Мне требуется только ваша помощь, чтобы переправить на мое судно припасы, в которых я нуждаюсь. Но так как люди вы бедные, я не хочу обижать вас, отнимая то, что вам принадлежит. Итак, во-первых, я предоставляю вам право ограбить этот дом. Во-вторых, вы получите от меня пять тысяч пиастров, которые поделите между собой.

Оглушительные крики радости были ответом на эту речь. И чуть ли не громче всех кричали солдаты, которые с грозным видом подошли было под командой альфереса, однако, услышав, в чем дело, немедленно побросали оружие, оставив офицера одного иметь дело с неприятелем.

Альферес был храбрым офицером, трусость солдат возмутила его, краска стыда выступила у него на лице.

С минуту он оставался неподвижен. Нахмутив брови, он с презрением смотрел на своих подчиненных, которые просто потеряли голову при слове «грабеж». Но его колебания длились всего один миг. Он гордо поднял голову и подошел твердыми шагами к Медвежонку. Тот глядел на него с улыбкой на губах.

– Сеньор капитан, или какое бы там ни было у вас звание, кабальеро, – обратился к нему офицер с надменной вежливостью, – я пришел не сдаваться вам.

– А зачем же? – спросил Медвежонок, и взгляд его сверкнул.

– Один я не могу оказывать сопротивления, – холодно продолжал альферес, – я пришел заявить от имени Испании решительный протест против невиданного нападения, жертвой которого мы сделались, а шпагу мою... – заключил он, выхватив из ножен и взмахнув шпагой над головой.

– Пойдите, альферес, – сказал флибустьер, спокойно взяв у него шпагу и вложив опять в ножны, пока офицер застыл в сильнейшем изумлении, – вы храбрый воин. Если бы у правительства, которому вы служите, было побольше таких, как вы, то, быть может, мы не были бы так могущественны. Оставьте себе шпагу. Если бы вы сломали ее, мне пришлось бы ее заменить, а, признаться вам, я очень дорожу своей.

Слова эти, произнесенные тоном сердечного добродушия, тронули офицера.

– Что же вы за люди? – пробормотал он.

– Мы *люди*, – ответил Медвежонок с особенным ударением, – но уходите, альферес. Здесь произойдет то, что вам не подобает видеть.

– Капитан, неужели этот бедняга?.. – начал было офицер умоляющим голосом, указывая на алькальда.

– Не просите за этого подлеца, – поспешно перебил Медвежонок, – он осужден.

При этих словах у алькальда кровь прихлынула к сердцу.

Альферес понял, что всякое заступничество будет напрасным. Медленными шагами он двинулся прочь и вскоре скрылся за поворотом улицы.

Между тем все население деревни принялось за дело с усердием, которое свидетельствовало о желании не только получить обещанную награду, но и как можно скорее избавиться от дерзких победителей, которые держали их под прицелом своих ружей.

При виде отрядов Олоне и Польшэ, которым Медвежонок приказал стянуться, когда убедился, что сопротивления опасаться нечего, усердие жителей Гуантанамо удвоилось: они убедились, что только полная покорность может спасти их.

Все они были рыбаками, и пока одни подтаскивали припасы к берегу, другие складывали их в свои лодки, и, наконец, третьи перевозили на фрегат. Пьер Легран был поражен обилием разнообразных припасов, которые выкладывали на палубу. Он едва успевал убирать в трюм добычу.

Менее чем за три часа все было доставлено на фрегат. Судно оказывалось снабжено съестными припасами на шесть месяцев. Это казалось просто сказкой! Капитан, как всегда невозмутимый, молча присутствовал при погрузке.

Наконец был перевезен последний тюк. Склады несчастного алькальда, который присутствовал при своем разорении с самым растерянным видом, были полностью опустошены. Медвежонок сигналом трубы созвал обитателей деревни.

Народ шумно сгрудился вокруг флибустьеров.

– До сих пор вы работали на меня, – обратился к жителям командующий экспедицией, – благодарю за это. Теперь работайте на себя: разграбьте этот дом, я отдаю вам его.

Испанцы не заставили повторять это дважды. Они ринулись в дом, превратившись мигом в ожесточенных грабителей, которые не оставили целым ни одного предмета мебели – ломали даже стены и перегородки.

Когда же наконец от дома остались только четыре стены, их подожгли по приказанию Медвежонка. Построенный из кедрового дерева, он вскоре запылал веселым огнем.

Между тем Железная Голова принял из рук флибустьера тяжелый кошель, за которым посылал на фрегат, и, вручая золото одному из именитых граждан, сказал, обращаясь к толпе:

– Вот плата. Итак, я ведь исполнил все, что обещал?

– Не всё, капитан, – ответил тот, кому он отдал мешок с деньгами, – вы не сдержали одного обещания.

– Какого?

– Вы не свершили правосудия.

– Правосудия?

– Да, капитан, ведь вы дали слово.

– Не понимаю.

– Неужели этот человек, так долго бывший самым страшным нашим притеснителем, – продолжал испанец, указывая на алькальда, – этот презренный негодяй, который истерзал нас своим лихоимством, который бесстыдно обирал нас и мучил по своей прихоти, неужели ему будет возвращена свобода? Неужели после вашего ухода он опять поднимет голову и заставит нас искупить жестокими притеснениями то, что произошло здесь сегодня под нажимом вашей военной силы? Разве может это называться справедливостью? Скажите сами, капитан. Мы верим вашему слову, как вы положились на наше. Мы честно исполнили свой долг, теперь ваша очередь исполнить свой.

– Хорошо, – ответил Медвежонок, и голос его звучал задумчиво, – но он не может умереть просто так: его надо судить. Вы сами будете судьями.

– Пусть кровь его падет на наши головы.

– Вы твердо решили?

– Твердо, – отозвалась толпа.

– Так отвечайте же мне теперь, какие преступления приписываете вы этому человеку?

– Жадность, доведенную до жестокости, продажность и обман.

– Считаете вы его виновным?

– Утверждаем это.

– Какого наказания заслуживает он?

– Смерти! – заревела в один голос распаленная ненавистью и гневом толпа.

– Да будет по-вашему! Этот человек умрет. Молитесь за его душу, чтобы Господь сжалился над нею.

Но взрыв криков, ругательств и проклятий был ответом на эти слова.
Медвежонок сделал знак.

В несколько минут на берегу возле еще дымящихся развалин дома была воздвигнута виселица.

Несчастный алькальд был схвачен и связан, ему на шею накинута петля. Он уже не сознавал, что с ним происходит, полумертвое тело было вздернуто на виселице под восторженные крики толпы.

По приказанию Медвежонка Железная Голова на груди казненного красовалась табличка с надписью по-испански и по-французски для объяснения грозного смысла смертного приговора:

*Повешен не как испанец, но как вор.
Медвежонок Железная Голова*

Когда тело после предсмертных судорог замерло, предводитель флибустьеров поклонился жителям Гуантанамо и направился к берегу. Вскоре флибустьеры уже были на фрегате.

Когда судно вышло из гавани, Медвежонок позвал к себе лоцмана.

– Этот край для вас уже небезопасен, – сказал он, – следуйте за мной. По окончании нашей экспедиции я высажу вас, где вы пожелаете, и вы будете богаты до окончания своего земного срока. Согласны ли вы на это предложение?

– С одним условием.

– С каким же?

– Что вы поможете мне переехать во Францию. В Америке и в Испании моя жизнь не будет спокойной.

– Хорошо, даю слово. Служите мне честно, и вы не расклетесь в договоренности, заключенной между нами.

– Я буду предан вам, командир.

Фрегат расправил паруса и, пользуясь попутным ветром, скоро оставил далеко позади высокие берега острова Куба. Он держал курс на Картахену, куда капитан судна стремился с таким нетерпением.

Глава VIII

Как беседа двух девушек окончилась рыданиями

Из всех городов Нового Света Картахена – один из удачнейших по своему положению.

Вообще говоря, испанцы были наделены редкой сметливостью и верным глазом при выборе местности для закладки городов, основанных ими в своих американских колониях. За исключением нескольких ошибок, почти всегда совершаемых в спешке, в поисках золота – единственной цели их смелых экспедиций, – некогда жалкие селения ныне выросли в цветущие и могущественные города, расположенные, несмотря на перемены всякого рода, на том же самом месте, где были однажды заложены.

Картахену основал в 1533 году дон Педро Эредиа в удобной бухте, на берегу Карибского моря, в устье реки Магдалены. Город имеет одну из прекраснейших и самых безопасных гаваней во всей Америке, и она долгое время служила убежищем для галионов, нагруженных тихоокеанскими богатствами, которые перевозили на мулах через Панамский перешеек. Галионы эти не были в безопасности в Пуэрто-Бельо, особенно после того, как первая Панама была разорена и разграблена Береговыми братьями и вновь отстроена неподалеку, у впадения Рио-Гранде в Карибское море.

Подобно всем испанским городам Старого и Нового Света, вид Картахены мрачен, хотя ее улицы широки, прямы и освежаются бесчисленными фонтанами. Мрачным обликом город обязан длинным, на низких и тяжелых колоннах галереям, наподобие тюремных сводов окаймляющим с обеих сторон улицы, и высоко вздымающимся террасам, которые заслоняют свет и солнце.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, население Картахены достигало тридцати тысяч жителей. Город и порт защищали пять фортов, самый мощный из которых, Бока-Чика, был вооружен шестьюдесятью орудиями.

Испанский гарнизон состоял из пяти тысяч двухсот старых опытных солдат под командой бригадира – чин, соответствующий новейшему бригадному генералу. В случае необходимости можно было за несколько часов присоединить к этому войску три тысячи пятьсот человек милиции, хорошо вооруженной и по-настоящему храброй.

Этот-то выгодно расположенный и отлично укрепленный город и задумал взять Медвежонок Железная Голова, имея всего один фрегат с экипажем в семьсот двадцать три человека.

Однако эти люди составляли цвет флибустьерства, а капитан Железная Голова утверждал, будто все, на что положит глаз флибустьер, будет принадлежать ему, стоит только захотеть. И сам он всегда доказывал это на деле. Но еще никто из флибустьерских вожakov не предпринимал такой отчаянно смелой экспедиции, тем более с такими малыми силами.

Теперь, пользуясь свободой, всегда признававшейся за романистами, перелетать на крыльях фантазии, куда им пожелается, и в несколько взмахов – не крыльев, но пера – переноситься через громадные пространства, мы оставим «Задорный» и его храбрый экипаж в Карибском море после смелого нападения на Гуантанамо и, попросив наших читателей последовать за нами, перемахнем в Турбако.

Турбако – прелестная деревушка с населением в семь или восемь сотен душ, построенная на зеленом склоне холма в нескольких лье от Картахены. Сразу возле деревни начинается величественный, почти непроходимый лес, дальними своими краями выходящий к берегу реки Магдалены.

Для богатых городских жителей и прибывших из метрополии испанцев, еще не освоившихся в местном климате, деревушка эта, расположенная в шести-семи лье от моря, служит убежищем от невыносимого зноя и болезней, свирепствующих на побережье в летний сезон.

Вид деревни поистине волшебный, она точно вырастает из исполинского букета зелени и возвышается амфитеатром до самой вершины холма. Издалека видны ее красивые дома, построенные из бамбука и крытые пальмовыми листьями.

Множество прозрачных ручейков вытекают из известковых скал, покрытых ископаемыми раковинами и осененных глянцевой листвой анакардов, или индийского ореха, деревьев, которые придают скалам оригинальный вид.

Анакард – колоссальное дерево, которому индейцы приписывают свойство привлекать пары, носящиеся в атмосфере. Справедливость этого факта мы не осмелимся подтверждать или оспаривать.

Так как деревня возвышается более чем на пятьсот футов над уровнем моря, ночи там довольно холодные, а днем стоит жара.

Итак, мы находимся в Турбако. Пройдя несколько шагов по главной улице, минуем монументальный фонтан, имеющий один только недостаток – он всегда остается сухим, и вот уже мы входим в один из самых красивых домов.

Дом этот, разделенный на две половины густым садом, полным тени и прохлады, задним фасадом почти прилегает к большому лесу, тогда как лицевой фасад обращен к фонтану, о котором мы уже упоминали.

Около половины четвертого пополудни удушливый дневной зной начинает спадать. Опустевшие с одиннадцати часов улицы снова оживляются пока еще редкими прохожими, двери понемногу распахиваются, жители стряхивают полуденный сон, и жизнь опять принимает свой обычный ход.

В гостиной, довольно кокетливо меблированной, со стенами из бамбуковых стволов, укрепленных на небольшом расстоянии один от другого, но обтянутых тонким холстом, дабы, пропуская воздух, ограждать от нескромных взглядов, две молодые женщины, вернее, девушки, полулежа в гамаках, сами раскачивают их ступнями изящных ножек и тихо беседуют, куря пахитоски, благовонный дым которых спиралью поднимается к потолку.

Эти девушки, одаренные чистой, величественной и в то же время бесхитростной красотой, были донья Эльмина и донья Лилия, уже представленные читателю.

Донья Эльмина с досадой отбросила только что закуренную пахитоску.

– Что с тобой? – изумилась подруга.

– Что со мной?! – воскликнула донья Эльмина. – Я страдаю, я несчастна, а ты, злая, вместо того чтобы сочувствовать моему горю и пожалеть меня, смеешься, поешь и чуть ли не насмехаешься надо мной.

– О-о! – вскричала донья Лилия, приподнимаясь и слегка хмуря брови. – Какой неожиданный и серьезный упрек! Видно, ты действительно очень страдаешь, Эльмина, если говоришь таким образом со мной, твоей кузиной, твоим другом...

– Прости меня, Лилия, я действительно несправедлива, но если бы ты только знала...

– Что? Отчего не говоришь ты со мной откровенно, Эльмина? Вот уже месяц я замечаю в тебе разительную перемену: ты бледна, мрачна, постоянно взволнована, порой я подмечала на твоих щеках следы едва стертых слез. Разве ты полагаешь, что я слепа, что я равнодушна к тебе? Нет, нет, дорогая моя, я все видела с первого же дня. Это началось после того разговора с отцом.

– Правда, – пробормотала донья Эльмина, опустив голову.

– Но дружба должна прежде всего быть скромна, и я молчала. Я видела, что в твоём сердце горе, и, быть может из гордости, ты не хотела открывать мне ничего. Я ждала, когда твоё сердце переполнится, и тогда ты станешь искать облегчения от тяжелого гнета горести, разделив ее со мной.

– Спасибо, Лилия, ты добра и ты любишь меня.

– Да, люблю, Эльмина, и гораздо сильнее, чем ты полагаешь. Что же касается веселости, в которой ты упрекаешь меня...

– Я ни в чем тебя не упрекала, – с некоторой живостью перебила донья Эльмина, между тем как легкая краска покрыла ее прелестное личико.

– Веселость, в которой ты упрекаешь меня, лишь напускная. Притворяясь веселой, я хотела вызвать на твоих губах мимолетную улыбку. Мне не удалось, – стало быть, я не права. Прости меня, Эльмина. Впредь мой смех не оскорбит твоего горя.

Последние слова были произнесены Лилией с выражением такого нежного сочувствия и искренней дружбы, что Эльмина вскочила и кинулась в объятия подруги, заплакав навзрыд.

Воцарилось продолжительное молчание. Обе девушки плакали.

– Ты права, – вновь заговорила Эльмина, – я жестоко страдаю, мое сердце надрывается, ты угадала часть моей тайны. Выслушай же меня, ты узнаешь все.

– Одни ли мы здесь? – спросила Лилия. – Подожди.

Она поднесла к губам золотой свисток, на золотой цепочке висевший у нее на шее, и свистнула.

Прошло несколько минут, и послышались тяжелые шаги по паркету. Дверь отворилась, и негритянка лет сорока с улыбкой появилась на пороге.

Негритянка эта, должно быть, в молодости была очень хороша собой. Ее умное лицо дышало кротостью и добротой, но в то же время имело выражение твердости.

– Мама Кири! – ласково обратилась к ней Лилия. – Мы с кузиной Эльминой должны переговорить о важном деле, но боимся, как бы нас не подслушали. Будьте добры, покарауйте, чтобы никто не подходил близко.

– Не беспокойтесь, мои милые, никто не подойдет, я позабочусь об этом, только постарайтесь, нинья¹² Лилия, вывести наконец тайну ниньи Эльмины. Нехорошо для молодой девушки замыкать в сердце свое горе.

– Да я стараюсь, – со смехом ответила Лилия, – изо всех сил стараюсь, мама Кири.

– Хорошо, девочки, можете щебетать без боязни, словно птички божьи – они такие же чистые и невинные, как вы! – а я покараую.

Негритянка вышла с доброй улыбкой на лице.

Кузины дождались, пока она затворила за собой дверь.

– Любезная Лилия, – начала тогда Эльмина, – обещай не смеяться надо мной. Это будет скорее история моих переживаний, а не изложение каких-то важных событий, которые меня печалят или тревожат.

– Говори, друг мой! Разве я не часть тебя самой?

– Правда. Слушай же. Ты знаешь моего отца, дона Хосе Риваса де Фигароа, и мне, стало быть, нет нужды описывать тебе его надменный нрав, суровую заносчивость и непреклонную волю, перед которой все должно склоняться. Мое появление на свет стоило жизни моей матери. Раннее детство мое было печально и одиноко, я оставалась на руках невежественных и злых невольниц. Когда я развилась настолько, чтобы осознавать, что происходит вокруг меня, когда я увидела все эти несправедливости, эти беспричинные вспышки гнева, эти строгости, которые ничем не оправдывались, я ужаснулась: мои наклонности, все мои стремления – все было перевернуто с ног на голову. Сознаться ли тебе, моя дорогая Лилия? Мне страшно, но я не люблю своего отца!

– Ах, Эльмина, какая страшная мысль! Этого быть не может!

– Увы! Напротив, это истинная правда. Напрасно силилась я побороть роковое впечатление моего раннего детства... все напрасно... Я боюсь отца, один его взгляд приводит меня в трепет. Ты ведь знаешь, что через некоторое время после переезда с Кубы на Санто-Доминго,

¹² Нинья – малышка; ласковое обращение к девушке.

когда наш корабль и был захвачен в плен флибустьерами с Тортуги, а мы сами чудом избежали страшного рабства благодаря великодушию капитана Медвежонка Железная Голова – как видишь, я не забыла имени нашего спасителя, – заметила она, улыбаясь сквозь слезы, – так вот, тогда мой отец был назначен губернатором Картахены, тогда как твой отец, дон Лопес Альдоа де Сандоваль, был произведен в бригадиры и готовился принять командование над картахенским гарнизоном. Спустя две недели наши отцы отправились вместе с нами на место своего нового назначения. Когда высокие горы на Санто-Доминго стали растворяться на горизонте, сердце у меня внезапно сжалось, слезы выступили на глазах, и я заплакала. Ты спросила о причине моей грусти. Я не могла объяснить, потому что сама не знала: всего несколько дней провела я на Санто-Доминго, ничто не привязывало меня к этому месту, жизнь я вела там самую скучную и бесцветную. Отчего же такая грусть? Не было ли то предчувствием, внушаемым иногда Господом в своем милосердии созданиям своим.

– Что ты хочешь сказать? – вскричала с изумлением Лилия. – Я не понимаю тебя!

– Сейчас поймешь. Наверняка ты помнишь церемонию вступления моего отца на пост губернатора Картахены. Именитые горожане явились во дворец представиться дону Хосе Ривасу. Все они – богатейшие купцы, их было тринадцать, и тринадцатого звали дон Энрике Торибио Морено. Это был богатый мексиканский купец, прибывший из Веракруса всего за несколько дней до нас.

– Дон Торибио Морено, закадычный друг твоего отца?

– Именно он.

– У него какое-то угрюмое лицо, – задумчиво заметила донья Лилия.

– Не правда ли? Знаешь, на кого он похож, и настолько, что я просто остолбенела, в первый раз увидев его?

– Нет, не знаю.

– Уверяю тебя, он в точности походит на того презренного разбойника, рабами которого мы сделались в Пор-Марго.

– Странно, – пробормотала Лилия.

– О, весьма странно! – вскричала Эльмина с лихорадочным жаром. – Несмотря на его бороду, подстриженную теперь на испанский манер, на чистейшее андалусское произношение и мнимо добродушный вид, я не была введена в обман и с первой встречи поняла, что человек этот явился мне на погибель.

– Однако...

– Дай мне договорить, и ты увидишь, обмануло ли меня предчувствие. Впрочем, дон Торибио Морено отличается изяществом в одежде, в обращении и, судя, по крайней мере, по наружности, обладает несметным богатством: золота своего он не жалеет.

– Прибавь, что он азартный игрок, и, говорят, весьма удачливый.

– Именно к тому я и веду речь. Мой отец небогат, как тебе известно. Но он страстный игрок, и каждый вечер в его доме идет серьезная игра. Ставки иногда делаются огромные.

– Да, игра – бич Америки, она погубит испанские колонии!

– Погубит и поселенцев с их семьями. С месяц назад отец неожиданно приехал сюда, велел позвать меня и заперся со мной в этой самой комнате. Он усадил меня и пристально рассматривал несколько минут, после чего заговорил сурово: «Ты хороша, Эльмина, тебе восемнадцать лет. Пора выдать тебя замуж. Я выбрал тебе супруга, он богатый человек и мой закадычный друг. Готовься принять его ласково, я дал ему слово, а решения своего, как тебе известно, я никогда не меняю. У тебя два месяца, чтобы подготовиться к свадьбе. Через два месяца, день в день, считая с этой минуты, епископ Картахенский благословит ваш союз в церкви Богоматери Милосердия. Тот, невестой кого ты, Эльмина, являешься с этой минуты, – дон Энрике Торибио Морено». На том он и закончил.

– А что ты ответила отцу?

– Ничего. Что же я могла ответить на такое решительное объявление его воли? Я была ошеломлена, почти лишилась сознания и чувствовала, что не в состоянии произнести ни слова. Когда он только начал говорить, я по тайному безотчетному внушению предчувствовала или, вернее, угадала, что отец произнесет имя этого человека. Дон Хосе Ривас встал, внимательно и холодно посмотрел на меня и вышел, не простившись. Когда дверь затворилась за ним, я упала на пол без чувств. Меня подняла моя кормилица. Прошел ровно месяц с тех пор, как произошел этот разговор между мной и отцом.

– Что ты намерена сделать?

– Не знаю. Одно только верно: я не буду женой этого человека.

– Но разве возможен этот брак? Как допускает его твой отец? Он ведь так гордится своим дворянским титулом!

Донья Эльмина горько улыбнулась:

– Отец разорился, Лилия, у него не остается, быть может, ни одного реала. Все его состояние теперь принадлежит дону Торибио. Понимаешь?

– О, это ужасно!.. Какая же надежда остается?

– Господь не оставит меня! – вскричала Эльмина, воздев к небу умоляющий взгляд. – Он не оставит меня, когда нигде нет для меня опоры.

В эту минуту дверь отворилась и вошла негритянка.

– Идет ваш отец, няня, – сказала она, – с ним дон Торибио Морено!

– Ни слова! – грустно шепнула молодая девушка кухне, приложив палец к губам. – Ни слова, умоляю тебя, Лилия.

– Крепись, Эльмина, – ответила та, целуя ее.

Глава IX

Дон Энрике Торибио Морено предстает в выгодном свете

Дон Хосе Ривас де Фигароа, волею его католического величества короля Испании губернатор города Картахены, был высок ростом, хорошо сложен. Лет ему было сорок восемь, хотя на вид он казался годами пятью-шестью моложе. Походку он имел величественную, обращение изысканное. Крупные правильные черты его лица (которое не было красивым) свидетельствовали о том, что дон Хосе принадлежит к потомкам древних родов. Живые черные глаза дона Хосе глубоко сидели в глазных впадинах и выражали высшую степень надменности, спеси и насмешливого презрения.

Человек, который сопровождал дона Хосе Риваса, величал себя доном Энрике Торибио Морено, он выдавал себя за мексиканца. Вид дона Энрике составлял самый разительный контраст с внешностью дона Хосе. Черты его лица были самые непримечательные, серые, постоянно моргающие глаза с морщинами по углам напоминали глаза хищных ночных птиц, волосы были светло-русые, почти белокурые, рост не выше среднего. Неуклюжее и тяжелое телосложение придавало ему вид скорее нормандского или бретонского матроса, чем испанского дворянина. Но взгляд его был пронзителен, и такая природная сила угадывалась в его мускулах, что невольно следовало признать в нем человека недюжинного. И надо сказать, что обращение его носило отпечаток вполне светского воспитания.

Услышав, что двери отворяются, кухни поднялись с гамаков, чтобы принять посетителей.

Брови дона Хосе Риваса были нахмурены, насмешливая улыбка мелькала на его губах. Казалось, он был совсем не в духе.

– Здравствуйте, ниньи, – с иронией приветствовал он девушек. – Я приехал, как нежный отец, навестить вас.

– Милости просим, отец, – дрожащим голосом ответила донья Эльмина.

Донья Лилия подвинула стулья.

– Я осмелился, – продолжал дон Хосе все тем же насмешливым тоном, – привести с собой своего доброго друга дона Торибио Морено, который сделал мне честь просить вашей руки.

– Отец...

– Прошу не перебивать меня, нинья.

Девушка замолчала, дрожь била ее.

– Извините, сеньорита, – обратился к ней мексиканец с почтительным поклоном, – ваш отец не успел договорить, что, осмеливаясь добиваться высокого счастья быть вашим супругом, я поставил при этом одно условие.

Донья Эльмина подняла голову и с изумлением взглянула на дона Торибио.

– Правда, – сказал дон Хосе сердито, – как ни нелепо это условие, я только что намеревался передать его в двух словах: дон Торибио Морено просит вашего разрешения ухаживать за вами, сударыня.

– Ведь вы не все сказали, уважаемый дон Хосе, – любезно прибавил мексиканец. – Действительно, сеньорита, я добиваюсь чести быть иногда допущенным к вам, потому что при всем страстном желании сделаться вашим супругом я хочу, чтобы вы узнали меня, прежде чем отдадите мне свою руку. Все мое честолюбие в том именно и заключается, чтобы своим счастьем я был обязан вашей собственной воле.

– Благодарю! О, благодарю вас! – вскричала девушка, в душевном порыве протягивая крошечную ручку, которой мексиканец почтительно коснулся губами.

– Bravo! – вскричал дон Хосе Ривас с холодной иронией. – Это прелестно! Клянусь вечным блаженством, мы просто вернулись к самым цветущим временам рыцарей Круглого стола и двора короля Артура или императора Карла Великого. Ей-богу! Я умилен.

Девушка опустила голову, покраснев от стыда, и прошептала голосом, полным внутреннего волнения:

– Я исполню вашу волю, отец.

– Разве о моей воле идет речь, нянька? – продолжал он со сдержанным гневом. – Я имел глупость обещать вашему любезному рыцарю, что вы вольны принять или отвергнуть его предложение, и клянусь, вы будете совершенно свободны в своих действиях. Никакого влияния, даже моего, не будет между вашим робким поклонником и вами. Повторяю, вы свободны.

– Слышите, сеньорита? – вскричал дон Торибио Морено с почтительным поклоном. – Ваш отец подтверждает мои слова.

– Приходится, ей-богу! – отозвался дон Хосе, презрительно пожав плечами. – Желаете вы сказать моей дочери еще что-нибудь?

– Ничего, друг мой, разве только повторить смиренную просьбу позволить мне иногда являться к ней с визитом.

Донья Эльмина молча склонила голову.

– Ну, довольны вы теперь? – грубо вскричал дон Хосе. – Становится поздно. Пойдемте, дон Торибио, пусть девочки вернутся к своим игрушкам и куклам.

– Я к вашим услугам, друг мой.

– Прощайте, нянька.

– Разве вы не поцелуете меня на прощание, отец? – спросила девушка, робко поднимая к нему лицо.

Дон Хосе холодно, не глядя поцеловал ее в лоб.

– Пора ехать, – повторил он.

Мексиканец почтительно раскланялся с девушками, и посетители вышли.

У наружной двери стояли неподвижно, как статуи, человек двенадцать солдат под командой унтер-офицера, они были вооружены копьями с развевающимися кистями.

Губернатор подал знак, черный невольник подвел двух великолепных лошадей в кокетливой роскошной сбруе, как это принято в испанских колониях.

Мужчины сели на лошадей и стали во главе отряда, который тотчас двинулся вслед за ними.

Когда отъехали шагов на сто от дома, дон Торибио Морено спросил:

– Вы возвращаетесь в Картахену, дон Хосе?

– Куда же вы хотите, чтоб я ехал? – изумился губернатор.

– Откровенно говоря, я не ожидал, что мы так скоро вернемся в город. Я полагал, что наш визит к дамам будет продолжительнее и что, пока вы отдыхаете, у меня будет время съездить на свою ферму, находящуюся поблизости.

– Правда, я и забыл! Если верить слухам, вы купили прелестное поместье на расстоянии двух-трех выстрелов от деревни.

– О! Это полуразвалившаяся жалкая лачуга, – с живостью вскричал дон Торибио, – потому-то я и прошу позволения оставить вас. Там производятся некоторые работы, я и не прочь был бы невзначай нагрянуть к строителям.

– Я не спешу. Хотите, поедем вместе?

– О нет, как можно!

– Почему?

– Во-первых, я должен поддерживать свою славу богача, друг мой, и не желаю вовсе лишиться ее, продемонстрировав вам свое приобретение в его нынешнем виде. Во-вторых, признаюсь вам, я не знаю, где разместить вас, там все вверх дном. Итак, мой любезный дон

Хосе, лучше послушайте меня и спокойно продолжайте путь к городу, а мне позвольте следовать по своим делам.

– Пусть будет по-вашему! Но знайте, что я скоро жду вас в своем дворце, у нас сегодня большое собрание.

– Я не замедлю явиться.

– Обедайте у меня без церемоний.

– Не отказываюсь от этого предложения. Если вы сообразоволяете подождать меня до семи часов, то, быть может, я представлю вам кое-кого.

– Кого же?

– Капитана своей шхуны «Санта-Каталина», которая пришла сегодня утром из Вера-круса.

– Это человек из хорошего общества?

– Моряк, но очень приличный, к тому же прекрасный игрок.

– Так постарайтесь привести его ко мне, особенно если он богат, – сказал со смехом дон Хосе.

– Постараюсь. Во всяком случае, подождите меня до назначенного часа.

– Хорошо.

На этом они расстались.

Дон Хосе Ривас крупной рысью отъехал от деревни со своей стражей, тогда как дон Торибио повернул назад, к Турбако, но, проехав совсем немного в этом направлении, сошел с лошади и с минуту тщательно поправлял мундштук, хотя поправлять было совершенно нечего, потом снова вскочил в седло, сперва, однако, удостоверившись, что граф и его сопровождение скрылись за поворотом и что нигде вокруг не видно ни души.

Тогда дон Торибио круто свернул вправо, немного погодя влево, очутился на опушке леса и поскакал по глухой тропе, с обеих сторон окаймленной частыми деревьями, густая листва которых создавала над его головой непроницаемый свод.

Спустя четверть часа он достиг жалкого шалаша из сплетенных ветвей, какие устраивают вольные охотники и деревенские жители для защиты от солнечного зноя и сильных ливней.

Рослый детина в расцвете лет, но с бледным, изможденным лицом, носящим следы тяжелых невзгод и лишений, внезапно вырос у входа в шалаш, заслышав стук конских копыт. Глаза его мрачно и решительно сверкали.

Человек этот гордо драпировался в гадкие лохмотья неопределенного происхождения. За поясом у него были заткнуты длинный нож и топор. Обеими руками он опирался на буканьерское ружье, которое поставил перед собой. Он стоял и насмешливо поглядывал на приближающегося дон Торибио.

Мексиканец остановил лошадь перед самым шалашом.

– Войдешь? – спросил по-французски вместо всякого приветствия хозяин шалаша.

– Войду, – ответил дон Торибио на том же языке, – если только у тебя найдется, где спрятать мою лошадь. У меня нет желания оставлять ее на виду, посреди дороги.

– Не беспокойся на сей счет, – заметил незнакомец, взяв лошадь под уздцы, – слезай и ступай в шалаш.

Дон Торибио повиновался, а его странный собеседник увел лошадь в чащу леса.

Внутренность шалаша была, если только подобное возможно, еще жалче наружного вида. Ворох сухой травы, брошенный в углу, служил постелью. Яма, вырытая посредине, и три камня в ней заменяли очаг. Два-три бычьих черепа выполняли назначение стульев. Старый, совершенно пустой матросский сундучок без крышки, чугунный котелок и две-три плоские деревянные чашки без ручек, напоминавшие больше тарелки, были единственной утварью.

Вероятно уже не первый раз бывавший здесь, дон Торибио Морено окинул убранство шалаша равнодушным взглядом, уселся на бычий череп, потом достал сигару, закурил ее и

преспокойно стал пускать к потолку клубы дыма в ожидании хозяина. Тот явился почти немедленно.

– Черт возьми! Аромат-то какой! – посмеиваясь, сказал он. – Славные сигары ты куришь! Вот что значит быть богатым!

– Возьми! – небрежно подал незнакомцу свой портсигар дон Торибио Морено. – Что с моей лошады?

– Она надежно укрыта, я дал ей овса.

Он выбрал сигару, закурил ее от сигары дон Торибио, потом возвратил портсигар и сел. На минуту установилось молчание.

Два человека исподтишка наблюдали друг за другом, но, видя, что гость упорно молчит, хозяин шалаша наконец решился заговорить.

– Давно тебя не было видно в этих краях.

– Слишком много дел.

– Бедняга! И все же ты вспомнил о старом товарище.

– Разве не были мы братьями-матросами?

– Правда, но очень давно, и после того много что произошло. Ведь было это во времена экспедиции Монбара Губителя на Маракайбо. Помнишь?

– Еще бы!

– Однако ты, вероятно, приехал не для того, чтоб поговорить со мной об ушедших днях?

Полагаю, ты имел в виду потолковать о настоящем, если не о будущем.

– Ты угадал, Бартелеми!

– Не надо быть колдуном, – с презрительной улыбкой возразил бывший матрос, – чтобы угадать: если ты приезжаешь ко мне, то, вероятно, имеешь во мне надобность.

– Буду откровенен с тобой, старый дружище. Да, ты мне нужен.

– Я на все согласен, брат, поскольку до смерти скучаю. Но предупреждаю, это тебе обойдется недешево.

– Назначай свои условия, – холодно ответил дон Торибио.

– Стоит ли того дело?

– Стоит.

– Слушай же, ты всегда славился тайными кознями и скрытными замыслами. Когда испанское судно, на котором я был пленником, встретило тебя плывущим в одиночестве посреди моря, ты объяснил эту странную ситуацию весьма туманно. Вдобавок ты выдал себя за мексиканца, и я притворился, что не знаю тебя.

– Я не забыл этой услуги.

– Гм! Это было естественно между флибустьерами, особенно между братьями-матросами. Но менее естественно то, что случилось со мной в Сан-Франсиско-де-Кампече: ты не помог мне, как я был вправе ожидать, а бросил меня, хотя был свободен и пользовался почетом у испанцев. Я догадывался, что удар ножом, который мне нанесли одной темной ночью в гавани, отчасти исходил от тебя.

– Как это возможно, старый дружище?

– Ладно, не будем об этом, приятель! Словом, я разбил цепи, сковывавшие меня, словно дикого зверя, и бежал. После приключений, которые и не перескажешь, сам не знаю как, я достиг этого острова и нашел прибежище здесь, в лесу. Однажды случай свел нас. Ты был богат, я – беден, ты мог оказать мне помощь, но не сделал этого.

– Ты забываешь, друг...

– ...что ты предложил мне быть твоим слугой... Это правда. Но я отказался: мне, капитану Бартелеми, знаменитому флибустьеру, быть слугой такого... словом, оставим это. Только, – прибавил он немного погодя с усмешкой, – хочу отдать тебе должное, ты не выдал меня за вознаграждение.

– О-о!

– Я не благодарю. Выдав меня, ты стубил бы себя самого. Ты очень хорошо понимал, что я без колебаний открыл бы твое настоящее имя. Испанцы помнят его, и, вероятно, несколько лучше, чем тебе бы хотелось. И вот теперь, по прошествии трех месяцев, за которые ты ни разу не задал себе вопрос, жив я или мертв, ты как с неба свалился в мой шалаш со словами: «Я нуждаюсь в тебе». Разумеется, я сделал вывод, что дело очень важное. Поэтому, все взвесив, я и сказал: это тебе обойдется недешево.

– А я ответил: согласен.

– Хорошо же! Приступим, я ничего другого не желаю. Дай мне еще сигару.

– Бери.

И дон Торибио вновь протянул ему свой портсигар.

Бартелеми открыл его и выбрал сигару, покачав головой.

Достойный капитан и не думал доверять своему «другу». Он слишком хорошо знал его. Конечно, появление дона Торибио после того, как он не вспоминал о Бартелеми столько времени, казалось крайне странным.

Итак, куря сигару, бывший моряк в душе давал себе слово быть начеку и не дать маху.

Глава X

Как толковали два матроса и что из этого вышло

Скажем в немногих словах, что за новое действующее лицо мы так внезапно вывели на сцену. Тем более что ему предназначено играть довольно существенную роль в нашей истории.

Капитан Бартелеми пользовался громкой славой благодаря своей храбрости и отваге. Флибустьеры с острова Тортуга рассказывали легенды о его необычайной смелости. Кроме того, он был отличный моряк и слыл среди друзей и в особенности среди врагов удивительно удачливым во всех предпринимаемых им экспедициях.

Много было и справедливого в рассказах о капитане Бартелеми. Одаренный большим умом, неукротимой храбростью, невозмутимым хладнокровием и беспримерным присутствием духа, не покидающим его, как бы ни было плохо положение, в которое он попал вследствие каких-либо случайностей, Бартелеми всегда умудрялся выйти из него целым и невредимым благодаря действиям, до которых кто-то другой и не додумался бы.

Кроме того, он отличался честностью, вошедшей в поговорку, и ни за что на свете не согласился бы изменить данному однажды слову.

Таков был человек, которого дон Торибио – на время мы сохраним за ним это имя – отыскал в жалком шалаше, дабы предложить то, что он назвал «делом».

Пока флибустьер надкусывал кончик своей сигары, как это положено настоящему дворянину, мнимый мексиканец украдкой рассматривал его лицо, гадая, с чего бы начать, чтобы наверняка поколебать напускное равнодушие своего собеседника.

– Посмотрим же, – вскричал он наконец весело, – каковы твои условия, дружище!

– Сперва ты предложи свои. Купцу следует показать свой товар, а уж я буду выбирать, – посмеиваясь, возразил Бартелеми.

Дон Торибио понял: ничего не поделаешь, надо вести дело начистоту.

– Ты расседлал мою лошадь? – спросил он.

Ни с того ни с сего заданный вопрос показался Бартелеми странным и неуместным.

– А в чем дело? – поинтересовался он.

– А в том, что знай я, где находится моя лошадь, то отправился бы за саквояжем, который ты наверняка заметил за седлом.

– Еще бы не заметить! Он довольно тяжел.

– Знаешь, что в нем?

– Откуда же?

– Во-первых, для тебя богатый и изящный костюм, какой приличествует дворянину. Сверх того, сто пятьдесят унций золота, которые я прошу принять, не обязывая тебя ни к чему, просто как бывший брат-матрос.

– Тыфу, пропасть! – рассмеялся Бартелеми. – Если ты даешь мне богатую одежду и двенадцать тысяч только потому, что я был твоим братом-матросом, что же ты дашь мне, когда я буду твоим подельником?

Дон Торибио попробовал улыбнуться, но получилась только кривая гримаса.

– Ступай за саквояжем, – сказал он. – Пока ты будешь одеваться, я объясню тебе, в чем заключается дело.

– Разве ты хочешь взять меня с собой?

– Конечно.

– Но ведь я буду смешон донельзя.

– Отчего же?

– Пешком, что ли, прикажешь мне бежать за тобой в таком богатом наряде.

– Не бойся, Фома неверующий, – смеясь, возразил дон Торибио, – настанет время, сыщется и лошадь.

– Ну, ты, видно, обо всем подумал. Канальство! Дело должно быть нешуточным! Все это возбуждает мое любопытство и заставляет работать воображение.

– Не ограничивай себя, я удовлетворю и то и другое. И поторопись, время уходит. Бартелеми вышел и вскоре вернулся с саквояжем.

Дон Торибио вынул одежду и разложил ее, очень довольный собой.

Действительно, костюм был великолепен и пошит с отменным вкусом. Штаны, камзол, полукафтан, сорочка, шелковые чулки, туфли, ботфорты со шпорами для езды верхом, шляпа,

португез, дорогие золотые вещи и, наконец, множество безделушек, в то время необходимых человеку хорошего тона, – тут было все.

– Одевайся, – сказал мексиканец. – Вот зеркало, гребенка, бритва, мыло, все, что нужно. Некоторые другие вещицы, которые еще понадобятся, будут у тебя вместе с лошадью.

– Пожалуй, можно и одеться, а ты рассказывай тем временем.

И действительно, Бартелеми принялся за свое превращение – да, да, это можно было бы назвать настоящим превращением личинки в бабочку.

– Тебя зовут доном Гаспаром Альварадо Бустаменте, – начал дон Торибио.

– Что за чертову кличку ты мне придумал?

– Это твое имя на время, пока ты капитан шхуны «Санта-Каталина» из Веракруса, водозмещением в двести пятьдесят тонн, которая пришла сегодня утром в Картахену прямо из Мексики с грузом европейских товаров на имя сеньора дона Энрике Торибио Морено.

– А это что еще за тип?

– Я сам.

– Ты?

– Ну да, разве тебе это неприятно?

– Ничуть. Продолжай, это походит на волшебную сказку, – со смехом ответил Бартелеми.

– Сегодня вечером я представлю тебя картахенскому губернатору дону Хосе Ривасу, с которым мы на короткой ноге, и дону Лопесу Альдоа де Сандовалю, командующему здешним гарнизоном.

– Я не настаиваю на этом.

– Зато я настаиваю.

– Хорошо. Дальше.

– Это все.

– Как все?

– Да, на первый раз хватит.

– Если я понимаю хоть что-нибудь... черт меня побери!

– Тебе и понимать не нужно, – перебил дон Торибио. – Когда твое положение будет определено в глазах окружающих, мы сможем беседовать, когда нам заблагорассудится, наши торговые дела будут нам самым естественным предлогом для этого.

– Правда? Наши торговые дела? Черт возьми! – вскричал флибустьер со смехом. – Но при всем том, должен признаться, я побаиваюсь.

– Чего?

– Чтоб все эти замысловатые выдумки не привели к решающей катастрофе.

– Объяснись.

– Я полагаю, что губернатор дон Хосе Ривас – так, кажется, ты назвал его?..

– Ну да.

– ...Дон Хосе Ривас должен знать, что делается в городе.

– Разумеется.

– Портовые смотрители всегда докладывают ему о заходе и отплытии каждого корабля.

– Без сомнения.

– Стало быть, шхуна «Санта-Каталина»...

– Она пришла в порт сегодня утром.

– Из Веракруса?

– Из Веракруса.

– С европейскими товарами...

– На мое имя.

– Так ты действительно богат?

– Всего-навсего миллионер.

Авантюрист насмешливо взглянул на своего приятеля.

– Ага! – заметил он негромко. – Убийство мексиканцем богатого торговца алмазами и похищение всего его состояния... эта история, которую рассказывали в Сан-Франсиско-де-Кампече, когда мы находились там, видно, имела основание?

Дон Торибио помертвел.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты слыл за мексиканца уже в Кампече.

– Что ж из того? Разве я француз?

– И даже бретонец, – продолжал авантюрист со странной улыбкой. – Но в Кампече в то время было немало мексиканцев и без тебя. Не станем же углубляться в этот вопрос. Положим, я ни о чем не говорил.

– О, я ничего не боюсь!

– Мне ли не знать, черт побери! Впрочем, это касается одного тебя, а нам лучше вернуться к общему делу. Решено, что шхуна существует в действительности, что она пришла из Веракруса с грузом, принадлежащим тебе; что утром она стала на рейде и называется «Санта-Каталина».

– Вижу, что ты ничего не упустил.

– Прекрасно. Но ведь шхуна же пришла из Веракруса не сама по себе, – полагаю, на ней был экипаж и, наконец, капитан?

– Само собой! Шесть человек экипажа и капитан.

– Куда же они девались? Уж не сбежали ли все разом – и матросы, и капитан?

– Увы! Мой бедный друг, – вскричал мнимый дон Торибио Морено с добродушно-покровительственным видом, – все мы смертны.

– Поговорка мудрая и справедливая.

– Случилось вот что...

– Я слушаю.

– Вчера с борта шхуны завидели берег уже в столь поздний час, что нельзя было решиться войти в узкий пролив... Итак, шхуна была вынуждена лавировать всю ночь, чтобы приблизиться к берегу на рассвете. Около полуночи, при повороте судна, капитан упал за борт...

– Бедный капитан! – сказал Бартеlemi чрезвычайно серьезно. – И его не удалось спасти?

– Пробовали.

– А!

– Но вот ведь какое роковое стечение обстоятельств! Спустили лодку с четырьмя матросами... но лодка пошла ко дну: от страшной жары расплавилась смола, которой были залиты швы. Разумеется, вода набежала мгновенно – и все потонули.

– Все четверо?

– Все без исключения. Ночь была темная, море беспокойно. На шхуне оставалось всего два человека, как могли они оказать помощь товарищам?

– Вот что называется несчастьем! Они были совсем у цели!

– В двух лье всего-то. Будь светло, их бы увидели.

– В том-то и дело, что ночь была темная, – заметил авантюрист насмешливо, – следует признать, что два человека, оставшиеся одни на шхуне, находились в большом затруднении.

– По счастью для них и для «Санта-Каталины», шхуну заметили еще до заката, так как я ожидал ее прибытия с большим нетерпением. Зная, с каким грузом она идет, я хотел выяснить, почему она не вошла в канал еще с вечера. Я тотчас отправился к судну в лодке с шестью матросами и часам к четырем утра был на месте. Судно лежало в дрейфе перед входом на рейд, ожидая помощи.

– Это просто внушение свыше.

– Ты совершенно прав. В ту самую минуту, когда я ставил паруса, из Картахены вышел корабль, державший путь в Кадис.

– В самом деле! Вот что значит случай.

– Два матроса, оставшиеся в живых, были до того поражены ужасной ночной катастрофой, что стали умолять меня отпустить их на корабль, который выходил из картахенского порта.

– Разумеется, ты сжалился над этими несчастными и согласился.

– Действительно, так и было. Я выплатил причитающееся им жалованье, даже прибавил маленькое вознаграждение, чтобы утешить их в несчастной гибели своих товарищей, и отвез на испанское судно, капитана которого я немного знал. Он согласился принять их.

– Как все соединяется, боже мой! – вскричал Бартелеми, воздев очи горе. – И ты...

– ...и я тотчас нанял шесть человек, которых привез с собой. Они ровно ничего не знали о том, что произошло на шхуне. К тому же, прежде чем сесть в шлюпку, шедшую к «Санта-Каталине», я сказал им, сам не знаю зачем, – такая вдруг мне в голову пришла мысль, – что капитан накануне съехал на берег, чтобы скорее известить меня о приходе шхуны, которую между тем оставил у входа на рейд.

– Это и было причиной того, что они не удивились, увидав накануне всего только двух матросов. Про капитана же думали, что он на берегу.

– Как видишь, все это очень просто.

– Разумеется, любезный друг. И нарочно лучше нельзя было сделать.

– Что ты хочешь сказать? – надменно спросил дон Торибио.

– Я? Ровно ничего!

– Ты, право, так странно толкуешь вещи... – недовольно возразил собеседник.

– Толкую, как следует толковать. Я просто удивляюсь, насколько счастье благоприятствует тебе: кажется, естественнее быть ничего не может. Ты волен истолковывать мои слова по-своему. Но помни одно: я не отвечаю за твои действия и слова, не отвечаю – благодарение Богу! – и за чистоту твоей совести. Следовательно, все это меня не касается, и я умываю руки.

– Так-то лучше.

– Просто я хотел знать все в подробностях, чтобы не наделать ошибок и промахов, всегда достойных сожаления во время исполнения трудной роли в комедии, которая очень легко может перейти в трагедию, если будет продолжаться так, как началась. Теперь я знаю все, что мне следовало знать. Можешь быть спокоен, тебе не придется упрекать меня в чем-либо. Я готов. Что мы теперь будем делать?.. Но прежде всего посмотри на меня.

Дон Торибио осмотрел Бартелеми с величайшим вниманием. Превращение было полным: от странной личности, вышедшей час назад из шалаша, не осталось ровно ничего.

Авантюрист, как человек, получивший прекрасное воспитание, не был ничуть стеснен своим костюмом, он имел вид весьма приличный. Мексиканец пришел в восторг и крепко пожал приятелю руку.

– Да тебе цены нет! – вскричал он с жаром.

– Вот именно, – возразил Бартелеми со своим привычным насмешливым хладнокровием. – Я стою дорого, ты скоро убедишься в этом, – прибавил он, спокойно опуская в карман кошелек, данный ему прежним братом-матросом. – Повторяю вопрос: что мы теперь будем делать?

– Поедем.

– Хорошо, дай мне только спрятать ружье, любезный друг. Это «желен», которым я, признаться, очень дорожу. Я приду за ним если не завтра, то очень скоро.

Пока авантюрист тщательно прятал ружье под сухими листьями, так долго служившими ему постелью, дон Торибио запер саквояж, вышел на тропу, окинул ее внимательным взглядом и свистнул два раза особым образом.

Ему почти мгновенно ответили таким же свистом.
Он вернулся в шалаш.
– Спрятал?
– Да, я готов, – ответил тот.
– Так потрудись привести сюда мою лошадь... Ах! Позволь еще одно слово.
– Говори.
– Помни, что с этой минуты ты – дон Гаспар Альварадо Бустаменте, командир шхуны «Санта-Каталина», пришедшей из Веракруса.
– А ты дон Энрике Торибио Морено, богатый мексиканец, владелец моих товаров.

– Очень хорошо, только смотри не проговорись случайно. И будем при посторонних всегда говорить друг с другом по-испански.

– Разумеется. Если тебе нечего больше сообщить мне, я приведу твою лошадь.

Минут пять авантюрист был в отсутствии и вернулся со стороны дороги.

– Лошадь готова, – сказал он.

В эту минуту раздался топот скачущих во весь опор лошадей.

К шалашу приближался на лошади негр, ведя другую лошадь под уздцы.

Перед шалашом он почтительно поклонился мексиканцу.

– Сеньор дон Гаспар, – сказал дон Торибио, – я думаю, вы напрасно будете ждать дальше того человека, о котором говорили. Судя по всему, он уже не придет.

– Я разделяю ваше мнение, сеньор кабальеро, – тотчас ответил Бартелеми, отважно входя в свою роль, – да мне больше и нельзя оставаться здесь: я должен быть на шхуне.

– Я к вашим услугам, сеньор кабальеро. Прошу вас взять лошадь, которую я приготовил для вас, и принять эту шпагу взамен сломанной.

– Тысячу раз благодарю вас, кабальеро.

Все это было сказано на чистейшем кастильском наречии.

Оба вскочили в седла и поскакали к Картахене, куда прибыли без малого в пять часов пополудни.

Негр, невольник дона Энрике Торибио, следовал за ними на почтительном расстоянии, даже не стараясь уяснить себе, что произошло.

Глава XI

Как встретились «Задорный» и «Сан-Хуан-Батиста»

Мы оставили «Задорный» с убранными главными парусами, между тем как его раскачивало во все стороны разъяренными волнами, исполинские гребни которых то и дело перекачивались через палубу.

Ураган бушевал двое суток. Все усиливаясь, он наконец достиг таких размеров, что пришлось убрать все паруса до единого и закрепить все снасти, какие только можно, чтобы сохранить их. Случай весьма редкий в морском деле: корабль только и держался что на руле, которым едва могли управлять четверо самых сильных моряков.

«Задорный» так и подбрасывало. На палубе нельзя было находиться из-за волн, которые ежеминутно бешено устремлялись через нее. Измученные матросы стали глухо роптать, и офицерам стоило величайшего труда сдерживать их недовольство.

Экспедиция начиналась неудачно. Уже поговаривали о роковом тринадцатом числе... Благодаря этому суеверию недовольство матросов грозило принять очень серьезные размеры.

Один капитан Медвежонок Железная Голова, его помощники Олоне, Польшэ и еще два-три человека оставались холодны и спокойны. Обратив взгляд на небосвод, они с уверенностью выжидали конца урагана.

На третьи сутки, в восемь часов утра, буря как будто стала стихать, ветер заметно спал, хотя волны, которые море все еще бешено выбрасывало на страшную высоту, стремительно обрушивались на корабль. Но в девять часов уже можно было воспользоваться ветром, а в полдень «Задорный» ходко шел вперед под несколькими парусами.

В первый раз по прошествии трех суток на «Задорном» могли делать наблюдения по солнцу и определять положение судна! Оказалось, что оно находится совсем рядом с Сент-Кристофером, прямо на пути следования европейских кораблей, направляющихся к острову или возвращающихся от его берегов.

Экипаж снова повеселел. Со свойственной им беспечностью матросы сами подтрунивали над паникой, которая было овладела ими. Между тем они начали готовить оружие к бою и вновь наводили на корабле порядок и чистоту, о которых и нечего было думать во время шторма. Теперь только и разговоров было что о своей доле добычи да о тех богатствах, которые они захватят.

Часам к четырем пополудни Пьер Легран стоял на вахте. Он расхаживал между ютом и грот-мачтой, то наблюдая за парусами, то глядя на море, которое стихало все более и более, то поглядывая на нактоуз... Вдруг дозорный на верхушке фок-мачты крикнул:

– Корабль!

Пьер Легран кинулся на бак.

– Эй, дозорный! – крикнул он, сложив руки рупором.

– Есть, – ответил матрос.

– Где видишь корабль?

– От штирборта милях в четырех под ветром.

– Судно трехмачтовое?

– Нет, настоящий двухмачтовик с низкой кормой. Это бриг!

– Предупреди-ка командира, малый, – обратился старший капитан к Александру, стоявшему возле него с боцманским свистком в руках.

Александр передал приказание матросу, который тотчас исчез в люке на юте.

– Куда направляется бриг? – продолжал расспрашивать Пьер Легран.

– Идет на нас, – ответил дозорный, – он уже заметил фрегат.

– Ты уверен, что заметил?

– Так точно. Он взял к ветру на два румба.

– Видно, «испанец».

В это мгновение на палубу поднялся командир с длинной подзорной трубой, перекинутой через плечо.

Он пристально поглядел на ту точку горизонта, где должен был находиться замеченный корабль, потом, не говоря ни слова, быстро влез на ванты и вмиг очутился на грот-марселе, а с него поднялся на вершину брам-стенги, поднял подзорную трубу и стал смотреть.

Весь экипаж стоял на палубе молча.

Волшебное слово «корабль», точно гальваническое электричество, оживило самых ленивых и беспечных. Корабль означает добычу, поживу, быть может, богатство, но уж наверняка бой с непримиримыми врагами. Разумеется, жадное нетерпение флибустьеров разгоралось все больше, пока командир хладнокровно рассматривал замеченное судно.

Прошло несколько минут. Наконец Медвежонок Железная Голова медленно спустился на палубу.

– Братья, – сказал он, сняв шляпу, – это судно – испанский бриг. Он сейчас повернул на другой галс, но с божьей помощью мы догоним его до заката: он далеко не так легок на ходу, как мы. Господин лейтенант, прикажите пуститься за ним в погоню.

Маневр был исполнен с необычайной точностью и похвальной быстротой.

В несколько минут «Задорный» покрылся парусами и вскоре рассекал носом волны со стремительностью морской чайки.

Удостоверившись, что приказание его было правильно понято и исполнено, командир вернулся в свою каюту в сопровождении Польшэ и Олоне.

«Задорный» был едва ли не лучшим из всех французских, английских, голландских и испанских судов, которые в ту эпоху бороздили Атлантический океан по всем направлениям.

И в этот раз он не изменил себе. Как ни хитрил, как ни менял галс, как ни уворачивался несчастный бриг, за которым гнался фрегат Медвежонок, ничто не помогло: он был вынужден признать себя побежденным.

Сначала он маячил на небосклоне белым пятнышком величиной с крыло чайки. Потом пятно начало расти, стали различимы паруса, затем корпус, и часам к шести вечера бриг находился не более чем в полумиле от грозного корсара.

Впрочем, сознавая невозможность увернуться от когтей хищника, бриг покорился своей участи с тем героическим спокойствием, которым во все времена отличались испанцы, фаталисты по природе, пропитанные восточным духом покорности судьбе – наследием восьмивекового мавританского ига.

Бриг убрал почти все паруса и храбро продолжал свой путь под малыми парусами.

Медвежонок опять появился на палубе и, поднявшись на шканцы, взял в руки рупор.

– По местам! К бою! – скомандовал он.

– Готовься к бою! – повторил Олоне.

Немедленно на палубе и на батареях все пришло в движение, гренадеры и самые искусные стрелки взобрались на мачты. Потом все стихло, мертвое молчание водворилось на фрегате.

– Командир! – сказал Олоне. – Все готово, каждый на своем месте.

Пьер Легран с фитилем в руках неподвижно стоял на баке возле пушки, устремив взгляд на командира.

Тот подал знак. Пьер Легран поднес фитиль.

Грянул выстрел, и в то же мгновение флибустьерский флаг величественно взвился над фрегатом. Флаг этот, как удостоверяют все сочинения о флибустьерстве, голубой, белый и красный, имел в точности такое же расположение полос, как на нынешнем национальном флаге Франции.

Только на белой полосе командир «Задорного» велел изобразить черную медвежью голову в натуральную величину, пользуясь преимуществом флибустьеров помещать, если им заблагорассудится, герб, разъясняющий их имя, на флаге собственного судна.

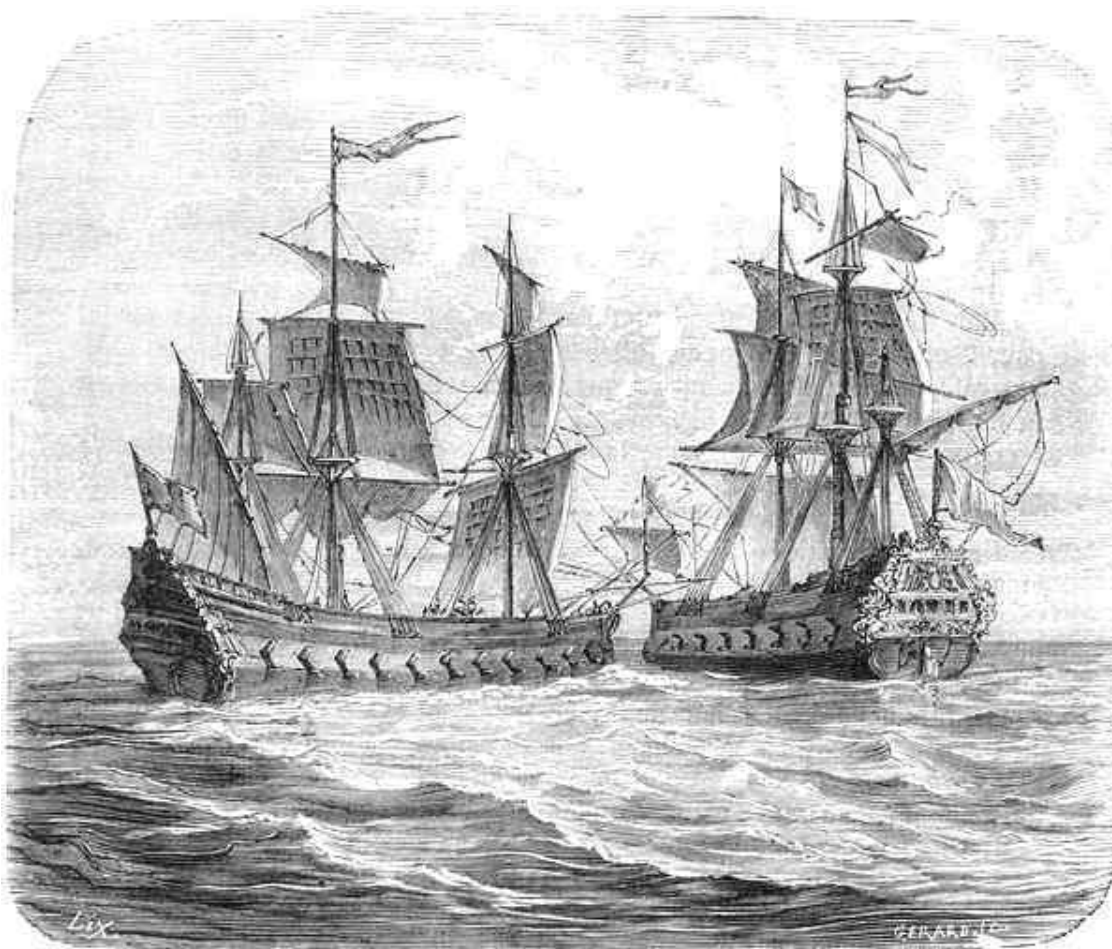
Холостой пушечный выстрел был только угрозой. Однако эту угрозу вполне правильно оценили на бриге: большой испанский флаг мгновенно поднялся на корме, и радостное «ура!» экипажа «Задорного» погребальным звоном отдалось в ушах испанцев.

Между тем погоня все продолжалась. Вскоре «Задорный» поймал в паруса свежий порыв ветра и очутился рядом с бригом, на расстоянии слышимости голоса.

– Эй, на судне! – крикнул Медвежонок в рупор.

– Эй! – тотчас отозвались с брига.

– Ложись в дрейф или потоплю!

Приказание флибустьера на бриге исполнили с волшебной быстротой.

Фрегат шел вперед еще несколько минут, потом также лег в дрейф.

Два судна находились на расстоянии ружейного выстрела.

Тут Медвежонок приступил к продолжению на минуту прерванного разговора.

– Название и водоизмещение брига? – спросил он.

– «Сан-Хуан-Батиста», триста пятьдесят тонн.

– С каким грузом?

– Индиго, кофе, слитки серебра и сплюснутая серебряная посуда.

При этом впечатляющем перечислении богатств, заключавшихся в трюмах брига, радостный трепет пробежал по рядам флибустьеров.

– Откуда и куда идете? – продолжал спрашивать Медвежонок.

– Из Картахены в Кадис прямым путем.

При упоминании о Картахене командир едва удержался от удивленного жеста.

– Сколько времени вы в пути?

– Мы вышли из Картахены одиннадцать дней назад.

– Пришлите лодку с капитаном.

Этот маневр был исполнен гораздо медленнее первого. Испанцы страшно боялись флибустьеров, считая их форменными исчадиями ада. Однако приходилось покоряться.

На воду спустили шлюпку, в нее сошли несколько человек, хотя и с очевидным неудовольствием. Шлюпка отчалила от брига и медленно направилась к корсару, отдаляя насколько возможно страшную минуту встречи с противниками.

Командир «Задорного» обратился к своему экипажу:

– Пусть каждый остается на своем месте. Ни криков, ни ропота: я хочу, чтобы величайший порядок и глубокая тишина царили на фрегате в течение всего времени, пока на нем будет оставаться испанский капитан. Боцман, – продолжал Медвежонок, – поставьте четырех человек у трапа на штирборте. Покажем этим гордым испанцам, что и мы знаем морские обычаи. И бросить канат, как только подойдет шлюпка.

Несмотря на преднамеренную медлительность, за которую всякий другой флибустьерский предводитель заставил бы дорого поплатиться, испанская шлюпка в конце концов достигла фрегата.

Капитан, который сидел на руле, был человек лет сорока, с мелкими и ничем особенным не приметными чертами лица, которое теперь имело выражение глубочайшего уныния.

Он один взошел на фрегат. Ему были отданы воинские почести. Испанец ответил улыбкой, исполненной горечи, и направился к командиру фрегата, который спустился со шканцев и шел к нему навстречу.

– Э-э! – вскричал Медвежонок с движением дружеского удивления. – Да это, кажется, дон Рамон де Ла Крус, если не ошибаюсь.

– Увы, благородный командир, – ответил тот со смиренным поклоном, – опять я.

– Опять? Уж не укор ли это, капитан?

– Он относится лично ко мне, командир. Видно, судьбой так определено, что я не могу совершить ни одного перехода, не будучи захваченным вами в плен. Я сетую на судьбу, а не на вас.

– Действительно, мы встречались уже чуть ли не три раза.

– Четыре, командир.

– Вы думаете?

– Увы! Уверен, – со вздохом ответил дон Рамон.

– Положим, четыре! Итак, в знак уважения к старому знакомому я прошу сказать мне, что могу сделать для вас.

– Только одно, командир.

– Вернуть вам ваше судно, не так ли?

– Увы!

– К несчастью, это невозможно. Но Бог мне свидетель, я желаю облегчить вашу участь...

Постойте, кажется, я придумал средство. Есть ли на корабле что-нибудь, принадлежащее лично вам?

– Увы! Все мое состояние.

– Как так?

– Индиго и кофе – моя собственность.

– Какая опрометчивость.

– Теперь я и сам это вижу.

– Впрочем, кто знает! Сколько стоила вам покупка индиго и кофе?

– Пять тысяч пиастров... Все мое состояние.

– Гм! Сумма солидная... И тем не менее... Что сказано, то сказано! Я покупаю у вас индиго за шесть тысяч пиастров от своего имени и от имени своих товарищей. Сверх того, я уполномочиваю вас взять две лодки, в которые вы сложите все ваши собственные вещи, равно как и те, что принадлежат членам вашего экипажа. Сколько их?

– Четырнадцать, благородный командир, – ответил капитан с растерянным видом, – да еще два матроса, которых я взял пассажирами при выходе из Картахены.

– Стало быть, шестнадцать человек. Возьмите еще пресной воды и съестных припасов на восемь дней, десять ружей, восемь пистолетов и сто пятьдесят зарядов пороха, чтобы иметь возможность защищаться в случае необходимости. Вы находитесь поблизости от Антильских островов, стало быть, если не сумеете добраться до испанских владений, то уж решительно судьба против вас. Впрочем, для большей верности, – на тот случай, если вы наткнетесь на какого-нибудь корсара с Тортуги или из Пор-Марго, – я снабжу вас пропуском. Довольны вы теперь?

– О, командир! – вскричал капитан со слезами в голосе и принялся целовать руки флибустьера, несмотря на сопротивление последнего. – Я навеки остаюсь у вас в долгу. Чем могу я отплатить вам?

– Рассказывая вашим соотечественникам, любезный дон Рамон, что флибустьеры вовсе не такие дьяволы, какими кажутся, и что у них есть сердце, как и у других людей. А теперь послушайте моего совета.

– Я готов на все.

– Постарайтесь больше мне не попадаться.

– Говоря по правде, – наивно воскликнул дон Рамон не то со смехом, не то со слезами, – если уж суждено мне быть захваченным в плен в пятый или, вернее, в шестой раз, я скорее предпочел бы, чтобы это было сделано вами, нежели кем-нибудь другим.

– Благодарю. Пока будут переносить в лодки вашу поклажу, пойдемте и перекусим в моей каюте, а заодно и потолкуем.

– К вашим услугам, командир.

– Олоне, ты слышал? – обратился Медвежонок к младшему капитану. – Посмотри, чтобы все было исполнено, как я велел.

– Будь спокоен, я беру это на себя.

Медвежонок Железная Голова и капитан испанского брига дон Рамон де Ла Крус спустились в каюту, где были приготовлены закуски.

Оба моряка сели за стол. Флибустьер, как известно, не пил вина, но это не мешало ему быть любезным и приятным хозяином.

Когда дон Рамон выпил пару бокалов вина, Медвежонок вынул из небольшого кожаного мешочка, который висел у него на шее на стальной цепочке, довольно крупный алмаз и подал его капитану.

– Разбираетесь ли вы в подобных вещах? – спросил он.

– Немного, – ответил испанец, – одно время я торговал ими.

– Так взгляните на этот алмаз и оцените его.

Капитан взял алмаз, осмотрел его очень внимательно, поворачивая во все стороны, и наконец сказал:

– Он стоит по меньшей мере одиннадцать тысяч пиастров.

– То есть пятьдесят пять тысяч франков, – заметил Медвежонок, отстраняя руку испанца, который возвращал ему драгоценный камень. – Итак, оставьте его на память обо мне, любезный капитан. Теперь, когда с денежными делами мы покончили, побеседуем, если вы ничего против этого не имеете?

– Однако, – возразил дон Рамон, – этот алмаз...

– Что ж, это плата за ваше индиго и за кофе, вы продали мне их с хорошей прибылью, вот и все. Я же даю вам алмаз, потому что его удобнее иметь при себе, чем золото. Спрячьте его, и переменим тему разговора. Скажите-ка лучше, кто теперь губернатор в Картахене?

– Дон Хосе Ривас, граф де Фигароа, предостойный дворянин, у которого есть очаровательная дочь.

– Ага! У него есть дочь. Ребенок, наверное?

– Нет, любезный командир, донье Эльмине лет шестнадцать, насколько я мог судить по виду.

– Дочь губернатора зовут Эльминой? – воскликнул Медвежонок, слегка вздрогнув. – И она очаровательна, если верить вашим словам. Наверное, за ней многие ухаживают?

– Этого я, по правде, не знаю. Только знаю, что, когда я уезжал, речь шла о ее браке.

– Донья Эльмина выходит замуж! – вскричал Медвежонок, помертвев.

– По крайней мере, так говорят, – ответил невозмутимо дон Рамон, не подозревая, какое значение для собеседника имели его слова.

– И кто сей счастливейший из смертных?

– Признаться, любезный командир, мне этот счастливец кажется довольно гаденькой личностью, между нами будь сказано. Это мексиканец, который в один прекрасный день словно с неба свалился на нас. Никто не знает, кто он и откуда. Он слывет страшно богатым, живет на широкую ногу и ведет игру по-крупному. Последнее качество, судя по всему, и открыло ему двери дома губернатора, с которым он теперь в самых коротких отношениях, уже настолько коротких, что на днях женится на его дочери, бедняжке!

– Вы жалеете эту девушку?

– От всего сердца жалею, командир. Я уверен, что ее приносят в жертву. Она не может любить человека, о котором ходят странные, даже гнусные слухи.

– Расскажите-ка подробнее.

– Я уже говорил вам, командир, что при выходе из Картахены я принял на борт брига в качестве пассажиров двух матросов.

– Помню.

– Ну так вот, эти два матроса были доставлены мне самим доном Торибио Морено.

– Доном Торибио Морено?

– Да, так зовут мексиканца.

– Ага! Очень хорошо! Продолжайте.

– Представьте себе, этот дон Торибио Морено ждал свою шхуну «Санта-Каталина» из Веракруса. На шхуне было всего семь человек, включая и капитана. Так вот, мексиканец так ловко подстроил дело, что при подходе к картахенскому рейду потонули четыре матроса и сам капитан. Дон Торибио Морено сам приехал на шхуну с новым экипажем немного спустя после этого рокового случая, но два матроса, оставшихся в живых, были охвачены ужасом от всего, что произошло на их глазах, и во что бы то ни стало хотели покинуть шхуну. В это самое время я выходил в море. Сеньор Морено, который, вероятно, ничего больше не желал, как только избавиться от нежелательных свидетелей, предложил мне взять их на бриг, на что я согласился.

– И теперь они у вас?

– А то как же! Им это темное дело известно во всех подробностях. Только одного я не пойму: какая выгода может быть дону Торибио Морено в этом потоплении?

– Я дознаюсь, – пробормотал себе под нос флибустьер. – Хотите уступить мне этих двух людей, капитан? – спросил он громко. – Даю слово, что им не будет причинено вреда.

– Как вам угодно, любезный командир. Но позвольте узнать?..

– Любопытство, капитан, праздное любопытство! Вот вам пропуск, – прибавил он, подавая бумагу, на которой написал несколько слов и подписался внизу, – теперь пойдёмте.

– Ах! Командир, – вскричал капитан, пряча драгоценный листок, – я, право, не сумею выразить...

– Полноте, мы старые друзья, и я не хочу, чтобы с вами случилось несчастье. Идемте же. Они вышли на палубу.

Олоне в точности исполнил приказание командира: две самые большие лодки с брига были нагружены сундуками и всем имуществом экипажа. Сами матросы разместились в лодках с запасом воды, провизии и оружия. В лодку, которая была побольше и предназначалась для самого капитана, сложили его собственные вещи. Человек десять флибустьеров перешли на время на бриг, чтобы нести вахту.

Два испанских матроса с радостью приняли предложение Медвежонка и поспешно поднялись на борт фрегата.

Кроме личных сведений, которые командир экспедиции надеялся получить от них, эти двое своим знанием местности и порта могли быть весьма полезны для общего дела. Разумеется, флибустьеры поняли замысел начальника и с удовольствием отреагировали на пополнение экипажа.

Капитан дон Рамон де Ла Крус, простившись с капитаном Медвежонком Железная Голова и осыпав его благословениями, сошел в свою шлюпку, и две лодки помчались на всех парусах к острову Куба, берегов которого они должны были достигнуть менее чем за трое суток при наличии попутного ветра.

Медвежонок Железная Голова отобрал сто пятьдесят человек, которых перевел на бриг. Кроме того, он вооружил судно дюжиной восемнадцатифунтовых орудий, которые находились в трюме фрегата, и переименовал свой приз в «Бунтаря», назначив Олоне капитаном. Вслед за тем на обоих флибустьерских кораблях подняли паруса, и они устремились к Картахене.

Глава XII

Как донья Лилия полностью одобрила свою кузину

Когда двери залы затворились за доном Хосе Ривасом и его приятелем, донья Эльмина опустила голову, вздох вырвался из ее груди, и слезы тихо покатались по ее щекам. Донья Лилия тихо подошла, села на стул возле нее и нежно пожалала ей руку.

– Бедная сестра! – прошептала она ласково.

Донья Эльмина не ответила, она сидела, неподвижная и грустная, устремив в пол погасший взгляд.

– Эльмина, милая, – продолжала девушка, целуя кузину в лоб, – не унывай, очнись, вооружись бодростью, не поддавайся отчаянию... Твое несчастье велико, но Господь велик в своей милости...

– Нет, Лилия! Нет, моя дорогая! И сам Господь не может спасти меня! Я в могучих когтях тигра, а тигр – неумолимый хищник, тебе это известно... Я должна умереть.

– Умереть? Ты?

– Да, Лилия, лучше смерть, чем страшная жертва, которой требует от меня отец.

– Тебя ли я слышу? Всего два часа назад не была ли ты исполнена твердости, отваги и надежды!

– Я надеялась, это правда, но на что – сама не знаю. Всегда надеешься, когда страдаешь. А я страдаю непереносимо, Лилия.

– Бедный милый друг, приди в себя, повторяю, не поддавайся горю. То, что произошло сейчас, не должно было тебя удивить, ведь ты все знала. Так ободрись же и вернемся к нашей беседе, прерванной так некстати. Докончи признание, на которое ты едва намекнула...

– Не настаивай, любезная Лилия, – с живостью перебила ее донья Эльмина, подняв голову, – все это – один только бред воспаленного воображения. Я погибла, я чувствую это. Ничто не удержит меня на краю пропасти, в которую я готова низринуться.

– Что за мысли, Эльмина! Умоляю тебя: ты должна мужаться и не поддаваться отчаянию.

– Мужаться! – горестно повторила Эльмина. – К чему вступать в безнадежную борьбу? Увы! Моя судьба решена безвозвратно.

– Кто знает! Разве не может случиться чего-нибудь необыкновенного?

– Не старайся, любезная Лилия, вселять в меня надежду, которой сама не имеешь, – возразила Эльмина, покачав головой.

– Полно, милая Эльмина. Забудь, если можешь, хоть на минуту свое горе, и попытайся отвлечься чем-нибудь. Поговорим душа в душу, открой мне тайну, которая гнетом лежит у тебя на сердце и которую ты упорно носишь одна, скрывая от всех.

Донья Эльмина задумалась, бледная улыбка мелькнула на ее губах, и наконец невыразимо грустно, голосом, в котором звучало глубокое смирение, она сказала:

– Впрочем, милая Лилия, я не вижу причины хранить секреты от тебя, моего единственного друга. Я сделаю признание, которого ты требуешь. Для него понадобятся всего два слова: я влюблена. Тот, в кого я влюблена, не знает о моем чувстве... Он далеко, очень далеко от меня. Никогда я не увижу его более. Мы едва знакомы, и даже если бы он полюбил меня, что невозможно, нашему союзу препятствуют такие неодолимые преграды, такая бездна разделяет нас, что я никогда не смогу принадлежать ему! Эта любовь – просто безумная мечта.

Донья Лилия выслушала кузину с величайшим вниманием, порой покачивая головой и очаровательно надувая губки.

– Эльмина, – шепнула она, когда та замолчала, – французы говорят, что слова «невозможно» в их языке не существует. Так почему бы не допустить этого и для испанского?

Донья Эльмина пристально поглядела на нее.

– С какой стати говоришь ты мне про французов? – спросила она слегка дрогнувшим голосом.

Донья Лилия улыбнулась:

– Французы – совсем не бездушные люди.

– Некоторые из них доказали нам это, – ответила Эльмина, подавив вздох.

Донья Лилия склонила голову к плечу кузины.

– Не знаю, заметила ли ты, – продолжала она, – но дон Торибио в нашем присутствии как будто прикидывается...

– Ни слова больше об этом человеке, – вскричала с живостью донья Эльмина, – умоляю тебя!

– Как хочешь, но пока он говорил с тобой, я пристально вглядывалась в него и, как и ты...

– ...нашла, что лицо его тебе знакомо? – перебила донья Эльмина с нервным содроганием.

– Это и вправду он – буканьер, разбойник с Санто-Доминго!.. О! Никогда не существовало сходства удивительнее!.. – продолжала донья Лилия. – А между тем тот, о ком мы говорим, не мог остаться в живых.

– Разве злой дух не выходит из пучины?

– Но если это он, надо предупредить твоего отца, Эльмина, и все сказать ему.

– Что – все? – возразила дочь дона Хосе Риваса, с унынием качая головой. – Что мы знаем? Ровно ничего. К тому же этот человек целиком завладел моим отцом, который видит все вокруг только его глазами. Доказательства же мы, к несчастью, никакого привести не можем.

– Как знать! – быстро ответила донья Лилия.

– Ты о чем?

– Выслушай меня, Эльмина. У меня также есть тайна, которую я тебе открою, – твердо и решительно заявила донья Лилия.

Донья Эльмина взглянула на нее с изумлением:

– У тебя?

– Ну да, Эльмина. Ты знаешь, какая я сумасбродка и как люблю гулять одна по лесам и полям. Ты сама часто ставила мне в укор мои бродяжнические наклонности.

– Правда, – прошептала донья Эльмина, улыбаясь сквозь слезы.

– Так именно этой моей страсти к одиноким странствиям мы, пожалуй, и будем обязаны единственной помощью, на которую можно рассчитывать.

– Объяснись.

— Одним прекрасным утром, месяца полтора назад, я выехала верхом из деревни и скакала по лесу без определенной цели, просто находя наслаждение в том, чтобы вдыхать свежий и легкий воздух и чувствовать, как утренний ветерок играет в моих волосах. Вдруг моя лошадь бросилась в сторону, я едва удержалась в седле. И представь себе, что я вижу! Поперек дороги лежит человек в лохмотьях, с длинной бородой и осунувшимся лицом. Тот человек имел самый жалкий вид. Я сошла с лошади и наклонилась к нему. Глаза незнакомца были закрыты, и глухое хрипение вырывалось из его груди. Мне с трудом удалось привести его в чувство. Несчастный умирал с голоду. Я бросилась в деревню и привезла ему поесть. Когда же он немного пришел в себя, то сознался мне, что он француз, флибустьер, чудом спасшийся из испанской тюрьмы. Зная, что будет безжалостно убит, если попадется в руки своих врагов, он добрался до леса и скитался в нем несколько дней, питаясь кореньями и дикими плодами. Ружье он сохранил, но пороха не имел, следовательно, ни охотиться, ни защищаться не мог. Я отдала ему нож и топор, которые захватила с собой из деревни, и заодно все деньги, какие были у меня в кошельке.

— Ты хорошо сделала, милая Лилия.

— Он сказал мне только: «Вы спасли мне жизнь, которая теперь принадлежит вам».

— И ты виделась с ним после того?

— Часто. Он рассказал мне свою историю. По-видимому, это какой-то знаменитый флибустьер с острова Тортуга. Я говорила с ним о...

— ...о ком?

— О том, кто тебя интересует, моя милая, — улыбаясь, ответила донья Лилия. — Он знает его и любит... И мне пришла в голову одна мысль, — прибавила она нерешительно.

— Какая?

– Видя тебя такой страдающей и не зная, каким способом помочь твоему горю, я недавно спросила у Бартелеми – этого человека зовут Бартелеми, – нет ли у него возможности доставить письмо на Санто-Доминго. «А что, это очень важно, сеньорита?» – осведомился он. «Вопрос жизни или смерти», – ответила я. «Хорошо, – сказал он, – сам еще не знаю как, но клянусь вам, я доставлю письмо. Давайте его». – «Я привезу его завтра», – отвечала я.

– И письмо это?.. – вскричала донья Эльмина задыхающимся голосом.

– Я отдала на следующий день Бартелеми. В письме заключалось всего три слова: «Картахена. Сейчас. Опасность». Однако надо было, чтобы тот, кому предназначалось это послание, узнал, от кого оно. Тут я вспомнила про кольцо, которое ты постоянно носишь на груди в ладанке. Я тайком сняла его с тебя, пока ты спала, и, каюсь, отважно приложила печать вместо подписи.

– Ты сделала это, Лилия?

– Признаюсь, сделала, моя милая. Ты находишь, что я была не права?

– О Лилия, моя дорогая Лилия! – вскричала донья Эльмина, бросившись кузине на шею. – Спасибо тебе, спасибо тысячу раз!

– Спустя три дня Бартелеми, которого я нигде не могла отыскать, хотя изъездила весь лес вдоль и поперек, сам пришел сюда. «Письмо отправлено, – объявил он мне, – оно дойдет самое позднее дней через десять».

– О! Только бы он получил его! – пробормотала Эльмина.

Лилия улыбнулась.

– Недели две назад, – продолжала она, – Бартелеми сказал: «Капитан получил письмо, он будет здесь. Будьте начеку, и я со своей стороны буду смотреть в оба».

– Так он уже в пути?

– В пути. Довольна ли ты теперь, милочка?

– О Боже мой! Неужели Ты сжалишься надо мной? – воскликнула донья Эльмина и зарыдала.

Девушки крепко обнялись, одновременно и плача и улыбаясь сквозь слезы.

Глава XIII

В которой дон Торибио и его приятель беседуют о кое-каких делах

Прошло несколько дней со времени представления капитана Бустаменте губернатору города Картахены дону Хосе Ривасу де Фигароа.

Мнимый капитан «Санта-Каталины», а на самом деле знаменитый флибустьер, так искусно сыграл свою маленькую роль, – как говаривал кровавой памяти король Карл IX – он изъяснялся на таком чистейшем кастильском наречии, выражал настолько глубокое отвращение к грабителям с Тортуги, Санто-Доминго и Ямайки, а в особенности с такой очаровательной непринужденностью выигрывал пиастры у новых приятелей, что все лица, присутствовавшие на вечерах губернатора, с первого же раза признали его за «старого христианина» и чистокровного испанца из старой Кастилии.

Заметим мимоходом, что в испанских колониях Америки и даже в самой Испании звание старого христианина – настоящий титул и присваивается он только тем, в чьем роду никогда не было ни индейской крови в Америке, ни мавританской в Испании.

Дон Хосе Ривас был очарован таким замечательным игроком, он радушно отворил двери своего дома для капитана Бустаменте.

Итак, все складывалось наилучшим образом: капитан Бустаменте был богат, пользовался почетом и уважением и вдобавок имел прелестное судно.

Однако капитан Бартелеми не был счастлив. На ясном небосклоне его судьбы виднелась темная тучка – правда, пока еще едва заметная. Но капитан знал, как в аргентинской пампе такая крошечная черная точка на горизонте в несколько мгновений может разрастись до громадных размеров и превратиться в ураган.

В этот день около семи часов утра достойный капитан задумчиво сидел в каюте своей шхуны «Санта-Каталина», облокотившись о стол и подперев руками голову, и трагическим взглядом смотрел на внушительных размеров стакан глинтвейна, стоявший перед ним.

– Это не может дальше так продолжаться, – пробормотал он, – я больше не человек, я не принадлежу сам себе. Черт меня побери, если я не превратился в вещь, которой вертят, как хотят! Надо так или иначе положить этому конец. Мне все это надоело...

Он встал, залпом осушил стакан и вышел на палубу.

– Спустить мою шлюпку, – приказал он вахтенному, который расхаживал взад и вперед по шкафуту.

Приказание исполнили немедленно.

Через несколько минут шлюпка отчалила от шхуны и направилась к берегу.

Едва капитан занес ногу на первую ступень пристани, как увидел перед собой высокую фигуру своего приятеля дона Торибио Морено.

Мексиканец улыбался.

Капитан, напротив, нахмурил брови.

Он знал: эта улыбка не предвещала ничего хорошего.

– Ты куда? – поинтересовался дон Торибио, протягивая ему руку.

– На берег, – лаконично ответил капитан, не взяв руки.

– Что-то задумал? – продолжал расспрос дон Морено, несколько не обидевшись.

– Ничего.

– Так пойдем позавтракаем вместе.

– Я не хочу есть.

– Говорят, аппетит приходит во время еды.

Капитан сделал нетерпеливый жест.

– Да что с тобой сегодня? – спросил дон Торибио, пристально вглядываясь в капитана.

– Не знаю, я раздражен. Пусти меня.

– Куда ты идешь?

– За своим ружьем, если тебе непременно надо знать.

– Неужели ты так им дорожишь?

– Разумеется, дорожу.

– В таком случае все складывается как нельзя лучше, мы поедем вместе. Я еду на свою ферму в Турбако.

– Я предпочитаю отправиться один.

– Возможно, но мне нужно переговорить с тобой, любезный друг.

– После переговорим.

– Нет, сейчас. То, что я должен тебе сказать, очень важно и не терпит отлагательства.

– А-а! – вскричал авантюрист, останавливаясь и глядя прямо в глаза собеседника. – Что происходит?

– Пока ничего, но скоро, пожалуй, что-то произойдет.

– Что же именно?

– Узнаешь. Поедем.

– Поедем, раз ты настаиваешь.

Держа на поводу двух оседланных лошадей, черный невольник неподвижно стоял в нескольких шагах от говорящих. Дон Торибио подал ему знак, и он подвел лошадей.

Мужчины вскочили в седлю.

Через пять минут они уже неслись по дороге.

Видя, что спутник упорно молчит, дон Торибио наконец решил начать разговор.

– Ты ведь принял на шхуну десять человек, которых я прислал к тебе четыре дня назад? – спросил он.

– Принял, хотя, признаться, не понимаю, на что тебе понадобился экипаж из шестнадцати человек на судне, которым легко управлять вчетвером.

– Тебе какое дело?

– Никакого, но хочу заметить: если ты делал выбор намеренно, то он удачен. Это сущие разбойники.

– Ба! Ты усмиришь их, не мне тебя учить, как за это взяться. Кстати, ты ведь также принял на борт порох и четыре орудия?

– Все спрятано в трюме.

– И ты готов сняться с якоря?

– По первому знаку. Уже двое суток я стою наготове на большом рейде.

– Хорошо.

– Ты доволен, тем лучше.

– И ты будешь доволен, когда узнаешь, что я хочу сделать.

– Какую-нибудь гадость, вероятно?

– Великолепную штуку. Ты знаешь, что у губернатора есть дочь?

– На которой ты женишься.

– Какой дурак наговорил тебе подобный вздор! – вскричал дон Торибио, пожимая плечами. – Я уже десять лет как женат, дружище. И, черт возьми, я не хочу быть двоеженицем.

– Чего же ты хочешь?

– Немногого. Ты ведь обедаешь сегодня у губернатора?

– Ну да.

– За десертом ты пригласишь губернатора с семейством, дон Лопеса Сандовалья, командующего гарнизоном, и всех присутствующих на вечер, который ты даешь на своей шхуне

перед уходом из Картахены, чтобы отблагодарить за оказанное тебе радушное гостеприимство, понимаешь?

– Не совсем.

– Все с радостью принимают твоё приглашение, а ты устраиваешь пир. Пока гости веселятся, играют, пьют и танцуют, ты тихонько снимаешься с якоря и выходишь в открытое море. В двух или трех милях от рейда мы берем с наших гостей выкуп – и шутка сыграна.

– А богатство-то свое ты бросишь, что ли?

– Мой бедный Бартелеми, до конца дней своих ты останешься простаком, – заметил дон Торибио, глядя на собеседника с насмешливой улыбкой. – Сколько бочонков принял ты на шхуну?

– Тридцать, черт возьми! Можно подумать, что ты сам не знаешь!

– Счет верен. Ну так вот, двенадцать из них набиты золотом. Я потихоньку превратил все свое состояние в деньги под предлогом грядущих больших трат для покупки земель, домов и так далее. Теперь все мое богатство на «Санта-Каталине», понимаешь?

– Еще бы!

– И как тебе мой план?

– Это изрядная гнусность! – отчеканил капитан.

– Ба-а! Разве, любезный друг, не все средства хороши в борьбе с испанцами?

– Может быть... А девушка?

– Девушки, хочешь ты сказать. Их ведь две, и обе хорошенькие.

– Две девушки?

– Да, да, и очень хорошенькие, приятель.

– Ага! Как же ты поступишь с ними?

– Еще не знаю, там поглядим, – самодовольно ответил мексиканец.

Уже несколько минут всадники взбирались на довольно высокий пригорок, с вершины которого открывался прекрасный вид на море, в ту минуту тихое и голубое.

Вдруг флибустьер вскрикнул.

– Что случилось? – спросил дон Торибио с изумлением.

– Что могло случиться! Ничего! Моя лошадь вдруг споткнулась, вот и все, – холодно ответил капитан Бартелеми, тревожно всматриваясь в даль, где на горизонте появилось едва заметное, с крыло чайки, белое пятнышко.

– Какой ты неумелый наездник, – насмешливо заметил дон Торибио.

– Что ж тут удивительного, раз я моряк.

– А потому плохой ездок, не правда ли?

– Положим. И что дальше? – грубо воскликнул Бартелеми.

– Уж не сердишься ли ты?

– Не сержусь, но считаю нелепым твоё подтрунивание надо мной.

– Не знал я за тобой такой щепетильности, брат.

– Уж не прикажешь ли мне стать другим? Принимай меня таким, какой я есть.

– Тьфу, пропасть! Ты словно колючий терновник! Не в духе ты, видно, сегодня.

– Может быть, – согласился Бартелеми, который во что бы то ни стало хотел отвлечь внимание товарища от моря, где, сначала незаметная, белая точка теперь быстро росла.

– Полно, не сердись, брат, я был не прав.

– Рад, что ты признаёшь это, – ответил Бартелеми угрюмо.

– Вернемся к нашему делу.

– К какому?

– О котором мы сейчас говорили, пропасть тебя возьми!

– А! Слушаю...

– Итак, решено, не правда ли? Ты пригласишь их.

- На какой день? – осведомился флибустьер, не отрывая взгляда от моря.
- Сегодня пятница... – начал дон Торибио.
- ...несчастный день, – заметил Бартелеми насмешливо.
- Эх ты, суеверный! Пригласи своих гостей на ближайший вторник.
- Пожалуй. Мы у самого Турбако. Если тебе нечего больше сообщить мне, то прощай или, вернее, до свидания. Увидимся вечером.
- До вечера.
- Они разошлись в разные стороны.
- Всадники находились совсем неподалеку от узкой тропинки, которая вела к шалашу, прежнему жилищу Берегового брата.
- Дон Торибио продолжал свой путь и въехал в деревню, а капитан направился к лесу.
- Как только исчезнет надобность в его помощи, я сумею от него избавиться, – пробормотал мексиканец, посмотрев вслед товарищу.
- Как долго еще Господь будет терпеть на земле этого подлеца и допускать его злодеяния? – пробормотал в свою очередь капитан Бартелеми, углубляясь в лесную чащу.

Глава XIV

Капитан Бартелеми приставляет глаз к щели, чтобы лучше видеть, а ухо прикладывает к перегородке, чтобы лучше слышать

Спустя минуту после прощания с доном Торибио Морено капитан Бартелеми, сделав круг по лесу, вернулся на прежнюю дорогу и осторожно последовал за мнимым мексиканцем на таком расстоянии, чтобы не быть замеченным им.

Он увидел, что, вместо того чтобы направиться к своей ферме, дон Торибио, напротив, свернул к трактиру, пользующемуся крайне дурной славой: тут имели обыкновение собираться бродяги и мошенники, которыми испанские колонии, точно пользуясь особой привилегией, кишмя кишели с первого дня своего существования.

Дон Торибио Морено сошел с лошади и без малейшего колебания направился в кабак с видом человека, вполне привычного к посещениям подобного рода подозрительных заведений.

Мы забыли упомянуть, что за те полчаса, на которые капитан Бартелеми оставил его одного, мнимый мексиканец перед въездом в деревню, спрятавшись за кустом, воспользовался безлюдьем и переоделся. Он настолько изменил свой внешний вид, что теперь его не узнал бы никто, кроме, разумеется, Бартелеми, одаренного зорким глазом и весьма заинтересованного во всем происходящем.

Подъехав чуть позже к кабаку, капитан остановил лошадь. С минуту он колебался. Было совершенно очевидно, что стоит ему появиться в общей зале, взгляд мексиканца упадет прямо на него и он будет узнан. Именно этого флибустьер и хотел избежать.

Это было одно из тех затруднений, которые возникают случайно и разрушают любые, даже самые тщательно обдуманные планы.

Но капитан Бартелеми был из числа тех энергичных, с железной волей людей, которые, сильно захотев чего-либо и приняв решение, скорее дадут убить себя, чем отступятся от задуманного.

– Ба-а! – пробормотал он, выразительно пожав плечами. – Кто ничем не рискует, тот ничего не получает. Как мексиканец ни хитер, все же не у него мне учиться хитрости. К тому же я заслужил от Бога это вознаграждение!

Он поднял лошадь на дыбы, чтобы привлечь к своей особе внимание, а когда никто не вышел из трактира, крикнул громовым голосом:

– Эй, трактирщик! Выйдешь ли ты, мерзавец, черт тебя побери?!

Почти мгновенно на пороге явился субъект в жалких лохмотьях, худосочный, кривобокий и горбатый, с лицом-треугольником и голодным выражением круглых, точно буравом просверленных карих глаз, в которых, однако, светился ум.

Этот прелестный образчик индейской расы – человек этот был индеец – держал в руке засаленную шляпу и лукаво поглядывал на путешественника. Наконец он решился подойти.

– Что прикажете, ваша милость? – сказал он, низко кланяясь и беря лошадь под уздцы.

– Хочу, – ответил капитан, – чтобы ты отвел мою лошадь на конюшню, а мне подал водки.

– Здесь? – хитро спросил индеец.

– Нет, – с живостью возразил капитан, – в общей зале или, если там слишком людно, в отдельной комнате. Я заплачу, что причитается.

И он сделал движение, чтобы сойти с лошади.

– Вам будет хорошо в общей зале, ваша милость, посетители не побеспокоят вас.

– Это почему? – спросил капитан, спрыгнув наземь.

– Потому что во всем доме пусто, ни единой души.

Капитан пытливо взглянул на индейца, но тот выдержал его взгляд, не опуская и не отводя глаз.

– Это другое дело, любезнейший, – ответил капитан, положив ему руку на плечо, и прибавил, слегка понизив голос: – Хочешь заработать унцию золота?

– Гм, ваша милость, я предпочел бы две, – не задумываясь, ответил индеец и выразительно подмигнул.

– Я вижу, мы можем поладить.

– Ваша милость, такой бедняк, как я, который за весь год не зарабатывает более восьми пиастров, – когда на его долю случайно выпадет счастье получить иное вознаграждение, помимо палочных ударов, всегда уладит дело с господами, удостоившими его своим доверием... Особенно если они покажут ему свои унции золота.

Слово *покажут* было произнесено с ударением, в значении которого капитан ошибиться не мог.

Он достал из кармана длинный красный кошелёк, сквозь шелковые петли которого поблескивало золото, и, с ювелирной точностью выхватив правой рукой две унции и зажав их между большим и указательным пальцем, поиграл деньгами перед жадно блеснувшими глазами нищего индейца.

– На что ты готов, чтобы заработать это золото и даже вдвое больше, если я останусь тобой доволен? – с улыбкой спросил капитан.

– Я весь к вашим услугам, ваша милость, – ответил индеец с непередаваемым выражением лица. – Что нужно сделать? Я ваш душой и телом.

Капитан зажал золото в руке и спросил:

– Где конюшня?

– Там, за домом, ваша милость. Вы отсюда можете видеть ее.

– Хорошо. Даю тебе пять минут, ни секундой больше, чтобы отвести мою лошадь на конюшню и вернуться. Если ты кому-нибудь скажешь хоть слово, считай, что мы ни о чем с тобой не договаривались. Понял? Ступай!

– Ах, ваша милость, я буду нем как рыба.

Индеец увел лошадь. Через три минуты он уже вернулся.

– Я доволен тобой, – сказал капитан, – теперь вникни хорошенько в то, что я скажу: с четверть часа назад к этому дому подъехал всадник. Ты отвел его лошадь на конюшню, как сейчас отвел мою. Я хочу, чтоб ты поместил меня в таком месте, где я мог бы видеть этого всадника и слышать все, что он скажет, между тем как он не будет подозревать о моем присутствии. Если ты в точности исполнишь мое требование, я заплачу тебе не две, а четыре унции золота. А чтобы ты не думал, что я обманываю тебя, вот тебе две унции задатка.

Он опустил золото в дрожащую руку индейца.

Тот спрятал золото с таким проворством, что капитан не заметил, куда оно девалось.

– Кстати, чуть не забыл. Должен предупредить тебя для твоей же пользы, – прибавил Бартеlemi, нахмутив брови, – при малейшем подозрении в измене я пристрелю тебя как собаку.

И, приподняв край своего плаща, он показал индейцу массивные рукоятки двух пистолетов, заткнутых за шелковый пояс.

– Ваша милость, – с величавым достоинством возразил индеец, – если бы я имел честь быть вам знакомым, вы бы знали, что Тонильо не изменник. Мой хозяин теперь отдыхает после обеда, стало быть, я один распоряжаюсь в доме, и клянусь вам той долей блаженства, которую надеюсь вкусить в раю, что вы услышите все, о чем будут говорить люди, которые вас интересуют. К тому же это дрянные посетители, – прибавил он тоном насмешливого презрения, – они сидят с добрый час и еще ничего не заказали, ни на один реал. А ведь прежде всего я должен соблюдать выгоды заведения.

– Это справедливо! – посмеиваясь, согласился капитан.

– Пойдемте, – сказал индеец.

И капитан пошел вслед за ним.

Тонильо, как звали индейца, не вошел в общую залу, а обогнул угол дома и направился через конюшню к двери, не запертой на ключ. Он привел капитана в какой-то подвал, где было сложено несколько бочонков с водкой и вязанок сорок сена для лошадей.

Тонильо осторожно отодвинул вязанки, прислоненные к стене, и указал капитану на довольно широкую щель в перегородке.

– Здесь вам будет удобно, – сказал он.

– Хорошо, можешь идти, – ответил флибустьер. – Смотри, чтобы не увидели моей лошади. Когда эти люди соберутся уезжать, вернись сюда.

Индеец отвесил почтительный поклон, вышел из подвала и затворил за собой дверь.

Капитан внезапно очутился в глубоком мраке.

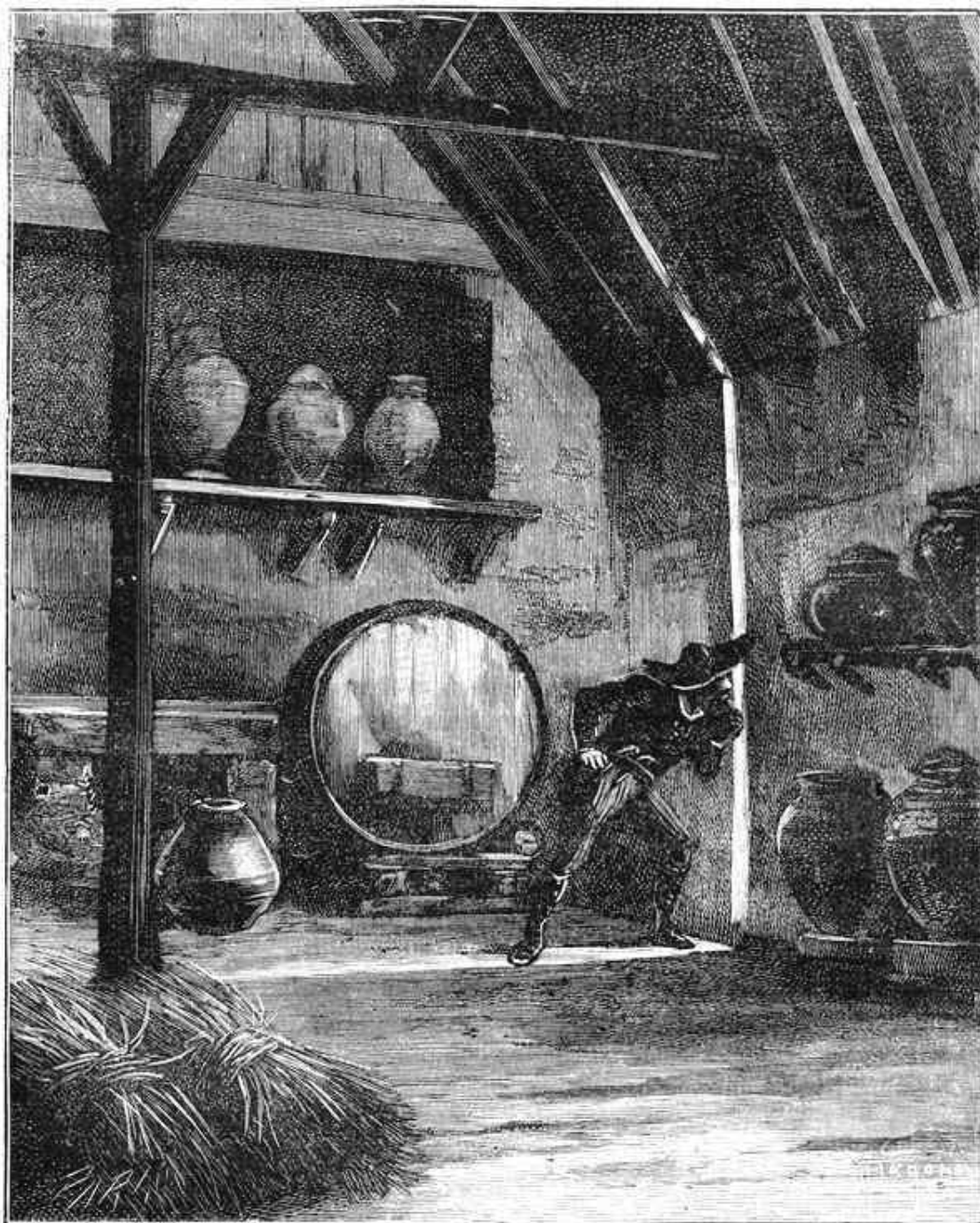
Единственный свет исходил от широкой щели, указанной индейцем.

– Я всегда знал, – пробормотал себе под нос капитан свойственным ему насмешливым тоном, – что Господь никогда не покидает честных людей.

И, пристроившись как можно удобнее, он приложил глаз к щели.

Взгляду его представилась одна из тех живописных картин, которые наш бессмертный Калло¹³ уже тогда начал гравировать во время своих странствий с цыганами.

¹³ Жак Калло (1592–1635) – французский художник-гравер, чьи офорты поражают своими фантастическими образами.

В зале, довольно обширной, но едва освещенной светом, идущем через узкие окна, тусклые стекла которых были покрыты паутиной, и где табачный дым густым облаком стлался под потолком, находились человек двадцать сущих висельников. Именно висельниками они и были, если судить по их лицам с низкими лбами, выступающими, словно хищные клювы, носами, коварными взглядами, бросаемыми друг на друга, и усами, лихо закрученными вверх и точно готовыми проткнуть потолок.

Люди эти были одеты в сущие отрепья, но драпировались они в них с искусством, которым владеют только испанцы, в случае нужды способные соорудить живописный наряд из простой бечевки. Все они расположились вокруг столов на полу в самых причудливых позах. И все были отлично вооружены.

У каждого имелась не только висевшая на боку длинная шпага с рукояткой в виде раковины, но и пистолеты, засунутые за пояс, и широкие кинжалы с роговой рукоятью – за голенищем правого сапога.

Капитан с минуту отыскивал глазами среди этой пестрой толпы бродяг и разбойников своего «приятеля». И вскоре обнаружил его сидящим на единственном стуле, который был в зале. Прислонившись к спинке и закинув ногу на ногу, мексиканец, по своему обыкновению, курил превосходную сигару.

В ту минуту, когда флибустьер начал свое наблюдение, дон Торибио Морено держал речь. Разбойники слушали его с величайшим вниманием.

– Господа! – небрежно говорил он, пуская густые клубы дыма через ноздри и рот. – Я не понимаю ваших сомнений. В чем же, наконец, дело? Ведь проще, ей-богу, и быть ничего не может.

– Проще! – подхватил хриплым голосом рослый детина отвратительной наружности, кривой на правый глаз и косой на левый. – Гм! Видно, вашей милости угодно шутить. Я не нахожу этого дела таким уж простым.

– Черт тебя побери, любезный Матадосе, – возразил дон Торибио примирительным тоном. – Ты вечно находишь сложности в пустяках.

Достойный Матадосе, к слову сказать, внешним видом своим вполне заслуживающий свое прозвище, которое по-испански означает буквально «убивший дюжину», ответил невозмутимо:

– Я возражаю потому, ваша милость, что я честный человек и, чтобы не заслужить укора, добросовестно исполняю все, за что берусь. Что касается девчонок – дело простое: петля, стянутая более или менее крепко, – и все тут! И ребенок справится с этим. Бедные пташки, они и не смогут защищаться... И наконец, мы же будем в море, далеко от нескромных глаз. Никто не посмеет помешать нам... Но вопрос в том, что это еще не все.

– Да, да, – ответил дон Торибио, посмеиваясь, – я знаю, что вас останавливает.

– Черт побери! Еще бы, ваша милость. Я видел знаменитого капитана Бустаменте, как вы изволите называть его, и клянусь, мне кажется, с ним будет трудно справиться.

– Да вас-то ведь двадцать!

– И что с того! Послушайте-ка: не далее как три дня назад человек двенадцать из наших поджидали, когда он выйдет от губернатора. Говорят, он чертовски удачлив в игре, и, признаться, мы хотели избавить его от части выигрыша за этот вечер. Темно было, хоть глаз коли. И вот он подходит, и мы накидываемся на него со всех сторон сразу. Другой бы немедленно сдался и просил пощады, не правда ли?... Как бы не так!.. Что делает этот черт? Обнажает длинную шпагу и, не говоря ни слова, бросается на нас! Меньше чем за три минуты искрошил пятерых, двоих-троих поранил и удалился, показывая нам кукиш. Нет, нет, ваша милость, это нелегкое дело. И наконец, поскольку сам я человек служивый, то полюбил его. Это малый что надо! Мне он мил, клянусь честью, и меньше чем за тридцать унций я не убью его. И точка на этом!

– И точка! – хором подхватили остальные разбойники.

– Как угодно, ваша милость, меньше мы не возьмем, – повторил Матадосе.

Дон Торибио задумался.

– Пусть будет так! – спустя минуту вскричал он с гримасой, которая заменяла собой улыбку. – Пусть будет по-вашему, упрямы. Но я балую вас, честное слово! Каждый получит по тридцать унций! Только в этот раз, надеюсь, вы действительно убьете его.

– Мы честные люди, ваша милость, – с достоинством ответил разбойник. – И, благодарение Богу, известны своим благородством. Мы всегда добросовестно отрабатываем свои деньги.

– Никогда я не сомневался в вашей честности и вашем благородстве, – улыбнувшись, заверил общество дон Торибио. – Итак, теперь мы обо всем договорились... ведь договорились, кажется?

– Договорились, ваша милость, – ответили разбойники хором.

– За исключением задатка, – вкрадчиво вставил Матадосе.

– Каждый из вас сейчас получит по десять унций, остальное – после дела. Только помните, что вы всегда должны быть у меня под рукой. Я отправлю вас на шхуну только в последнюю минуту.

...Капитан Бартелеми счел, что услышал достаточно, и выбрался из своей засады.

Спустя пять минут, отдав честному Тонильо причитавшиеся ему две унции золота, он, прищпорив своего коня, быстро удалялся от трактира.

– Тьфу, пропасть! – бормотал он сквозь зубы. – Этот гад еще ядовитее, чем я полагал. Хорошо, что я подкараулил его и все подслушал. Это единственное средство докопаться до истины! Как, однако, хорошо быть недоверчивым!

Глава XV

Капитан Бартелеми отправляется за своим ружьем

Отъехав на расстояние ружейного выстрела от Турбако, капитан Бартелеми пустил лошадь во весь опор и, достигнув узкой лесной тропинки, решительно углубился в чашу.

Тропинка эта вела к шалашу, в котором так долго жил капитан и где мы увидели его в первый раз, хотя выглядел он тогда совсем по-другому, нежели теперь.

Еще издали, не доехав до шалаша, он увидел у входа негра верхом на лошади. Другую лошадь он держал в поводу.

– Слава богу! – прошептал капитан. – Она дождалась меня!

Он вонзил шпоры в бока лошади, и та помчалась стрелой.

Заслышав бешеный топот копыт, из шалаша вышла прелестная молоденькая девушка. Это была донья Лилия.

В мгновение ока капитан подскакал, спрыгнул наземь, бросил повод негру и почтительно раскланялся со своей очаровательной гостьей, а потом вслед за ней прошел в шалаш.

– Долго же вы заставили себя ждать, сеньор! – воскликнула донья Лилия, пленительно надув губки. – Разве вы не получили моего письма? Или, быть может, вы забыли, что в нем было написано?

– Вы ведь сами так не думаете, сеньорита. Напротив, вы абсолютно убеждены, что любое ваше слово для меня равнозначно приказанию, которому я с радостью готов повиноваться.

– Но только не с поспешностью, – вставила девушка, улыбнувшись.

– Сеньорита, я направлялся прямо сюда, когда неожиданно-негаданно столкнулся нос к носу со своим достопочтенным другом сеньором доном Торибио Морено. Вот уже несколько дней как он – прости господи! – точно задался мыслью не отходить от меня ни на шаг. Он так упорно вертелся около меня, что я едва высвободился из его когтей с час назад.

– И вам понадобился целый час, чтобы доехать сюда? Перемените свою лошадь, любезный капитан. У бедного животного, должно быть, страшно разбиты ноги.

– Смейтесь, смейтесь, сеньорита, – с обиженным видом ответил капитан, – доброе же у вас сердце, когда вы так радуетесь моим невзгодам!

– Полноте, вот вы уже и сердитесь, капитан! Еще одна уловка, чтобы как-нибудь вывернуться.

– Нисколько, сеньорита, и в доказательство я скажу вам все: я ездил в трактир.

– Выпить чарочку?

– Нет.

– Отведать винца, хотите вы сказать? – насмешливо продолжала девушка.

– Шутите сколько угодно, сеньорита, но я вовсе не весел, смею вас уверить. Я пробрался в отвратительный сарай и, приложив глаз к щели в перегородке, увидел и услышал такие вещи, от которых содрогнулись бы алькальд и даже алыгвазил¹⁴, по природе своей люди отнюдь не робкого десятка.

– И что же такого удалось вам увидеть и услышать, капитан? – полюбопытствовала донья Лилия.

– Этого я, видите ли, сказать не могу, – ответил капитан, качнув головой.

– Стало быть, это все какая-то чепуха?

– Чепуха?!

– Тогда что же? Вы с головы до пят окутаны таинственностью.

– Увы! – воскликнул Бартеlemi. – Разве моя вина, сеньорита, что вся наша жизнь состоит из тайн? Идем мы куда-то или возвращаемся, спим или бодрствуем, все вокруг нас – тайна! Отовсюду веет на нас таинственный мрак, он витает у нас над головой, глухо рокочет под ногами!

– Уж не сходите ли вы с ума, любезный капитан? – с изумлением сказала девушка, пристально взглянув в лицо Бартеlemi.

– Я?

– Разумеется, вы.

– Насколько мне известно, нет. Я только отвечаю вам, сеньорита.

– Ах! И это вы называете «отвечать»?

– Когда же я говорю вам, сеньорита, что тайна...

– Довольно, капитан, ради бога! – поспешно перебила донья Лилия. – Не повторяйте снова!

– Как вам угодно.

– Видно, мне придется отказаться от того, чтобы узнать что-либо от вас.

Бартеlemi молча и почтительно поклонился очаровательной собеседнице.

– Фи, какой плохой! Ничего толком говорить не хочет! Знаете ли вы, по крайней мере, что происходит?

– Происходит много разных разностей, сеньорита.

– И среди прочих одна стоит особняком!

– Какая же именно?

– Свадьба моей кузины с сеньором доном Торибио Морено назначена на будущий четверг. Что вы на это скажете?

– Что же сказать? Это смешно.

– Злой человек! Так-то вы принимаете эту страшную весть!

– Позвольте, сеньорита, прошу не смешивать одно с другим. Если бы этому браку, по понятным причинам ненавистному вашей пленительной кухне, суждено было совершиться, – вот тогда вы бы видели меня в отчаянии. Но так как он не состоится никогда, то это известие просто смешит меня.

– Послушайте, капитан, вы, право, стоите того, чтобы я выцарапала вам глаза.

– Мне!.. Вот тебе на! За что?

– Я приезжаю сюда с отчаянием в душе, чтобы почерпнуть у вас утешения и поделиться с вами горем, а вы только одно и твердите: этот брак не состоится. Не вы ли помешаете ему?

¹⁴ Алыгвазил – судебный исполнитель.

– Гм, гм!.. Как знать?! – насмешливо заметил капитан. – Пожалуй, что и помешаю. Во всяком случае, если не я остановлю его, то это сделает некто другой, кого я знаю.

– Ваш знаменитый капитан Железная Голова?

– Именно, сеньорита.

– Который все едет, да никак не приедет! – с досадой воскликнула девушка.

– Ошибаетесь, сеньорита, он приехал.

– Он?

– Именно.

– Медвежонок Железная Голова?

– Он самый, сеньорита.

– Вы видели его?

– Признаться, еще нет.

– О чем же вы мне толкуете?

– Позвольте...

– Я горю нетерпением, а вы как нарочно мучаете меня! – вскричала девушка, в гнев топнув крошечной ножкой.

– Можете ли вы говорить так, сеньорита, когда я исполняю все, что вы приказываете?

– Перестанете вы или нет?

– Если в двух словах, то дело вот в чем, сеньорита: час назад, въезжая на пригорок, все также в обществе моего почтенного приятеля дона Торибио Морено... вот кому, между прочим, я готовлю хороший сюрприз!..

– Да продолжайте же, капитан, продолжайте, ради всего святого!

– ...я увидел два больших корабля, которые показались на горизонте: фрегат и бриг...

– И это единственный признак?

– Для меня его вполне достаточно, сеньорита, и вот почему: фрегат идет со взятым на гитовы грот-брамселем и распущенным красным фор-брамселем.

– Вы же знаете, что я не поняла ни слова из того, что вы сейчас сообщили!

– Подозреваю, сеньорита. Но для меня-то все ясно! Словно буквами высотой в шесть футов написано, что это фрегат Медвежонок Железная Голова.

– Ах, боже мой! – Донья Лилия побледнела и пошатнулась.

– Что с вами? Уж не змея ли вас ужалила?

– Меня, капитан? Ничуть не бывало! Это от волнения.

– И я предпочитаю последнее, сеньорита, – по крайней мере, опасности нет.

– Но вы сообщаете новости так внезапно!

– Ну вот! Не говорю – вы грозите выцарапать мне глаза, говорю – падаете в обморок. Прекрасное у меня положение, нечего сказать!

– Молчите!

– Подчиняюсь...

– Отвечайте же!

– Как! Опять?

– Когда должен прибыть капитан Железная Голова?

– В эту ночь, по всей вероятности.

– Можете вы связаться с ним?

– Мог бы, то есть... нет, не могу!

– Не объясните ли вы мне этого противоречия?

– С легкостью, сеньорита. Я мог бы, если бы имел лодку, какую-нибудь пирогу или выдолбленное бревно, что бы то ни было... Не могу же потому, что не располагаю ни одним из вышеозначенных средств для плавания и, при всем своем желании, не в силах проплыть

мили четыре по меньшей мере, уж не говоря об акулах, которые, вероятно, сожрали бы меня мимоходом, так как имеют дурную привычку шнырять возле берега.

– Стало быть, вы нуждаетесь в лодке?

– Боже мой! Я удовлетворюсь чем угодно, лишь бы было куда сесть.

– Если бы я достала вам индейскую пирогу, смогли бы вы ею воспользоваться?

– Предел мечтаний!

– В каком же смысле?

– Я просто хотел сказать, что ничего не может быть удобнее.

– Пирог у вас достану.

– В самом деле?

– Да.

– Сейчас?

– К какому времени она вам нужна?

– Позвольте, сеньорита... Солнце заходит часов в семь или в половине восьмого. Раньше восьми полная темнота не наступит... мне нужна эта ладья, или пирога, или как бы это ни называлось, где-то к половине девятого, но не позднее.

– Это почему?

– Принимая во внимание, сколько времени понадобится, чтобы привести пирогу в то место, откуда я должен отчалить... потом кратчайший срок на переезд... я не могу попасть на фрегат раньше полуночи.

– Не поздно ли это будет?

– Нет, сеньорита, напротив, самое лучшее время. Месяц всходит только в одиннадцать, а я уже буду так далеко от берега, что меня не увидят.

– Ну что ж, капитан... Вам лучше знать.

– Да, да, сеньорита, будьте спокойны, я все устрою, положитесь на меня.

– Капитан, вы премилый человек, я вас очень люблю.

– Ах, если б это было правдой! – вскричал Бартеlemi с трагикомическим видом.

– А когда мы увидим капитана Железная Голова?

– Кого? Медвежонка?

– Да, капитана Железная Голова.

– Когда же вы желаете его видеть?

– Разве вы не понимаете, что моя кузина будет рада увидеть его как можно скорее?

– Постойте-ка!

– Что такое?

– Позвольте прикинуть.

– Вам бы только прикидывать!

– Но ведь это единственное средство не ошибиться. Можете ли вы выходить в ваш сад, когда вам заблагорассудится?

– Кто же нам запретит? Мы с кузиной совершенно свободны.

– Хорошо. Тогда извольте же нынче часа в три утра прогуливаться вдвоем, как ни в чем не бывало, близ калитки, которая вам известна.

– У той, что в самом конце сада, со стороны леса?

– Именно.

– А дальше что?

– А то, что, вероятно, некое отчасти знакомое вам лицо постучится в эту калитку...

– Ах, капитан, если это сделаете вы, то я...

– Что? – с живостью перебил он.

– Повторяю вам, вы будете самым милым человеком, и я буду крепко любить вас.

– Так решено, я привезу вам Медвежонка, живого или мертвого.

– Кузина предпочла бы первое.

– Еще бы! Да и он также, надо полагать. Вы ничего больше не желаете спросить у меня, сеньорита? Не стесняйтесь.

– Нет, ничего.

– Так я напоминаю вам о пироге для меня.

– Следуйте за мной на расстоянии, я укажу вам место, где она находится. Смотрите, не забывайте вашего обещания.

– Я скорее умру, чем обману вас.

– Вот моя рука! До свидания, капитан.

– До свидания, сеньорита, – ответил он, целуя протянутую ему крошечную ручку.

Девушка присела в грациозном поклоне, дополнив его пленительнейшей улыбкой, и вышла из шалаша.

Спустя минуту раздался быстро удаляющийся лошадиный топот.

Оставшись один, капитан подозрительно осмотрелся вокруг, наклонился к куче сухих листьев в углу и, порывшись в них, достал свое буканьерское ружье, спрятанное некоторое время назад.

– Мой «желез»! – весело воскликнул он. – Хорошо быть предусмотрительным. Я встречу со своим славным товарищем и докажу, что я не обманщик.

В половине одиннадцатого капитан Бартелеми сел в пирогу и стал грести к флибустьерским кораблям, замеченным им днем. Для большей предосторожности он обернул весла ветошью, и плеска воды не было слышно.

Глава XVI

Как капитан Бартелеми встретил старых друзей

Ночь была темная. Двое суток дул свежий ветер. Флибустьерская эскадра находилась уже на виду Картахены, но лавировала в открытом море в пяти милях от рейда, не осмеливаясь подходить близко к берегу: Медвежонок Железная Голова не имел точных сведений о том, что происходит в городе.

Вахтенный на «Задорном» пробил четыре склянки, то есть десять часов. То же повторилось на «Бунтаре». В эту минуту на палубе «Задорного» появился человек. Он был тщательно закутан в широкий плащ. Капюшон, наброшенный на голову, не позволял рассмотреть его лица.

Увидев человека, вахтенный офицер вполголоса отдал приказание, матросы бросились исполнять маневр, судно немедленно сделало поворот. На фрегате убрали грот-марсель и легли в дрейф.

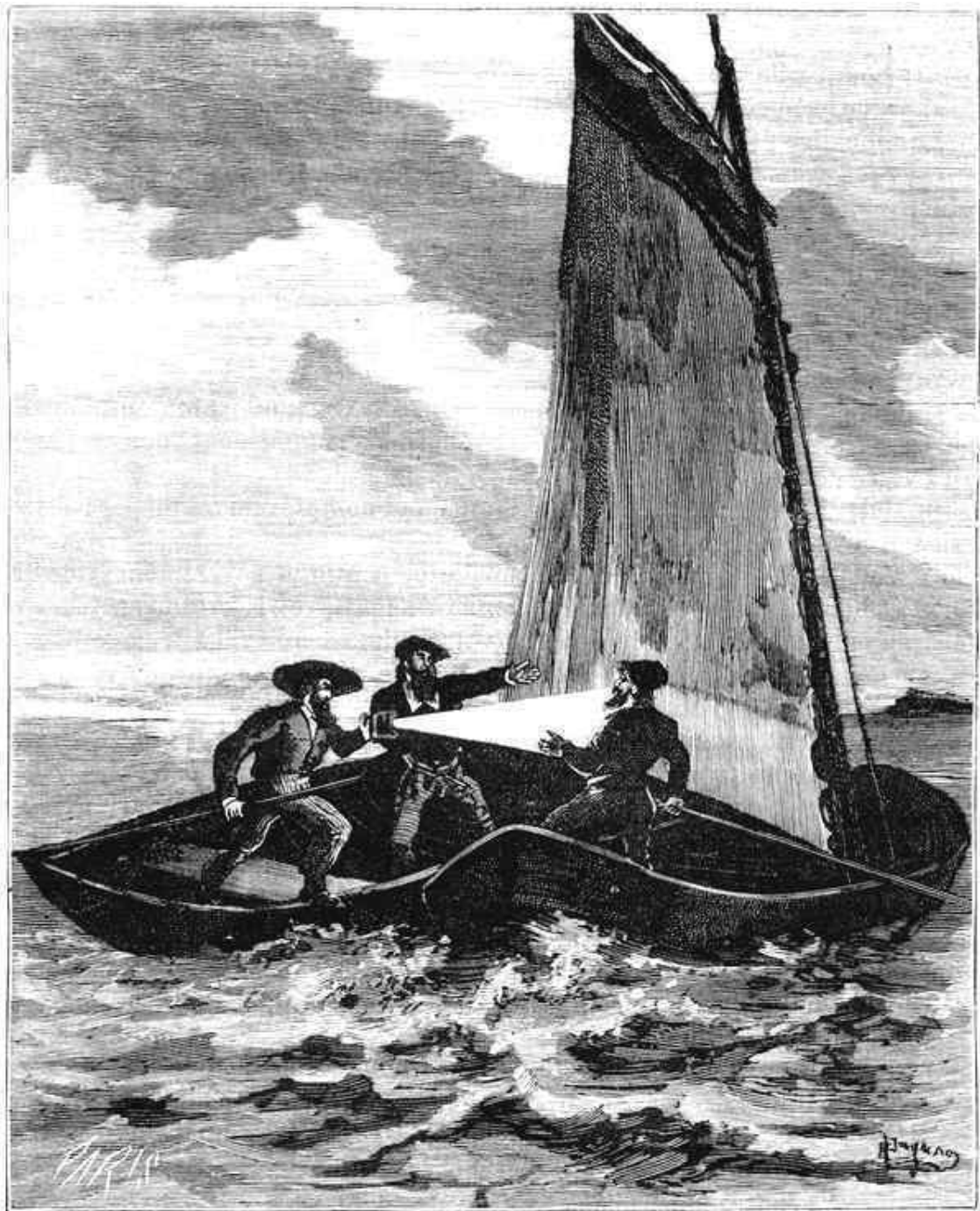
Человек в широком плаще молча сошел в спущенный на воду баркас, где уже находилось человек двенадцать Береговых братьев, хорошо вооруженных. Весла баркаса были обернуты ветошью. Баркас отчалил от фрегата, который опять принялся лавировать.

Как уже говорилось, ночь была темная, волнение сильное. Высокие мачты фрегата и менее высокие мачты брига почти сразу исчезли во мраке. Баркас направился прямо к берегу, который простирался громадной черной линией на горизонте.

Двое сидели на корме баркаса: Олоне и человек в плаще – капитан Медвежонок Железная Голова.

– Сушите весла, ребята, – приказал Олоне немного погодя. – Поставьте мачту и поднимите парус.

Спустя пять минут баркас уже мчался по верхушкам волн, слегка наклонившись на правый борт, точно хотел коснуться парусом их пенистых гребней.

Прошло два часа. На баркасе царило молчание, только изредка раздавались команды Олоне.

Берег приближался прямо на глазах. В темноте уже можно было рассмотреть прихотливые очертания земли.

Два Береговых брата с минуту тихо совещались, потом Олоне велел убрать парус, опустить мачту и взяться за весла.

Пока исполнялся этот маневр, на небольшом расстоянии от баркаса появилась красноватая точка и хриплый голос крикнул по-французски:

– Эй, на лодке!

– Эй! – тотчас отозвался командир.

– Что бы это значило? – пробормотал Олоне. – Странно, голос мне как будто знаком.

– И мне тоже, – ответил Медвежонок Железная Голова, – впрочем, сейчас мы все узнаем. Он приложил ко рту руки рупором и крикнул:

– Кто идет?

– Береговой брат! – немедленно прозвучал радостный ответ.

– Какое судно? – спросил Медвежонок.

– Индейская пирога с одним человеком.

– Причаливай!

– Будьте наготове.

Предостережение оказалось излишним: любопытство флибустьеров было подстегнуто странной встречей, и все стояли настороже.

Вскоре две лодки поравнялись, и, не дожидаясь приглашения, приплывший на пироге человек легко перепрыгнул на корму баркаса.

Олоне тотчас же открыл потайной фонарь.

– Бартелеми! – вскричал он с изумлением.

– Олоне! Медвежонок! – радостно ответил тот. – Вот счастье-то, ей-богу! Добро пожаловать, братья! – прибавил он, протягивая им обе руки, которые флибустьеры дружески пожали.

– Так ты узнал нас? – спросил Медвежонок.

– Еще бы, со вчерашнего дня наблюдаю. Как назло, я мог пуститься в путь только ночью.

– Да как же ты попал в эти края? – спросил Олоне.

– Это длинная история, быстро не расскажешь.

– Мы считали тебя погибшим, – заметил Медвежонок.

– Я и впрямь чуть было не отдал концы, но теперь жив и здоров и весь к вашим услугам, братья.

– Мы этим воспользуемся, – сказали в один голос оба флибустьера.

– А ты, если имеешь в нас нужду, говори прямо, – прибавил Медвежонок.

– Я так и поступлю, – ответил Бартелеми. – А теперь куда вы идете?

– Ищем удобного места, где бы пристать к берегу, не возбуждая ненужного любопытства.

Нужно собрать необходимые нам сведения.

– В таком случае пусти меня к рулю, Олоне... Весла на воду, ребята, – обратился Бартелеми к матросам, – через четверть часа мы будем у цели.

– Зачем же нам двигаться дальше, когда ты можешь рассказать все, что нас интересует? – заметил Олоне.

– Я действительно могу снабдить вас всеми нужными сведениями, но, братья, поверьте, вам лучше сойти на берег.

– Так вперед, и да хранит нас Бог!

Гребцы склонились над веслами, которые, словно ивовые прутья, гнулись в их могучих руках. Баркас неся по морю, словно чайка. Один из матросов перешел в легкую пирогу капитана Бартелеми и плыл в кильватере баркаса.

– Теперь скажи мне... – начал было Медвежонок Железная Голова.

– Тсс... – повелительно остановил его Бартелеми, – мы переговорим на берегу. Теперь я должен пустить в ход всю свою сметливость, чтобы не допустить ошибки.

Уже некоторое время баркас шел в тихой воде. Вскоре над ним раскинулся лиственный свод, образованный зарослями корнепусков. Последовал легкий толчок, что-то заскрипело, и баркас замер.

– Мы на месте, – сказал Бартелеми, – здесь вас не отыщут и за две недели. Впрочем, и берег-то этот весь пустынный. Привяжите баркас к стволу дерева, оставьте одного человека караулить и следуйте за мной.

Флибустьеры повиновались и последовали за Бартелеми. Шли ощупью, так было темно, но вскоре все почувствовали твердую почву под ногами. Олоне передал свой фонарь капитану Бартелеми.

– Да мы, похоже, в каком-то гроте! – вскричал Олоне. – Это превосходно!

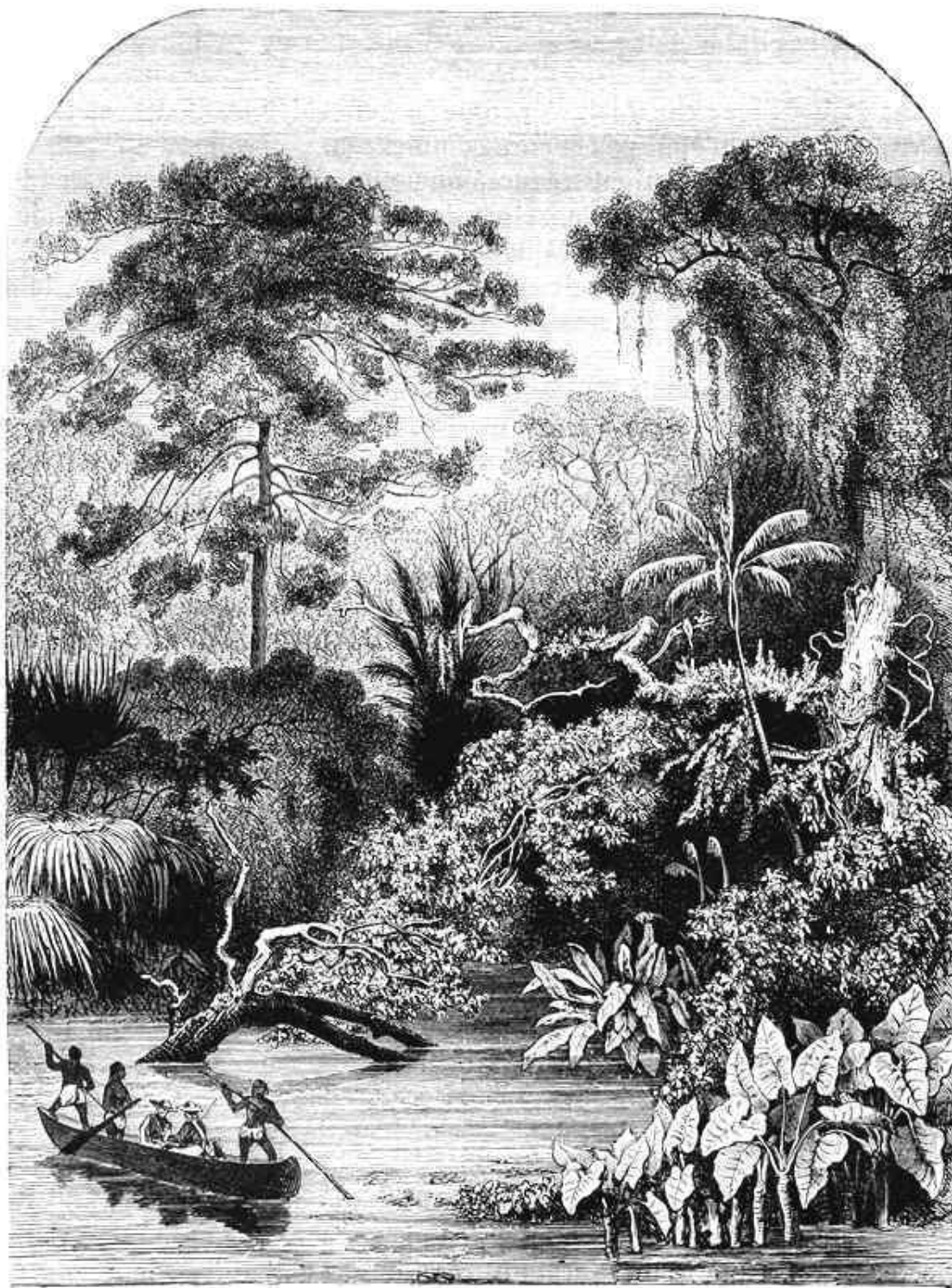
Действительно, они находились в естественном гроте.

Пройдя несколько поворотов, они увидели мелькнувший вдали огонь.

Флибустьеры приостановились в нерешительности, не зная, стоит ли идти дальше.

– Не бойтесь, это я развел костер перед выходом в море, – сказал Бартелеми. – Погрейтесь, братья.

Флибустьеры не заставили повторять приглашение: все изрядно продрогли.

Бартелеми показал себя гостеприимным хозяином, он ничего не упустил из виду. Береговые братья с радостными восклицаниями обнаружили несколько корзин со съестными припасами и напитками, которым не замедлили оказать подобающее внимание.

– Братья, – сказал Бартелеми, – пейте, ешьте, спите и ничего не опасайтесь! Здесь вы в безопасности.

Потом он обратился к Медвежонку.

– А теперь можешь спрашивать меня, брат, – прибавил он, – я готов сообщить все необходимые тебе сведения.

– Говори, брат, – ответил Медвежонок.

– Не здесь. То, что я должен сообщить тебе, должно быть сказано один на один.

Медвежонок поднял на него изумленный взгляд.

– Следуй за мной. Ты вскоре поймешь, что я имею в виду.

Дав вполголоса наставления Олоне, Медвежонок взял свое ружье и обратился к Барте-леми:

– Я готов идти, брат.

Они вышли из грота и почти мгновенно очутились у подножия горы, на вершине и откосах которой лепились амфитеатром домики прелестной деревушки.

– Прежде чем идти дальше, – заговорил буканьер, остановившись, – я должен задать тебе несколько вопросов. Расположен ли ты отвечать на них?

– Разумеется! Я знаю, что ты человек честный и настоящий Береговой брат.

– Спасибо. Получил ли ты с месяц назад в Пор-Марго записку из трех слов и с печатью, значение которой известно тебе одному?

– Получил, брат.

– Связано ли твое прибытие сюда с получением записки или простой случай привел тебя в эти места?

– Едва получив записку, я снарядил экспедицию и направился к Картахене.

– С какой целью?

– Чтобы, не теряя времени, явиться на зов к особе, которая прибегла к моей помощи, и, если понадобится, пожертвовать жизнью, чтобы спасти ее, – с чувством произнес Медвежонок.

– Хорошо, брат. Теперь я знаю все, что нужно. Следуй за мной.

– Куда мы идем?

– Будь тверд, брат. Я веду тебя к той, которая писала записку. По ее приказу я и доставил тебе ее послание.

– О! Неужели это правда, брат!.. – вскричал капитан.

– Ты сомневаешься в моих словах?

– Нет, нет, извини! У меня голова идет кругом! Пойдем же скорее!

И они двинулись по тропинке к деревне.

Было два часа ночи.

Глава XVII

Медвежонка Железная Голова ждет приятный сюрприз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.